

Х. Лофтини

НА ЗАКАТЕ ВОЛШЕБСТВА

**Книга издана при финансовом содействии
МОСКОВСКОГО ИНДУСТРИАЛЬНОГО БАНКА
109193, Москва, ул. Сайкина, 6/5**

Х. Лофтини

НА ЗАКАТЕ ВОЛШЕБСТВА

ХУДОЖНИК
Е. ПОПКОВА

МОСКВА
Издательство „Ириус”
1994

Составление серии В. В. БЕЛОУСОВА

Всего не перечитать. Но есть книги, не зная которые обидно и грешно. Их отобрало время. Они прочно входят в рекомендательные списки для детского чтения. Однако случилось так, что наш маленький читатель был лишен многих замечательных сочинений. Одни из них не перевели на русский, другие издали столь давно, что их бесполезно искать. В серию «Волшебная лампа» издательства «Ириус» войдут книги, полные сказочных чудес, необычайных приключений и берущих за душу историй непростой жизни юных героев. Вспомните босоногого Аладдина. Как преобразило его судьбу прикосновение к волшебной лампе! Кто держит в руках «Волшебную лампу» — не жалеет о том.

Следите за нашей серией !

**Перевод ДМИТРИЯ МЕШКОВА
под редакцией ВИКТОРА БЕЛОУСОВА**

Художник ЕЛЕНА ПОПКОВА

Х. Лофтинг

На закате волшебства / Пер. с англ. Д. Мешкова под ред. В. Белоусова, Илл. Е. Попковой. — М.: Ириус, 1994, 128 с., илл. (Серия «Волшебная лампа»)

Английский писатель Хью Лофтинг (1886—1947) широко известен серией книг о Докторе Дулитле (Айболит — его двойник). Но мимо нашего читателя прошла его удивительная повесть «На закате волшебства», где так тонка грань между реальностью и сказкой, где средневековье вступает в переключку с нашим днем, где детям выпадает решать совсем не детские задачи, где обман и подлость пытаются осилить правду и честь, где сердце знает радость и печаль... И все это сплетено в увлекательном сюжете, выстроенном уверенной рукой Мастера.

ПРИКОСНОВЕНИЕ К ЧУДУ

«Этому нет объяснения!»— восклицает в замешательстве один из героев книги. А уж его удивить трудно, ведь Иоганн — «профессор математики, химии и, Бог знает, каких еще наук». Однако многознайство ученого разбивается о ракушку в детских руках. Правда, ракушку не совсем обычную. И роль ее в повествовании столь велика, что автор вынес это даже на обложку. Полное название у Хью Лофтинга звучит так — «Закат волшебства, или говорящая Раковина».

Вы наверняка знаете этого писателя. Через Айболита Корнея Чуковского. Айболит — переодетый Чуковским Доктор Дулитл, сотворенный англичанином Лофтингом. Правда, писал он в Америке. Но душа его принадлежала старой Англии. Здесь он родился и рос, здесь на всю жизнь привязался к миру животных. В детстве у него был даже свой зоопарк, который размещался в старом... платяном шкафу. Казалось, Хью прямой путь в зоологи или ветеринары. Однако он выбрал другое: после института строил железные дороги. В Африке, в Вест-Индии, в Канаде. Только от рельсов его все более тянет к перу. Его имя появляется в журналах под забавными историями и уморительными рисунками к ним. Кто знает, дописался бы так Лофтинг до своего бессмертного Доктора, не случись первая мировая война. Отсидеться за океаном, когда твоей родине грозит опасность, было не в правилах Хью Лофтинга. И вот тридцатилетний инженер уже в форме ирландского гвардейца долбит окоп в земле Фландрии. А дома ждут его писем. Он обещал детям сообщать новости с фронта. Но, по признанию Лофтинга, «новости были скучными или ужасными». Разве не ужасно видеть, как в мгновение ока рушатся годами возводимые дома, мосты, даже Божьи храмы? А когда рядом замертво падают те, с которыми час назад делил кашу в котелке и табак? Нет, не случайно в книге встретятся строки: «... чего хорошего, когда люди вырастают, держась за меч, и с его помощью пытаются решить все вопросы?» Но прежде чем так заговорил в повести Король, об этом задумался в окопе Хью Лофтинг.

Страдали на войне не только люди. А кони? Их оторвали от привычного плуга, телеги, кареты и заставили тягать пушки, подвозить патроны, нести всадников в атаку. Как и солдаты, они падали с развороченными боками, перебитыми ногами, травились газами. И некому было им помочь. Да и не спросишь у животного, где застрял осколок. Раненых лошадей обычно пристреливали. За что? Чем они-то виноваты, что люди делят-делят и никак не могут поделить несчастный мир?! Эх, знать бы лошадиный язык... Пусть нет такого знатока вокруг. Но можно представить, что он есть. Лофтинг исправляет несправедливость жизни в письмах детям. С картинками и историями про Доктора, которому ведом язык четвероногих. Вместо собственных невеселых приключений на войне.

Из армии Лофтинга уволили по ранению. Элизабет и Колин бережно хранили его письма. Перечитывая их с детьми, рассматривая рисунки, набросанные у походного костра, Лофтинг увидел, как из всего этого прорастает книга. В 1920 году американский читатель получил «Историю Доктора Дулитла», а два года спустя «Путешествия Доктора Дулитла», тут же удостоенные национальной премии. И пошло! Что ни год, выходит новая история с полюбившимся читателям героем. Пока сам писатель не устал от него. И решил он сплавить Доктора на Луну. Нет, Лофтинг не отложил после того перо. Он обмакнул его в другую чернильницу. И вышла из нее во многом другая книга. Она перед вами.

«Превосходная повесть из средневековой жизни» — оценил ее один критик. Соглашаясь, что она «превосходная», другой нашел, что «герои живут непонятно когда и где». Действительно, выхватим глазом одну из первых реплик юного Жилья: «Эти денежные дела — какое-то проклятье. Как бы я хотел, чтобы люди обходились без них!» Это что — крик средневековья? А не услышано вами на сегодняшней улице?

Можно сказать: Хью Лофтинг смотрел издалека и смотрел далеко. Кто знает, может, со временем появится и устройство, делающее то, что умела Раковина. Каких чудес не бывает! Но в них надо уметь верить.

В книге вы почувствуете горечь писателя от людской подозрительности ко всему, что «попахивает волшебством». Упомянутый затворник Иоганн старается для людей денно и ночно — его преследуют. Невежественный доктор Сеймур не умеет лечить — перед ним распахивают двери.

В начале истории Жиль и его сестра Энни совсем дети, но решать им приходится отнюдь не детскую задачу: как спасти семью от разорения? Кажется, где им, когда выхода не видят родители. Но здесь и выясняется: взрослые с годами попадают в плен ложных представлений, а у детей более ясные глаза. Или более зоркое сердце. Оно и приводит детей к хижине Агнессы, которую в городе считают ведьмой. За ее спасительной дверью они и войдут в соприкосновение с чудом.

Пройдут годы, повзрослевший Жиль стал Королевским Искателем. Но пусть не покажется вам, что все у него сводится к поиску пропавших во дворце вещей. В поиске и он, и Энни, и их приятель Люк, и молодой Король, и виконтесса Барбара. А ищут они, порой мучительно, как жить не в разладе с Правдой. Людям это дается плохо до сих пор.

Хью Лофтинг пережил еще одну мировую войну. Это было слишком для чуткого сердца писателя. В шестьдесят лет автора Дулитла и говорящей Раковины не стало. Однако не печалью повеет на вас с последних страниц нашей повести. Да, исчезла волшебная Раковина. Но ее просто унес поток. Да, пропала Агнесса. Но за нею просто закрылась дверь. Где-то на дне морском покоится Раковина. Где-то бродит по свету старая Агнесса. Значит...

«Нет-нет, волшебство не умрет, пока светит солнце и в людях живет дух искательства!» — возглашает в роковую минуту Жиль.

Запомните — «пока живет дух искательства». Постарайтесь же сберечь этот бесценный дар. Никто ведь не хочет прожить, так и не прикоснувшись к чуду.

Правда, герои Лофтинга дорого уплатили за это. Но чудо и не дается даром.

Виктор Белоусов

КНИГА I

1. Жиль и Энни

Как-то вечером, а было это давным давно, близнецам все не спалось. Снизу к ним на мансарду доносился стук ножей и вилок. Брат с сестрой любили угадывать, кого именно родители пригласили на ужин. Они знали многих друзей дома в лицо и по имени, но сами еще были слишком малы, чтобы сидеть за ужином со взрослыми, кроме, конечно, Рождества и их общего дня рождения. В те времена к детям относились поосторожнее, чем теперь. Мальчика звали Жиль, девочку — Энни, и было им по девять лет.

Здесь, наверху, они могли слышать также звон колокольчика, которым отец вызывал прислугу сменить блюда. Было очень забавно по запахам еды, звону посуды и столового серебра отгадывать, какие кушанья в ту минуту на столе.

— Сейчас они принялись за пудинг,— определила Энни.— Слышишь, Жиль, как хлопнула дверца духовки?

— Тише! — призвал брат шепотом.— Не забывай, наша дверь открыта, а мама с папой думают, что мы спим. Нет, пожалуй, они покончили с пудингом. Слышишь, папа колет орехи? А может, это старый брюзга доктор Сеймур. Его голос трудно спутать с другим. Да и мама что-то обронила о его приходе.

— Как поздно летом наступает ночь! — вздохнула Энни.— Попробуй тут усни, когда солнце еще светит в окно!

— И так душно! — добавил Жиль, сбрасывая одеяло.— Я открою второе окно.

Он тихо встал, проскользнул к слуховому окну, аккуратно отодвинул задвижку и распахнул раму. И не удержался, чтобы не взглянуть вниз, на улицу. Там никого не было. Городские часы ударили дважды — полвосьмого. На черепичной крыше дома напротив в остатках заката лениво потягивался черный кот.

— Энни,— позвал мальчик.— Кати сюда, но тихонько.

Сестра бесшумно шмыгнула от своей кровати к наблюдателю и нетерпеливо спросила:

— Что это?

— Там торговка яблоками,— сказал Жиль.— Слышишь? Она сейчас ниже по улице, за углом. Скоро ты ее увидишь.

— А я ничего не слышу,— ответила Энни.— Вот как внизу колют орехи слышу. Я тоже хочу орехов.

— Прикуси язычок! — остановил ее болтовню брат.— Неужели не улавливаешь: «Яблоки! Кому румяные яблоки!»? Говорят тебе, это она. Она всегда кричит это.

— Яблочница! — сказала маленькая Энни задумчиво.— Хотела бы я знать, почему взрослые недолюбливают ее? Жиль, а ты знаешь?

— Фи,— поморщился брат.— Беда с этими взрослыми. Они в себе-то не разберутся толком. А ее они просто не понимают. А чего не понимают, того пугаются. Кроме нескольких храбрецов,— уточнил он.— Я никогда не замечал за Яблочницей ничего дурного. Правда, я никогда с нею не разговаривал. «Ведьма Шрагга». Ну и имечко! Но ты заметила, так ее зовут только взрослые. А для детей она просто «Агнесса-с-яблоками». Не думаю, что эта женщина сделала в своей жизни какую-нибудь пакость. Но экая страхолюдина!

— Ведьма Шрагга,— прошептала Энни.— Вот уж впрямь ей приклеили ужасное имя. И все же, согласишься, странная она. Знаешь, что говорит про нее Мери Сеймур? Она говорит, что Шрагга может читать мысли.

— Что-что? — удивился брат.

— Мысли,— повторила Энни.— О чем человек думает. Во всяком случае, так утверждает Мери. Агнесса может сказать, о чем ты думаешь, даже если ты не произнесешь при этом ни словечка.

— Ну, этому я не поверю,— возразил Жиль.— Может, она только отгадывает, но отгадывает впопад.

— Но если все время отгадывать впопад, это, наверное, то же самое, что и читать мысли? — не отступалась Энни.

— Хм,— пробормотал брат.— Хотел бы я видеть, как она это делает. За день я успеваю подумать о куче самых разных вещей. Попробуй угадай.

— Послушай, она приближается,— прошептала Энни.— Она, наверное, уже за поворотом. Боже! Хотя бы шум внизу стал громче!

— Да,— кивнул Жиль и тут же дернул девочку за рукав.— О Боже, Энни, посмотри на кота!

На противоположной крыше черный кот действительно повел себя странно. Все еще освещенный розовыми лучами закатного солнца, он начал потешно подпрыгивать, в то время как его плоская тень на наклонной черепице совершала еще более дикие прыжки.

— Он чует ее,— прошептала Энни.— А может, уже и видит с

крыши. Это мы отсюда не можем... О Жиль, давай вернемся в кровати. Я боюсь. Нельзя, чтобы Агнесса нас тут увидела. Вдруг взрослые правы, Жиль. Может... Может, она и в самом деле ведьма?

2. Ведьма Шрагга

Мгновение-другое Жиль молчал. Он все еще стоял у окна и хмуро глядел на улицу. Потешное кривляние кота перешло в сумасшедший танец, и этот танец становился все более диким по мере того, как приближался женский голос, напевавший: «Яблоки! Яблоки! Кому румяные яблоки!»

Наконец дети увидели ее. Треск раскалываемых орехов все еще доносился снизу, от семейного стола. Некоторое время Жиль и Энни молчали, поглощенные наблюдением. Старую женщину лучше было один раз увидеть, чем сто раз про нее услышать. У нее было вытянутое морщинистое лицо, умное, мудрое, и нельзя было сказать, что перед вами человек недобрый. Она продвигала свою тележку сильными толчками и только раз остановилась, чтобы, сложив руки рупором, прокричать: «Яблоки!»

— Не верю,— вернулся к своему Жиль.— Читать мысли. Вздор! Если она может делать это, почему этого не может делать любой? Вот я спрячу голову под подушку, ты угадаешь, что в той голове?

— Конечно, нет,— прошептала Энни.— Но Мери Сеймур утверждает: все, что нужно Агнессе,— это взглянуть на тебя, и тогда она будет знать, что у тебя на уме.

— Яблоки! Яблоки! Кому румяные яблоки!

Голос старой женщины становился все громче и ближе. Она продвигалась вперед, не отвлекаясь по сторонам. Наконец она остановилась неподалеку от окна, из которого смотрели дети, видимо, устав кричать на совсем пустой улице.

Энни высунула голову в окошко и не сдержалась:

— О Жиль! Какие дивные яблоки! Я проголодалась.

Жиль облизал губы и согласился:

— Яблоки что надо. А взгляни на то, все красное, в конце тележки. Я хотел бы съесть именно его. А ты?

И тут Агнесса посмотрела вверх, прямо на их окно. Добрая и лучистая улыбка разлилась по ее морщинистому лицу. Не отводя взгляда, она нащупала и вытащила яблоко и, взмахнув рукой, метнула его точно в слуховое окно. Яблоко угодило прямо в руки Жили.

— То самое,— поразился мальчик.— Энни, это самое то, что я выбрал!

— Яблоки! Яблоки! Кому румяные яблоки! — снова закричала торговка и покатила тележку.

Кот исчез с крыши. Когда Агнесса миновала изгиб улицы, они увидели, что животное следует за ней по пятам.

— Яблоки! Яблоки! Кому ароматные яблоки, — голос становился все глуше и отдаленней.

— Господи, Жиль! — лицо Энни было бледным, когда она остановила взгляд на красном яблоке в руках брата. — Старуха выбрала то, что ты желал, именно то. И она, конечно, не могла услышать ни одного слова, что ты шептал. Если это не чтение мыслей, то хотела бы я знать, что это? Так теперь ты веришь?

3. Люк

Яблоко поделили и съели. Было уже за полночь, но дети все еще не могли заснуть. Брюзжащий голос доктора Сеймура лез в уши. Жиль все еще спорил с сестрой, доказывая, что увиденное ими не что иное, как случайное совпадение, а Энни все твердила свое: мол, способность Агнессы читать мысли очевидна.

Не мудрено, что утром к завтраку спорщики спустились со слипающимися глазами. Но все-таки они успели сесть за стол раньше, чем подошли родители. Когда появился отец, Жиль заметил, что он чем-то расстроен. Это бросилось в глаза и Энни. Им хотелось знать — чем? Но за столом не принято было обсуждать такие вещи. Слава Богу, с едой было покончено, и дети выскользнули в сад.

— Как думаешь, Жиль, что с папой? — спросила Энни, когда они порядком отошли от дома.

— А что тут думать, — вздохнул Жиль. — После того, как ты заснула, я прокрался по ступенькам вниз. И оттуда услышал, если правильно понял, что папа задолжал доктору Сеймуру и другим кучу денег. Я считал, у папы достаточно денег, но, похоже, он занимал их у доктора и тот хочет, чтобы папа их ему сейчас вернул.

— И много? — встревожилась Энни.

— Да, — вздохнул Жиль. — Думаю, куда больше, чем папа может вернуть сейчас. Доктор Сеймур не намерен ждать! Он хочет получить денежки сполна и в ближайшую неделю. Он все бурчал, что ему нужно оплатить собственные счета. Папа сказал, по всему, он не сможет вернуть деньги за такой короткий срок, но доктор Сеймур шумел, что он своего добьется. Эти денежные дела — какое-то проклятье, как бы я хотел, чтобы люди обходились без них!

— О Боже! — приуныла Энни и задумалась. — Я бы хотела... может, — неуверенно начала она, — ...может, Агнесса придумает что-нибудь? Может, нам стоит повидаться с ней?

— Господи, Энни, или ты забыла, как относятся к ней эти

взрослые? Для них она ведьма. Ну подумай сама, какую помощь здесь ждать?

— Кто знает,— возразила Энни.— Ты сам сказал, что поверил в эту старую женщину. И я начинаю чувствовать то же самое. Хотя и не знаю почему. Может, от ее доброй улыбки. Или по тому, как относятся к ней животные. Вспомни кота. Взрослые, они ведь всегда такие: что им раз в голову пришло, на том и будут стоять. Давай пойдем и поговорим с Агнессой. Я уверена, она не причинит нам зла.

Вскоре Жиль и Энни вышли через низенькую садовую калитку, которая находилась за домом, и отправились в город.

Они справились у старого слепого, который сидел перед восточным входом в церковь Богородицы, где бы им разыскать Агнессу, что торгует яблоками.

— Вы спрашиваете про ведьму Шраггу? — переспросил он грубо и подозрительно насторожился.

— Именно про нее, если вы ее так зовете,— подтвердил Жиль.— Где она живет?

— Я... Я не знаю,— пробормотал слепец и перекрестился.

Дети бродили по городу, пытаясь найти кого-нибудь еще, у кого можно бы справиться о ведьме, и в конце концов встретили хромого мальчишку, которого знали практически все в городе. Наслышаны были о нем и Жиль с Энни. Он не показался им неприступным и молчуном, как о нем болтали.

— Агнесса? — сказал он.— Ну почему же, знаю, где она живет. Спуститесь к мосту через речку — ну, вы знаете ее, Саус-ривер. У подножия холма увидите тропинку, бегущую у самой воды. Идите по ней, пока не увидите немного повыше маленькую хижину, там, где вода не может ее достать. Там и обитает Агнесса. Славная женщина. Встретитесь — сами убедитесь. Что из того, что мэр и его братия называют ее ведьмой. Найдутся и другие, кто знает ее такой, какая она на самом деле.

4. Хижина у реки

Дети поблагодарили хромоножку Люка и пошли указанной дорогой. В точности следуя его приметам, они в конце концов увидели ту хижину. Она была очень ветхой и, казалось, от старости и слабости сама погружалась в окружающую грязь. Сколько людей могло пройти мимо и не заметить ее. Жилю и Энни пришлось пробираться по подсохшей тине, чтобы попасть к домику.

Дверь была плотно закрыта. И за окном никаких признаков жизни. Жиль крадучись подошел к двери и робко постучал. Ответа не последовало.

— Может, она ушла? — прошептала Энни.

— Подождем немного,— предложил Жиль. Он еще постучал в дверь, на этот раз более решительно.

— Войдите,— мягко отозвался голос.

Мальчик взял руку сестры в свою, поднял щеколду и толкнул дверь. Перед ними возникла черная квадратная дыра. Сначала показалось, что внутри хижины нет никакого света. Потребовалось собрать всю смелость, чтобы ступить дальше. Энни чувствовала, что ее рука крепко сжата рукой брата. Он повел ее вперед и вниз, в темноту, нащупывая ногой ступеньки.

— А, да это мои яблочные детишки,— пропел мягкий голос.— Входите, входите. Вы ничего не видите? Подождите немного, мы запалим свечу.

Послышалось, будто кто-то чиркает по спичечному коробку. Одновременно дверь заскрипела и закрылась сама собой за спиной детей, хотя ни Жиль, ни Энни не могли понять, как это произошло. Стало еще темней. Но тут засветился маленький радостный огонек, и дети увидели старую женщину, склонившуюся над столом и пытавшуюся зажечь свечку.

— Я рада вас видеть,— сказала она, и улыбка разлилась по ее морщинистому лицу.— Огонек нас немножко ободрит, не так ли? Ну, а огонек — о Господи, он опять гаснет! Ну что за прием. Ни тебе света, ни тебе огня, только холодный ветер свистит. Подождите немного. Сядьте, и мы скоро его разведем.

Хозяйка взяла кочергу и поворошила золу в очаге. Затем она принялась поддувать воздух из мехов, а два больших черных кота вышли из мрака, неся в зубах щепки. Агнесса взяла щепки и положила на красные угли, которые возрождались к жизни среди взвихрившейся золы и пыли. Коты продолжали сновать взад-вперед, таская дрова с самым деловым видом, будто они давно привыкли выполнять по дому такого рода работу. Скоро веселое маленькое пламя стало рассеивать темень. Свет очага помогал слабенькому свету свечи на столе, в то время как остальная часть комнаты делалась еще более мрачной и неприветливой.

— Ну вот,— повернулась Агнесса к детям.— Так-то оно лучше. А теперь давайте посмотрим, чем я могу вас угостить. Садитесь, детишки. Подвиньте скамейку сюда, да, вот так.

Затем она растворилась в темноте хижины и вынесла оттуда большую грушу и два сочных персика. Дети взяли их из ее протянутых рук и пробормотали слова благодарности. Сама Агнесса устроилась на скамейке между ними.

— Дорогие вы мои,— сказала она,— не так-то часто у меня бывают гости. Кроме тех, кого я не хотела бы видеть. Ну, а теперь выкладывайте, что я могу сделать для вас, маленькие человечки?

— Ну... Да... Ну, мы думали, наверное...— приступил было Жиль и запнулся.

— Хм,— вздохнула Агнесса, и два черных кота опять вышли вперед и стали тереться головами о ее колени.— Возможно, маленькая спутница расскажет лучше.

— Видите ли, уважаемая тётя Агнесса,— начала Энни, заерзав на скамейке.— Все дело в том, что вы...

Старая женщина внимательно смотрела на Энни, затем взяла ее маленькую ручку в свои.

— Что-то случилось с вашим папой? — сказала она доброжелательно. При этом дети подскочили и посмотрели друг на дружку. Энни чуть было не спросила у старой женщины, как она сумела догадаться. Но тут она заметила, что Агнесса все еще внимательно смотрит на нее и продолжила:

— Да, это так. У него неприятности.

— Какие именно,— спросила Агнесса.— Его дела? Деньги, моя маленькая?

— О, тетя Агнесса, он всегда имел достаточно денег для своих дел и для семьи,— сказала Энни.— А сейчас он задолжал. С ним случилось несчастье. Он выглядит таким расстроенным, даже больным.

— Ну-ну,— ободряла Агнесса мягко.

Энни взглянула на брата.

— Мы думали, мы должны что-то сделать, чтобы помочь ему,— вступил Жиль.— Поэтому мы и пришли сюда.

— Ко мне? — сузила глаза Агнесса.— Ну, хорошо, хорошо. А вы никому не проговорились, что идете сюда?

Дети замотали головами.

— Это дело требует обдумывания,— сказала Агнесса, обращаясь, кажется, больше к самой себе. Она встала и прошла в темную часть комнаты, где исчезла за ветхой занавеской. Коты также поднялись, как пажы, сопровождающие королеву, и последовали за ней.

Дети замерли на скамейке. Первой не выдержала Энни, спросив шепотом:

— Что ты обо всем этом думаешь, Жиль?

— Думаю, все идет как надо,— также шепотом ответил брат.— Но каковы коты? По-моему, они поразительны!

— А не поразительно, как она узнала, что мы хотим сказать, раньше, чем мы это сделали? — спросила Энни.

— Да,— кивнул Жиль.— Но нам ведь это не страшно, не так ли?

— Конечно нет. Я думаю, так и должно быть, если это магия. Хотя, может быть, это и не так. Впрочем, она мне очень нравится. Посмотри лучше, какая забавная и странная комната.— Взгляд Энни обегал обстановку внутри хижины, в то время как зубки ее трудились над сочным персиком.— Медные кастрюли на стенах. Никаких картинок,— перечисляла девочка.— Старые деревянные сундуки — хотела бы я знать, что там внутри. Спальные корзинки для котов — не удивлюсь, если окажется, что у них есть свои кровати. И тележка для яблок, посмотри, вон там, из-под залатанной крышки, торчат

колеса. Старые одежды и шляпка на крючке. О, как бы я хотела верить, что она поможет папе, Жиль. Но она сама, по-видимому, сильно нуждается... Тихо, она возвращается.

Агнесса, прихрамывая, подошла к скамейке у огня. Оба кота сопровождали ее. Затем они направились в дальний угол, сели друг подле друга и оттуда шурились на огонь.

— Ну-с, молодые люди,— сказала Яблочница.— Сознаете ли вы, что вам грозят серьезные неприятности, если родители узнают, что вы были здесь?

— Да, конечно,— согласилась Энни.— Но ведь это так важно — попытаться что-нибудь сделать для папы. А вы, тетя Агнесса, единственная, на чью помощь мы можем рассчитывать.

— Конечно, конечно,— закивала старая женщина.— Но вы же знаете, что болтают про меня люди.— При этом она внимательно смотрела на Жиль широко распахнутыми черными глазами.

— Вас называют ведьма Шрагга,— проямлил мальчик, отводя взгляд.

— Именно так, ведьма Шрагга,— подтвердила она.— Много они понимают, глупые. Скажи, по-твоему, похожа я на ведьму?

— Нет-нет,— поспешил заверить Жиль.— Вы мне кажетесь, ну, очень разумной женщиной. Но мы не можем понять, что происходит с этими котами? Вон тот, от его взгляда у меня мурашки бегут по коже. Такое ощущение, будто он внимательно слушал и понимал все, что было сказано тут.

Агнесса хихикнула.

— Хотите, он сейчас подойдет и составит нам компанию у огня?.. Хорошо. Вот он идет, смотрите.

Большая лоснящаяся зверюга, с отблеском огня в зеленых глазах, медленно пересекла комнату и вальяжно расположилась в ногах у Жилья.

— Как же так?! — вскричал мальчик.— Вы не позвали его, ничего ему не приказывали, а он сам взял и подошел, как только вы этого захотели. Как вам это удалось?

— Спрашиваете, как? — задумчиво молвила Агнесса.— Боюсь, я сама не смогу вам это толком объяснить. Выглядят они как пара заурядных котов, вы сами в этом могли убедиться. Несколько более крупные, чем обычно, но очень, очень умные. Они близнецы, как и вы, но постарше вас. Так, возможно, все это выходит из-за того, что мы очень давно живем вместе. Они очень любят меня и при этом очень ревнивы, если им что-то покажется. Кстати, как это не удивительно, они никогда не дрались, никогда не кричали и вообще не издали ни единого звука, сколько я их знаю. Когда они были маленькими, я пыталась обучить их всевозможным трюкам. Это было совсем просто с такими умными созданиями. Но сейчас они, похоже, учат один другого. Иногда, я думаю, они наверняка могут знать или догадываться, что я хочу или что я собираюсь делать.

Порой кажется, они насмеваются надо мной. Но, как бы там ни было, они довольно часто выполняют мои невысказанные пожелания. Да и что в этом удивительного? Подобные вещи часто происходят и с людьми. Но мы забыли о вашем отце и его несчастьях.

— Вы сможете ему помочь, не так ли? — оживилась Энни.

— Подумаю,— сказала Агнесса.— Но, во-первых, дети, я хочу, чтобы вы уяснили достаточно четко одну или две вещи. Поскольку меня считают ведьмой, я опасаясь, что меня могут притянуть к ответу в магистрате или даже сжечь за мои грехи.

Оба кота немедленно прыгнули к ней на колени. Энни заметила, что один из них выглядел свирепым, а другой огорченным. Агнесса улыбнулась, погладила их и мягко опустила на пол.

— Таким образом,— продолжала она,— важно, чтобы вы вели себя очень осторожно. Ведь это может быть опасно и для вас, и для других. Я вовсе не хочу, чтобы вы кому-нибудь врали, вашим родителям или кому еще. Но пусть ваши роты будут на замке.

Дети тут же постарались стиснуть зубы. Но рот Энни был полон сладкой грушей, а у ее брата — сочным персиком, поэтому было похоже, что они скривились от сильной зубной боли. Агнесса рассмеялась.

— Я только хотела предупредить, чтобы вы не болтали лишнего. Никто ведь не знает, что вы приходили сюда.

— Извините,— покаялся Жиль.— Мы спрашивали у двоих, как найти ваш дом: у слепого Михаэля и у хромоножки Люка.

— Ну, это не повод для волнения,— успокоила Агнесса.— Старый Михаэль не болтун, к тому же он не знает, добрались вы до меня или нет. А что касается Люка, то он добрый мальчик. Я пыталась вправить вывих ноги у него. Вы можете говорить с ним сколько хотите. Но ваши родители не знают, что вы были у меня. И никто другой не знает. Запомните это. И не ставьте себя в такое положение, когда вас могут спросить об этом. И попробуйте,— Агнесса встала со скамейки и положила руки на плечи детей,— попробуйте не задавать мне слишком много вопросов.

С этим она подошла к двери и открыла ее.

— Вам пора. Приходите завтра утром, и мы посмотрим, что можно сделать. До свидания.

5. В саду моря

Следующим утром дети так спешили отправиться в дом Яблочницы Агнессы, что с большим трудом заставили себя проглотить завтрак. На их счастье, родители были невнимательны. Лишь старая повариха Эльзбет проворчала что-то вслед по поводу несъеденной овсянки, когда они устремились к садовой калитке.

Город в эту рань был пуст, ни души на улицах. Не прошло и четверти часа, как запыхавшиеся бегуны уже достигли хижины.

На этот раз им не понадобилось стучать. Дверь распахнулась, как только они занесли ноги на порог, и старая женщина в шляпке вышла их встречать.

— Нынче хороший денек для прогулки по берегу,— заметила она.— Давайте-ка спустимся к морю и поищем ракушки и красивые камушки, куда не наступил прилив.

— С удовольствием. Но вы не забыли про папу? — напомнила Энни.

— О нет,— заверила Агнесса певучим голосом.— Я никогда ничего не забываю. Хотя порой мне и хочется кое-что забыть. Идемте, молодые люди.

В молчании дети последовали за ней по гулким улицам, пока ветер с моря не стал обдывать их лица. Им казалось, что они участвуют в захватывающем приключении. Свежий чистый запах моря вызвал в их воображении дух путешествий, образы странствий, о которых они раньше только читали, но в которых надеялись однажды принять участие.

Вскоре город остался позади. И теперь старая Агнесса шла медленно среди песков побережья.

Чем дальше, тем берег принимал все более дикий вид, с высокими утесами, скалами, заливами. То и дело попадались лужицы, похожие на маленькие озерца, в них плавала и ползала всякая живность — крабы, креветки, маленькие козявки. Казалось, их очень просто поймать. Энни все время отставала, собирая моллюсков и прочую мелкоту.

Но Яблочница уверенно шла вперед, как будто она знала место, к которому стремилась.

Наконец, когда дети уже стали терять терпение, они увидели две скалистые гряды. Спускаясь с утеса, они отгораживали кусочек пляжа, со всех сторон сокрытый от посторонних глаз. Место выглядело как фантастический сад, созданный морем. Большие сыроватые валуны, разбросанные в беспорядке и покрытые бахромой водорослей, казалось, образовывали дороги и площади маленького города, состоящего из крохотных улочек, где за каждым углом можно было найти что-нибудь интересное. Время от времени те улочки превращались в каналы, стекавшие в прудики и озерца, где под водой резвились рыбешки и колыхались веселые анемоны.

Дети, увлеченные увиденным, перебирались с места на место, наперебой подзывая друг друга подойти и полюбоваться на новое открытие.

Надо было исследовать так много сказочных пещер, собрать столько цветных круглых камешков и Бог знает чего еще, что минул добрый час, прежде чем дети спохватились и вспомнили, что не видели Агнессу с тех пор, как пришли сюда.

Они обнаружили ее после недолгих поисков на отдаленном участке большой скалы. Здесь после отлива осталось озеро, побольше и поглубже остальных. Кроме верхушки одинокого валуна, ничего не было видно в его голубовато-зеленоватой глубине. Возможно, это была нора какого-то чудовища, полузверя-полурыбы.

Здесь же лежало длинное толстое бревно, видимо, выброшенное с какого-нибудь разбитого корабля. Бревно Агнесса использовала как сиденье и стол одновременно. Она выложила на него из маленькой корзинки фрукты, бутерброды, сыр, в общем, все, что прихватила с собой для завтрака на природе, и пригласила детишек присоединиться к ней. И только когда они уселись и набили рты едой, они поняли насколько устали и проголодались.

Когда с завтраком было покончено, умиротворенные путешественники стали наблюдать, как движется солнце над морем. Энни обратила внимание, что Агнесса оторвала от конца бревна пучок водорослей и прополоскала их. На свой вопрос она получила ответ, что Агнесса-Яблочница использует эти растения для приготовления лекарств. От медицины разговор перебрósился на другие вещи, не менее интересные.

Энни не имела представления, сколько прошло времени, когда она вновь вспомнила про несчастье, приключившееся с отцом. Но она помнила напутствие Агнессы не докучать ей вопросами. Посмотрев на Яблочницу, она встретила ее взгляд, внимательный и задумчивый. Агнесса заговорила первой.

— Ты когда-нибудь слышала, как поет море в раковине?

— Конечно,— включился в разговор Жиль.— Этим утром мы уже слушали одну такую, всю в розовых разводах.

— А знаете ли вы, что они сильно отличаются,— сказала Агнесса.— И размерами, и окраской. И конечно, голосом. У одной голос низкий, у другой — высокий, одни поют тихо, другие — громко. Есть просто удивительные. Если мне повезет, то, может, я найду такую и покажу.

Прямо с того места, где она сидела, Агнесса, засучив рукава, сунула руки в воду. Довольно долго она возилась там. Детям показалось, что губы ее двигаются, как будто Агнесса бормочет что-то про себя.

— Что она подразумевает, говоря про особенную раковину? — прошептала Энни на ухо брату.

— Не знаю,— так же шепотом ответил он.— Но мне кажется, должно случиться что-то чудесное.

И тут дети открыли от изумления рот. Было отчего: головы двух черных котов появились непонятно откуда и уставились в воду из-за плеч Агнессы. Большие зеленые глаза следили за движением ее рук с нескрываемым интересом, в то время как она пыталась что-то нащупать в глубине.

Наконец рука Агнессы поднялась, и все увидели, что она сжимает

ракушку. Ракушка была куда красивее тех, что видели дети: с большое яблоко, зеленая снаружи и покрытая бледным перламутром внутри; толстая, почти круглая в середине, изящно закрученная с одного конца. Агнесса очистила ее от песка и внимательно исследовала. Энни услышала ее шепот, когда она обращалась сама к себе:

— Какая удача! Это именно та, и ни одного скола, ни одного изъяна.

Затем она посмотрела на детей, и ее морщинистое лицо расплылось в улыбке, хотя всего минуту назад оно выражало озабоченность.

— Но откуда взялись эти коты, тетя Агнесса? — спросил Жиль.

— Вероятно, шли за мной от города. Не обращайтесь внимания на них. Я хочу, чтобы вы взяли эту раковину и послушали, как она поет песню Моря.

К месту, где они стояли, не долетал морской ветер, только мелкие брызги мерно падали на гальку между валунами.

Жиль поднес раковину к уху.

— Что-нибудь слышишь? — спросила Агнесса.

Мальчик немного помолчал, прислушиваясь. Но вскоре мягкая улыбка озарила его напряженное лицо.

— О да, — откликнулся он. — Я слышу, как могучие валы накатываются на берег, разбиваются и взлетают вверх, ударяясь о скалы и утесы. И как они откатываются назад, шипя и пенясь. Сильный ветер свистит между деревьями и в оснастке кораблей. Чу, он затихает — о Боже милостивый!

Жиль уронил раковину на песок, как будто она укусила его.

— Она горячая! — вскричал он. — Она только что стала горячей!

— Не бойтесь этого, — успокоила Яблочница. — Она не настолько горяча, чтобы обжечь тебя, не так ли?

Не ожидая ответа, Агнесса застегнула накидку и поставила у ног корзину, в которой принесла провизию. Теперь корзинка была наполнена лекарственными водорослями. Оба черных кота подошли и встали около нее, как будто они тоже собирались отбыть. Глядя на эту картину, Энни ощутила какую-то смутную тревогу.

Агнесса-Яблочница стала подниматься на скалу кратчайшей дорогой и вскоре достигла узкого прохода между двумя скалистыми грядами, уходящими к морю. За ней увязался один из котов. Когда она стояла там, на высоте человеческого роста над головами детей, им показалось, что с ней произошла какая-то странная перемена. Свежий морской ветер трепал ее плащ и бился над глянцевым черным мехом ее компаньона.

— Сейчас я вас покину, — сказала она значительно. — Может пройти много времени прежде, чем я снова вас увижу. Возьмите эту раковину и бережно храните ее. Она очень ценная. А сейчас слушайте, слушайте и запоминайте!

Ее правая рука поднялась, будто подчеркивая значимость сказанного. Последние лучи солнца погасли в море, и в набирающих силу сумерках морской бриз сделался более сильным. Голос Агнессы, казалось, затихал вдали, оставаясь в то же время чистым и пронзительным:

— *Счастлива тот, кто принесет волшебную говорящую Раковину нуждающемуся в ней...* Я должна идти. Поскольку вам трудно будет найти дорогу в темноте, один из моих котов останется проводить вас домой. Удачи вам. Мы еще встретимся. Прощайте!

С грустью смотрели дети на ее фигуру, которая возвышалась на верхушке утеса. Наконец Энни сжала руку брата и посмотрела на оставшегося кота. Он сидел, показывая на дорогу, проходившую по пляжу. Жиль стиснул ракушку в руке.

Слишком озадаченные и погруженные в свои мысли, чтобы разговаривать, дети пристроились за провожатым и двинулись в сторону дома.

6. Говорящая Раковина

По пути кот спешил, как будто понимал, что они могут опоздать к ужину и детям достанется на орехи. Однако никто, кроме поварихи, не обратил внимания на их позднее возвращение, и они тихонько пробрались к себе на мансарду.

— Что ты обо всем этом думаешь, Жиль? — спросила Энни, когда, наконец, они уединились. — И особенно про ее исчезновение. Бросить нас одних на берегу моря? Вот тебе и добрый человек!

— Ничего не думаю, — ответил брат. — Возможно, у нее были еще какие-то важные дела. А вот что меня действительно интересует, так это штука, которую она нам дала.

Он извлек из кармана большую зеленую Раковину и осторожно положил на стол между собою и сестрой.

— Как она прекрасна! — воскликнула Энни. — Дай послушать. Может, она напомнит шум моря.

Она взяла Раковину и поднесла к уху.

— Здорово! — Энни даже закатила глаза от восхищения. — Море как будто хлынуло в комнату. Ничего подобного не слушала раньше. Ты почти ощущаешь соленый вкус воды, летящие брызги... Ой, все пропало... Она разогревается, уже горячо, еще горячее. Ой, Жиль, она не обожжет меня?

— Нет-нет, — поторопился успокоить брат. — Не сомневайся. Только, ради Бога, не урони ее! Ты ведь слышала, что сказала Агнесса: эта Раковина никогда не разогревается настолько, чтобы дошло до ожога.

Все еще сомневаясь, Энни, однако, продолжала держать Раковину у уха. Вскоре лицо ее сделалось растерянным.

— Что это? — прошептала она. — Я слышу кто-то говорит обо мне... Это повариха. Точно. Она возмущается, что я ужасно насорила хлебными крошками под столом. Но ведь это неправда. — Энни отняла Раковину от уха и протянула через стол брату. — Это ведь твои крошки, Жиль... Я не уронила на пол ни одной, ну почти не уронила... А сейчас она остывает. Вот опять холодная.

— Что ты сочиняешь? — усомнился Жиль, забирая у нее Раковину. — Ты услышала внутри голоса? Тебе, наверное, почудилось. Я знаю, она может становиться горячей и холодной, но голоса... Дай-ка я послушаю.

Мальчик поднес Раковину к своему уху.

— Ничегошеньки, — заключил он через пару минут. — Ничего, лишь слышно как шумит море.

— А ты подожди, подожди! — запальчиво сказала Энни. — Подожди, пока она опять станет горячей. Именно тогда я услышала голоса.

Жиль вернул Раковину на стол.

— Послушай, Энни, — нахмурился он. — Уж не хочешь ли ты сказать, что эта Раковина умеет разговаривать?

— Я бы тоже не поверила, — ответила Энни. — Если бы не услышала сама. Но Раковина не говорит сама. Она только передает, что о тебе говорят другие.

— Какая чепуха! — возмутился Жиль. — Сущяя чепу... О-о-о... О-о-о!

Он отдернул руку от Раковины.

— Опять греется, — догадалась Энни. — Но лучше послушай ее, пока не остыла.

Жиль попробовал еще раз. И голос его задрожал:

— Это папа... И говорит он про меня.

Последовала пауза, один при этом слушал, а другая терпеливо ждала.

— Ну, тут ничего существенного, — заговорил он наконец, хмуря брови. — Иногда я думаю, папа меня не понимает. Ему бы получить плохого сына! «Плохо, что этот несносный мальчишка уже в кровати, — вот что он сказал. — Я не могу найти мой молоток. Он бы его быстро сыскал. Единственное полезное дело, на которое пригоден Жиль, — это находить разные вещи».

— Не огорчайся, — утешила Энни. — Хорошо еще, что тебе все-таки находится применение. Но теперь моя очередь. Дай и мне послушать. Похоже, это очень занимательная игра, не так ли?

— Да, конечно, — согласился брат, возвращая Ракушку. — Но все зависит от того, что именно ты услышишь.

Энни тут же крепко зажала Раковину в руке и приложила к уху.

— Море,— пробормотала она.— Бормочущее и беспокойное, пенящееся и окатывающее брызгами.

И она начала напевать про себя мелодию, как бы повторяя песню волн, накатывающихся на берег и устало стекающих обратно. Вдруг она остановилась. Лицо ее озарилось. Глаза раскрылись пуще, а рука еще плотнее прижала Раковину к уху. Наконец, она опустила Раковину на стол, проводив ее странным взглядом.

— Дорогая моя,— пробормотала она,— конечно, я знаю это и сама. Но я не догадывалась, что это знает кто-нибудь еще.

— Ну что там еще? — проворчал Жиль.

— Кто-то сказал, что я всегда вела себя лучше всех девочек в городе. Но я не узнала голос. Но ведь это правда? — с этим она передала Раковину через стол.— Твоя очередь, Жиль.

Сама она угнездилась в кресле, сложив руки на коленях.

— Послушай! — вскричал Жиль, вскакивая и с грохотом отодвигая стул.— Тихо, погаси свечу. Кто-то собирается подняться сюда. Ведь все думают, мы спим... Ладно. Доберемся до кроватей и при свете луны. Давай все-таки попробуем разобраться в сути этой штуковины. Ты заметила что-нибудь особенное в том, как Ракушка говорит?

— Конечно,— ответила сестра.— Она при этом всегда разогревается.

— Да,— кивнул брат.— Но ты обратила внимание: когда ты держишь ее, то голоса говорят только про тебя. А когда держу я — только про меня. Думаю, это и есть ее секрет. Давай попробуем еще.

Так, сидя в пижамах, дети провели несколько часов. Когда один из них внимал Раковине, другой прислушивался, не раздадутся ли на лестнице шаги, и тогда придется прервать игру.

Энни слышала, как мама говорила про новое платье, которое хочет сшить для нее к Пасхе. Жиль еще раз услышал, как папа говорил про него, и Жиль с Энни слышали, как отзывается о них доктор Сеймур. Каждый слышал хромоножку Люка и что тот говорил о каждом из них в отдельности, укладываясь спать на свою постилку из соломы.

Становилось все темнее. В домах гасли огни, люди ложились спать, и Раковина разогревалась все реже. Дети были уже уверены, что постигли ее секрет: держащий Раковину в руках ощущал тепло, когда кто-то где-то говорил именно о нем.

За этим занятием оба чертовски устали. Спрятав Ракушку под подушку, Жиль пробормотал прежде, чем уснуть:

— Я думаю, это волшебство... Точно волшебство... А ты что думаешь?.. Это волшебство, Энни?

Но с той стороны, где стояла кровать сестры, не раздалось ни звука. Энни уже спала.

7. Слепой Михаэль

Ни свет ни заря Жиль разбудил сестру, запустив в ее кровать тапочек.

— Нам нужно решить, кому отдать Раковину,— заторопил он и напомнил слова Агнессы: «Кто вручит ее нуждающемуся в ней, сам будет счастлив». Пожалуй, наш папа в ней нуждается. Что скажешь?

Энни, хотя еще не совсем проснулась, возразила:

— Подумай, Жиль, что папа будет делать с такой штукой? Он ведь очень разумный человек. Станет он тебе таскать Раковину в кармане и ждать, когда она ни с того ни с сего разогреется и ее можно будет послушать. Нет, Жиль, мы должны предусмотреть все наперед. Я не удивлюсь, если нам доставит немало трудов наделить ею кого-нибудь из взрослых, хотя бы для пробы.

— Ну, а что ты скажешь насчет доктора Сеймура? — закинул Жиль.

— Глупости! — отвергла Энни.— Я не уверена, что до этого ограниченного старого брюзги дойдет суть нашего предложения.

— Но он мнит себя очень важной персоной,— напомнил Жиль.— Такому было бы интересно узнать, что думают о нем люди.

— Сеймуру интересно узнать, что я могу сказать про него? Не смейся! — возразила Энни.— Нет, он совсем не подходит для нас. И почему мы начали с людей с тугим кошельком и имеющих вес в обществе? Если примеряться к ним, то, боюсь, Раковина просто уйдет от нас и, может, принесет кому-то кучу неприятностей. Давай начнем с бедных и несчастных, которые не смогут навредить нам, даже если не разберутся, чего мы от них хотим. Агнесса ведь не сказала, что счастье и удача придут именно от того, кому мы отдадим Раковину. Главное, чтобы мы нашли того, кому она действительно всех нужнее. Агнесса ведь не отдала нам ее просто так. Сначала мы, наверное, должны попробовать, может, даже не с одним человеком, а затем посмотреть, что получится.

— Бедные и нуждающиеся? Пожалуй,— пробормотал Жиль задумчиво.— И такой человек у нас есть, это слепой Михаэль.

— Верно! — загорелась Энни.— Кто не может видеть, действительно нуждается в особой помощи. Хотя у нас с ним и могут быть трудности. Ведь Михаэль очень недоверчив. Впрочем, он неплохо отнесется к нам, а это уже кое-что.

С тем и порешили.

Михаэля всегда было легко найти. Обычно он сидел у восточного входа в храм Богородицы, под аркой с вырезанными святыми, в солнце и дождь, от темна до темна. Около него сидела его дворняга Тимоти, которая благодарила, как могла, тех, кто бросал деньги в маленькую коробочку, висевшую у слепого на груди. Каждое утро собака провожала слепого к церкви и каждый вечер — обратно домой.

Тимоти радостно завилял хвостом, когда увидел подходивших детей. Слепой почувствовал движение собаки. Он поднял руку и пошарил ею в воздухе, как бы ловя призраки.

— Добрый день, Михаэль,— приветливо сказала Энни.

— Доброе утро, дети,— ответил слепой, который уже успел различить шаги двух пар ног.

— Послушайте,— приступила Энни.— У нас есть Раковина, и мы хотим, чтобы некоторое время она побыла у вас.

— А зачем я должен хранить ее? — проворчал старик.

Жиль чуть было не выложил все о возможностях Раковины, но Энни успела остановить его:

— Возьмите это от нас в знак расположения, Михаэль. Мы очень хотим, чтобы Раковина была при вас.

И она объяснила, как Раковина может действовать.

— Не нравится мне все это,— поморщился старый слепой.— И где вы ее взяли?

— О, не спрашивайте нас об этом сейчас! — взмолилась Энни.— Поверьте, Михаэль, никакого вреда вам от нее не будет. Кроме того, вы нас знаете. Не так ли?

— О-хо-хо,— вздохнул он.— Я доверяю вашим родителям, а значит, у меня нет причин не доверять вам, это так. Но я не люблю всякие непонятные штуки, вроде той, что вы мне предлагаете. Жизнь слепого человека и без того сложна. Поэтому я и ненавижу отгадывать всякие новые загадки. Впрочем, давайте сюда вашу Раковину.

Он протянул большую белую руку, и Энни вложила в нее Ракушку. Ладонь закрылась, и у детей возникло такое странное чувство, как будто слепой Михаэль обрел зрение.

— Мы вернемся завтра или послезавтра,— сказала Энни.— Вы нам расскажете, что слышали.

— Хорошо, я буду ждать вас, дети,— был ответ.

8. Философ Иоганн

Минуло два дня, и дети снова оказались у восточного входа в церковь.

— Здравствуй, Михаэль! Что же тебе поведала Раковина? — спросила нетерпеливо Энни.

— Ничего,— проворчал слепой.— А что иного вы ожидали? Кому я нужен, чтобы обо мне говорить!

— Но она хоть иногда разогревалась? — спросил озадаченный Жиль.

— Да, раз она стала горячее,— сказал Михаэль.— Но когда я поднес ее к уху, то услышал только лай Тимоти. Он бегал тогда на речку ловить крыс. Я думаю, Тимоти опасался, что не успеет

вернуться вовремя, чтобы отвести меня к церкви. Только лай моего пса да и тот на его собственном языке — это все, что уловил я из Раковины. Но что еще мог услышать я, слепец и нищий?! Никто никогда не говорит и не вспоминает о Михаэле. Вот ваша Раковина, молодые люди. Ступайте, и пусть с вами будет мое благословение.

Огорченные, дети забрали Раковину и повернули домой. Полдороги никто из них не проронил ни слова. Наконец, Жиль разомкнул рот:

— Хорошо, а что мы будем делать сейчас? Мне кажется, нам все-таки надо найти человека побогаче. От слепого Михаэля и нечего было ожидать. Постой, а может, мы выручим папу, если продадим Раковину?

— Имей терпение,— призвала Энни.— Или забыл, что в сказках удача приходит, когда ее уже не ждут и все надежды потеряны. Пока ничего плохого не произошло. Правда, и хорошего тоже. Но мы должны быть настороже. Ты ведь знаешь, как в этом городе бояться всего, что пахивает волшебством. Помнишь, Агнесса говорила, что ее хотят притянуть к суду за ведьмовство. Если нас спросят, где мы взяли Раковину, нам придется назвать ведьму Шраггу. И — что тогда? Нам надо думать, что может случиться с ней, а не только о себе.

— Конечно, ты права,— согласился брат.— Что за город! Время от времени здесь все начинают сходить с ума и искать всюду ведьм. Люк говорил, только старый философ Иоганн никогда не грешил такой охотой и не вмешивался в чужую жизнь. Так он и сам чуть не угодил под суд. И это старый безвредный Иоганн! А за что? Что человек занимается алхимией.

— Иоганн?! Это идея! — вскричала Энни.— Как бы там ни было, нас он не выдаст. Да ему самому будет интересно. Он же не ищет во всем новом происки дьявола. Давай отдадим Раковину ему.

Философ Иоганн затворничал в горах за городом. Однажды дети уже были у него — случайно. Они тогда собирали чернику и заблудились. Набредя на маленькую хижину, они поначалу испугались, увидев в оконце рассерженное красное лицо. Но когда это красное лицо услышало под окном их печальную историю, оно попросило их войти и объяснило, как добраться до дому. И покидая это странное жилище, они уже не испытывали страха к человеку, который отшельником жил в горах.

Без колебаний близнецы взялись разрабатывать план второго посещения Иоганна. Им нужно было попасть домой и позавтракать прежде всех. Бой часов на церковной башне заставил их поторопиться, и дети пропустили во всю прыть.

Старая повариха Эльзбет на скорую руку накормила их легким завтраком, и через считанные минуты, как они переступили порог, дети уже покинули дом.

Путешествие заняло немало времени: и путь неблизкий, и часто приходилось карабкаться по крутым склонам. Наконец, после

тяжелой дороги дети оказались у порога хижины философа Иоганна. Жиль осторожно постучал. Дверь чуть приоткрылась, и в образовавшуюся щель на них крайне подозрительно уставился глаз.

— Можно войти и поговорить с вами? — спросила Энни. — Мы оторвем вас от дел ненадолго.

— А с вами еще кто-нибудь есть? — осведомился старый человек.

— Нет, — заверила Энни. — Мы одни.

Дверь тогда распахнулась, дети вошли, и дверь тут же была крепко заперта.

В прошлый раз, когда охотники до черники попали к Иоганну, был поздний вечер, и они не увидели ничего или почти ничего в маленьком домике всего из одной комнаты. Но теперь в яркий солнечный день они могли подробно рассмотреть помещение.

Это было, безусловно, необыкновенное место. Чем-то оно напоминало домик Агнессы и в то же время разительно от него отличалось. Куда ни глянь, упрешься взглядом в бутылки, кристаллы, диковинные зеленые шары и трубки, словом, во все то, что используется в химии. И конечно, везде были книги: на столе, вперемешку с сосудами и реактивами, кучами на шкафах, стопками на полу и даже на скудной кровати у окна.

А еще здесь господствовали запахи. Нос Энни никогда еще не ощущал столько. Некоторые запахи были неприятные, некоторые сносные, а некоторые до одури ужасные. Самые отвратительные источал сосуд, подвешенный в углу комнаты над горящими древесными углями. По всему Иоганн как раз возился с ним до незваных гостей.

Жиль спросил, что он делает. Философ, обычно замкнутый и молчаливый, загорелся. Он сразу пустился в долгие и пространные рассуждения, пересыпанные словечками — «соли металлов», «температура», «эффект минеральных газов» — и совсем уж непонятными вещами.

Энни разглядывала одухотворенное лицо старого ученого и думала о том, как, наверное, долго никто не проявлял искреннего интереса к его работам.

— Вы всегда живете так уединенно, сэр? — спросила она, когда ученый прервался на минуту.

— Уединенно? — воскликнул тот. — Вот уж нет. Никто не одинок, если он увлечен работой.

— А что вы думаете делать со всем этим? — Жиль смущенно повел рукой на лавки у стен, уставленные разными сосудами.

— С химией? — уточнил старик. — Думаю, мы можем сделать с ней все, что угодно. Вот, посмотри!

Философ подошел к шкафу и достал большой зеленый кувшин, наполненный пастой янтарного цвета, напоминающей замороженный мед.

— Видишь это? — сказал он. — Если поместить содержимое под

стеной замка и поджечь, я пробил бы в стене такую дырищу, через которую могла бы промаршировать целая армия. Воякам это вещество только дай. Я думаю, король в военное время отдал бы половину своего состояния за пятьдесят бочонков этого состава. Но,— тут он водворил тяжелый кувшин обратно в шкаф,— я никогда не работал над тем, что разрушает. Это соединение я открыл случайно и чуть сам не поплатился за это жизнью, исследуя его.

— А что это за бумаги? — показала Энни на кучу листов на краю стола.

— О, это книга, которую я пишу,— пояснил Иоганн.

— А про что? — допытывалась Энни, которая очень гордилась тем, что умела немного читать и писать, но в этих листочках она не могла разобрать ничего.

— Это книга о химии, первая такая,— ответил философ.— Но она написана на латыни. А ты не читаешь латынь?

— Нет. Думаю, что нет,— ответила Энни таким тоном, будто это оказалось случайным, что она совсем не сильна в латыни.— А почему вы пишете на латыни?

— Латынь — это единственный язык, на котором пишет и разговаривает весь ученый мир,— сказал Иоганн.

— А вы написали много книг? — заинтересовался Жиль.

— Да, несколько.

— Но мы не проходили их в школе. Нам давали уже книги по математике, с картинками и такими забавными штучками, как вот здесь, у вас,— сообщила Энни, перелистывая страницы.

— Конечно,— ответил философ.— Ведь я занимаюсь несколько другим. Химия или алхимия, как большинство ее называет,— это нечто такое, что люди всегда связывают с ведьмами и дьяволом. Вы говорите — в школе? Но ведь когда-то и книги по математике нельзя было изучать там. Возможно, скоро разрешат изучать в школе и химию. Скоро, но не сейчас. А пока мы должны работать, прячась как воры за запертыми дверями и занавешенными окнами, для того, чтобы принести людям что-нибудь новое. Что-нибудь новое! — философ вскинул руки, и лицо его стало краснее обычного.— Что-нибудь новое! Это как раз то, чего они боятся. Они хотели бы, чтобы мир оставался неизменным. Иногда мне кажется, они охотнее согласились бы увидеть мир, идущим вспять, чем к прогрессу... Но вы сказали, что хотели со мной о чем-то потолковать.

— О да,— подтвердил Жиль, сразу возвращаясь к цели визита.— У нас есть Раковина. Мы думаем, что вас, человека науки, она должна заинтересовать.

С этими словами Жиль извлек из кармана зеленую завитую Ракушку и положил ее на скамейку среди гнутых реторт и других банок-склянок.

— Вы, конечно, знаете, если пустую раковину приложить к уху, то в ней слышен шум моря,— приступил Жиль.

— Да-да,— ответил философ.— Я помню, сам это проделывал, когда был ребенком. Продолжайте.

— Но эта Ракушка способна на большее, чем другие,— сказал Жиль.— Она может открыть вам, что про вас говорят другие.

— Что?! — вскричал философ.— Ну и ну, да вы принимаете меня за простофилю!

— Сэр, но это правда,— ответил мальчик.— Пожалуйста, поверьте нам. Эта Раковина, если носить ее в кармане, становится теплой, когда кто-то начинает судачить о вас.

— Но каким образом? — допытывался Иоганн.

— Она разогревается,— ответил мальчик.

— Невероятно! — вскричал философ.— Этого не может быть!

— Сэр,— возразил Жиль,— разве в вашей химии не может быть удивительных открытий? Разве ваша желтая паста не может пробить дыру в стене замка от одной только искры? Каким образом это получается?

— Так-то оно так,— проворчал старый ученый.— Но я могу показать вам с помощью рисунков, формул, диаграмм и графиков каким образом это вещество работает. Но это! Это же необъяснимо!

— Но, сэр,— вмешалась Энни,— разве мы можем сами понять, как вообще раковина издает звуки, например, каким образом мы можем услышать в ней шум моря?

— Ну, это очень просто,— не растерялся философ.— Особая форма раковины дает вам эхо от всех маленьких шумов вокруг нас. Только вы их не замечаете. А шум, который в конце концов из этого складывается, напоминает шум моря. Только и всего.

— Но почему же тогда наша Раковина не смешивает и не искажает звуки внутри себя, а эхо голосов, которое мы слышим, очень чистое,— возразила Энни.

— М-да,— проворчал старый философ.— Это интересно, дико интересно. В своих речах вы кажетесь много старше, чем есть на самом деле. Я не могу сказать, что поверил во все это, но интересно... Ну, ладно, а что вы хотели с ней сделать?

— Мы хотели, чтобы она побыла у вас, сэр,— призналась Энни, беря Раковину и протягивая ее философу.— Вы поддержите ее у себя, но только в кармане. А мы вернемся и узнаем, что она вам принесет.

Неожиданно котелок над огнем вскипел и из него плеснулось на угли. Философ бросился к нему.

— Хорошо-хорошо,— перешел он на скороговорку.— Возвращайтесь, когда захотите, а сейчас, извините, я занят. Дико занят. М-да. Все-таки хотел бы я посмотреть, работает эта сумасшедшая Раковина или нет. Постучите два раза по два, когда вернетесь. Тук-тук и тук-тук. Тогда я буду знать, что это вы.

9. Химия и магия

Тук-тук... Тук-тук.

Уже следующим утром дети стучали в дверь хижины. Им не пришлось долго ждать. С четвертым ударом дверь распахнулась, как по волшебству. За ней стоял философ, ужасно недовольный и с лицом еще более красным, чем обычно. В руке, протянутой детям, он держал Раковину.

— Вот она,— взвинченно проговорил Иоганн.— Заберите, я не хочу больше ее видеть!

Дверь резко захлопнулась. Брат с сестрой остались снаружи в одиночестве. Крайне удивленные, они молча уставились на Раковину в руке Жилы. После такого приема им уже ничего не хотелось, лишь бы ноги унести подальше. Но не успели они пройти и пятидесяти шагов, как услышали за спиной оклик. Обернувшись, они увидели на пороге хижины Иоганна.

— Простите меня, дети,— прокричал он.— Простите, что я дал волю чувствам. Я не могу вас так отпустить. Гостеприимство, хорошие манеры — я, конечно, забыл о них, живя так долго в одиночестве. Вернитесь и позвольте мне продолжить разговор с вами.

Никогда еще Жилю и его сестричке не доводилось слышать такие слова от взрослых, тем более от философа, известного ученого, профессора математики, химии и, Бог знает, каких еще наук.

— Это моя собственная вина, только моя! — продолжал бормотать Иоганн, пропуская детей внутрь хижины и закрывая дверь.— Я возомнил о себе. Как всякий дурак, я возомнил о себе. И вот — бах! Так мне, дураку, и надо.

Тут он принялся раздувать огонь с такой силой, что угли и зола разлетелись во все стороны.

— Но почему, сэр? — участливо обратилась Энни.— В чем ваша вина? Что случилось? Почему вам так плохо?

Философ обернулся и посмотрел на нее все еще диким взглядом. С кочергой в руке, освещенный горящими углями, в этот момент он напоминал маленького красного демона, готового прыгнуть на врага.

— Что случилось?! — взвизгнул он.— Вы разрушили мой мир, вы и эта ваша Раковина! Да-да! Вы, конечно, не могли подозревать, я понимаю. Но я-то мог догадаться! Но, но, ух..,— тут он забормотал что-то совсем уж невнятное и стал пыхтеть, как гаснущий огонь,— но, с другой стороны, как я мог догадаться, что такая гадость возможна!

— Ну что вы,— попыталась успокоить Энни,— мы же предупреждали, что вы можете услышать что-нибудь странное, вы же все понимаете.

— Да, да,— вздохнул он, вытирая с лица пот, выступивший от огня и его собственного волнения.— Вы знаете больше меня при всех

моих занятиях разными науками. Но в данном случае нет науки, нет химии, нет естественных законов, непонятно, как все это действует, и, вообще, что это такое. Не будь я ученым, я назвал бы это магией. Ну, что же, все великие мыслители предупреждали, что нельзя слишком гордиться теми маленькими крупницами знания, которые мы добываем...

— Но вы еще не сказали, что же стряслось,— напомнил Жиль.— Вам удалось услышать голоса?

Иоганн продолжал яростно ворошить угли кочергой, недовольно хмуря лоб.

— Да,— заговорил он наконец.— Я слышал все, что другие алхимики, философы и ученые говорили про мою последнюю книгу. «Все очень плохо»,— передразнил он кого-то. А я вам скажу: зависть — вот что это. Сначала я не хотел слушать, что вещает Раковина, положил ее на табурет и продолжал работу. Почему, спрашивается, я должен обращать внимание на то, что болтают слабоумные недоучки? Я ведь знаю, прав я, не так ли? Но затем, забывшись, я присел на табурет, и Раковина обожгла меня — она была очень горячей. Я понял: кто-то еще говорит про меня. Я понадеялся, что, может, услышу что-нибудь хорошее или, по крайней мере, непредвзятое. И я снова взял ее.

В третий раз философ вытер пот с разгоряченного лица.

— Я не собирался слушать долго,— продолжал он, размахивая в воздухе кочергой,— и я не стал бы слушать, но я узнал голос Иеронима, астронома из Арля, который говорил о моей теории атмосферы и света. Он не дурак, этот Иероним из Арля, совсем нет. Я увлекся и все слушал, слушал. Я не могу понять и объяснить, как эта штука работает. Но, надеюсь, когда-нибудь ученые будут смотреть на голос, доносящийся от одного человека до другого через десятки и сотни миль, как на обыкновенное явление природы... Так вот, их было трое — Иероним и два шарлатана-лекаря, которые возомнили себя очень квалифицированными докторами. Этой теории атмосферы и света, заметьте, я посвятил годы работы, и в моей последней книге я отвел ей достаточно места. Было бы неплохо, если бы я с помощью Раковины сумел им возразить. Но вместо этого я должен сидеть здесь и слушать их болтовню и пустословие, такое далекое от реального состояния вещей. Вновь и вновь я пытался оставить Раковину и вернуться к своим занятиям. Но всякий раз сбивался на спор с ними. И какая уж тут работа! В результате мне не удалось сделать ни капли из той полезной работы, которой я занялся, когда вы ушли. Вы появились вовремя, чтобы спасти меня от полного сумасшествия. О, какое облегчение избавиться от нее! Уносите же ее поскорее, пока эта непонятная штука не стала опять горячей. Я не могу самому себе доверять. Идите, мои дорогие. Всего хорошего.

Иоганн так торопился избавиться от своих гостей, что Жиль и Энни не успели моргнуть, как очутились на траве за дверью.

По дороге домой они утешали себя сбором черники на вересковых холмах, в это время она была сочная и зрелая. О злополучной Раковине они не заговаривали, пока не пришли в город. Вернее, пока не добрались до городского рынка, где их окликнул хромоножка Люк.

— В чем дело?! — крикнул он. — Такие постные физиономии и все измазаны черничным соком. Чего случилось?

Тогда Энни, которая помнила, как доверяет Агнесса Люку, рассказала ему о необыкновенной Раковине. Жиль, вмешавшись, добавил, что они уже пытались подсунуть Раковину двум людям, но никто не захотел задержать ее у себя. Энни попросила не перебивать ее и продолжила:

— Видишь ли, Люк, один из этих людей ничего про себя не услышал, зато другой наслушался такого, что потерял покой и никак не может вернуться к своим занятиям.

— Посмотри, Люк, — сказал Жиль, — вот Раковина. Неужели она не прекрасна?

Хромой мальчик посмотрел на зеленую Ракушку, которая сверкала и переливалась в руке Жилия. Затем пожал плечами и отвернулся.

— Что по мне, так я не хотел бы иметь такую Раковину, — заявил он.

— Почему? — удивилась Энни.

— Я и без того знаю, что люди говорят обо мне.

Жиль слегка толкнул сестру локтем, чтобы она остановилась и не задавала лишних вопросов. Они и без того понимали, как ему, бедняге, живется. Энни обернулась через плечо, чтобы убедиться, что Люк отошел достаточно далеко и не сможет услышать, что она скажет.

— Не представляю, как я могла ляпнуть это «почему?» — с огорчением проговорила она, когда они оказались на другом конце рынка. — Разве непонятно, что о могут говорить о несчастном?

— Конечно, — кивнул Жиль. — «Колченогий чертенок!» «Уродина!» Ну и так далее. Бедный Люк! Они очень бессердечны, дети в этом городе. Так бы и треснул их, когда слышу, как они дразнят его. Знаешь, мне кажется, у нас с этой Раковиной ничего путного больше не выйдет. Она не такая чудесная, как мы представляли. Да, может, в конце концов и совсем не важно знать, что и кто судачит о тебе.

— Нам бы снова повидать Агнессу, — сказала Энни. — Может, она расскажет о Раковине еще что-нибудь.

— Не думаю, — отверг Жиль. — В сказках люди никогда не говорят ничего лишнего. Они могут посоветовать: «Возьми это колечко, надень своему отцу на палец, и он станет черным лебедем». Но они не объяснят, как потом этого лебедя кормить и где найти пруд для него. У тебя только один выбор: либо отец, либо черный лебедь.

Нет, люди, которые занимаются волшебством, никогда не говорят много.

— Но это не волшебство,— возразила Энни и добавила уже не столь уверенно.— Не думаю, что это волшебство. В любом случае, давай найдем Агнессу. Будет приятно вновь встретиться с ней, даже если мы не узнаем о Раковине ничего нового.

— Хорошо,— согласился Жиль.— Но сейчас пора домой. Уже поздно.

10. Человек, который знал всех

Вечером дети узнали, что на ужине будет присутствовать очень важный гость, не кто иной, как Магистр Пьер Бельмонт, советник самого Герцога. Довольно часто Жиль и Энни глазели на огромный замок, возвышавшийся на холме в центре города. Дом Герцога! Вокруг его серых башен были часовня, кузницы, конюшни, домишки простолюдинов с крышами всех цветов. Все это походило на маленький город внутри города большого. Люди утверждали, это самый красивый в стране замок, ну, может, за исключением королевского. Хотя для жителей города Герцог был поважней Короля. Он имел собственную армию и полчища придворных. Все объявления в городе, все, что выкрикивали глашатаи, заканчивалось словами: «По приказу Герцога». Поговаривали даже, что и Король опасается Герцога, хотя тот и является вассалом его Величества и обязан был подчиняться Королю. Но он состоял с Королем в близком родстве, доводился ему кузеном. Правдой, что бы там не говорили, было то, что Герцог, один из властительных господ в стране, не раз помогал отцу Короля в его войнах.

Было отчего возбудиться Жилю и Энни. В их доме будет человек из герцогской свиты! Они долго лежали, не засыпая, слушали стук ножей и вилок, обрывки разговоров, доносившихся на мансарду. Утром они пристали к матери с расспросами, о чем шла речь за ужином.

И вот что выяснили. Отец пригласил Магистра, чтобы поговорить с ним о делах. Магистр был правой рукой Герцога во всем, что касается финансов и законодательства. К тому же он слыл истинным джентльменом, наделенным завидной мудростью.

— О, мне еще не доводилось слушать такого человека! — восторгалась мать.— Подумайте, он бывал везде! Он знает всех и все!

— А он сможет помочь папе в его денежных затруднениях? — спросил Жиль.

— Если бы! К сожалению, он не смог дать нам ни одного полезного совета,— сразу сникла мама.— О Господи! Если в ближайшее время

не произойдет каких-то перемен, я даже думать боюсь, что с нами станется.

Дети, не задерживаясь далее, отправились на поиски Яблочницы Агнессы. И начали они с хромоножки Люка. Он ютился в старой разваливающейся части конюшни, куда его пустил конюх. Люк выполнял случайные работы на конюшне, его можно было видеть и с метлой, и со скребком, удаляющим грязь с копыт. Вот уж что он не терпел — так это грязь. Его жилище отличалось чистотой, а служившая ему за постель солома была выстлана аккуратнейшим образом. Энни и Жиль иногда завидовали Люку и его незатейливому жилищу, но чему только не завидуют в детстве, когда кажется, что любое место интереснее и заманчивей, чем родной дом. Люк знал все городские сплетни, и дети много часов подряд могли, сидя на соломенной подстилке, болтать с ним о том о сем.

Но в этот день хромоножка не мог им помочь ничем.

— Я не видел Яблочницу уже несколько недель, — сообщил он. — Я сам не прочь с ней встретиться, а то нога меня донимает, спасу нет.

— Какая — вывихнутая? — участливо спросила Энни.

— Если бы! — усмехнулся Люк. — От этой чего ждать, она никогда не была хороша. А теперь вот подвела и левая. На нее ведь большая нагрузка: она одна топает за две, она да костыль — вся моя опора. Не мудрено, что порой она ноет до чертиков, даже наступить больно. Спасибо Агнессе, она умеет снимать боль. Она обещает со временем поставить меня на обе ноги. Давно вы ее разыскиваете?

— О, совсем нет, — ответил Жиль. — Только начали.

— Ну, ладно. Только я почти уверен, в городе ее нет, — сказал Люк. — Будь она здесь, я слышал бы об этом. Не поискать ли вам ее за городскими стенами, в полях? Она частенько бродит там, собирая лекарственные растения и корешки. Если встретите, дайте мне знать.

Поблагодарив Люка, близнецы устремились на поиски.

День начался чудесной погодой, от прогулки по солнечным полям и тенистым рошицам, хотелось скакать и петть. Вот только Агнессы на их пути все не было.

В конце концов, притомившись, близнецы сели отдохнуть и перекусить. Их разговоры крутились вокруг Магистра Пьера Бельмонта.

— Не думаю, что он много чего стоит, — рассудил Жиль, дожевывая бутерброд. — Присматривает за всеми денежными делами Герцога, а не может ничего дельного посоветовать папе. Тоже мне знаток!

— Не горячись, Жиль, — вздохнула сестра. — Возможно, у папы слишком серьезные затруднения, чтобы их можно было разрешить в два счета. Даже господину Бельмонту. А помнишь, что сказала про него мама?

— Нет,— проворчал Жиль.

— Она сказала, он очень интересен. Он знает все и всех.

Энни подняла руки и посмотрела на серые облачка, плывшие по небу.

— Подумаешь, не нахожу в этом ничего замечательного,— хмыкнул Жиль.

— О, как это здорово! — воскликнула Энни.— Ты только подумай — *знать всех*! Представь себе, путешествие занесло тебя в чужую страну. Ты запросто приходишь к их королю и говоришь: «А вот и я!»

Жиль снова хмыкнул.

— Знать всех? Ну чего хорошего? Ведь, подумай, тогда и тебя все знают, все суют нос в твои дела, на каждом углу про тебя судачат.

— Оно так. Представь однако: ты идешь по улице, а все оборачиваются и говорят: «Вот идет Энни»,— возразила сестра.— А вообще-то, интересно, что надо сделать, чтобы тебя все знали? Вот у тебя, Жиль, сколько знакомых?

— Ну, где-то шесть или семь,— прикинул Жиль.— Если не считать маму, папу и дядю Ремигиуса... О Боже! Неужели начинается дождь?

— Он самый,— встревожилась и Энни.

Пока дети обсуждали герцогского Магистра, небеса заволокло тяжелыми черными тучами, и крупные первые капли стукнулись оземь, предвещая ливень.

— Живо! — воскликнула Энни.— Видишь дом, ниже на дороге? Вот где спасение! Иначе вымокнем до нитки.

И они пустились во все лопатки. А дождь, казалось, гнался за ними, все набирая силу. Когда они достигли укрытия, поток стал таким мощным, что было не до вопроса, куда их несет. Они толкнули дверь и вихрем пронеслись в зал.

Прошло время, прежде чем брат с сестрой огляделись. В глаза сразу бросилось запустение. Дверь, мимо которой они проскочили, висела лишь на одной петле, опираясь на стену. Со стен во многих местах осыпалась штукатурка. Не лучше выглядел грязный замусоренный пол.

— Жиль,— прошептала Энни.— Знаешь, куда мы попали?

Брат кивнул и тоже шепотом добавил:

— Это какой-то притон.

Они помолчали и с опаской оглянулись на смутные тени в глубине зала. А дождь все поливал и поливал с яростным шипящим ревом.

Это был тот самый дом, осмотреть который детей тянуло давно, но им не хватало смелости. Раньше он служил постоянным двором и в те дни был известен под названием «Золотой Колпак». Тогда он славился своими винами, отличной кухней и уютом, какой находили в нем усталые путешественники. А теперь все тут было

заброшено. Никто не знал точно — почему, но многие утверждали, что это связано с появлением призраков.

— Жиль, давай уйдем,— заныла Энни, стискивая руку брата и поворачивая к двери. Но завеса из падающей воды преграждала путь и пугала не меньше, чем сам дом.

— Ну вот,— усмехнулся Жиль.— Теперь мы в западне. Так пользуйся случаем: или не ты хотела заглянуть сюда?

Тут, как это часто бывает во время летней непогоды, дождь утих, и выглянуло солнце. Энни все тянула брата на выход, но он задержал ее.

— Постой, Энни,— уговаривал он.— Сейчас мы в Доме с Привидениями. Давай хоть чуток оглядимся. Да и не вижу я здесь ничего такого, что нам угрожает.

— Ну нет, я боюсь, вдруг мы чего-нибудь увидим! — чуть не всхлипывала Энни.— А еще больше я боюсь того, чего и нельзя увидеть. Ты веришь в привидения, Жиль?

Жиль тем часом обследовал одну из больших комнат. Видимо, раньше она служила обеденным залом. Посреди комнаты тянулся длинный сломанный стол, а по одной из стен щерил свою пасть камин.

— Привидения? — переспросил Жиль, повернувшись к сестре.— Какая чепуха! Не поверю, что кто-нибудь действительно встречал привидения. Ну, а если бы они и были здесь, подумай, какой нам вред от них? Говорят тебе — вздор! О Господи, а это еще что?

Из-за дверцы буфета раздался странный скрипучий звук.

— Ой, Жиль, давай уносить ноги,— тянула Энни.

— Нет, погоди,— отмахнулся брат.— Нам хватило смелости войти сюда, пусть случайно. Нам хватило храбрости остаться переждать непогоду. А сейчас вопрос: хватит ли нам смелости открыть дверцу буфета?

— Пойди, если ты такой храбрый,— задела Энни.

— А почему бы это не сделать тебе? — спросил Жиль.

— Вот еще! Это ты хотел. А мне хочется одного: поскорее убраться отсюда.

— Хорошо, я открою,— заявил Жиль, изобразив страшную и воинственную гримасу.

Он приблизился к буфету, в то время как Энни широко открытыми глазами глядела, на что отважится брат. Звук шел из-за двери около очага. Когда Жиль приблизился, скрип повторился, еще громче и необычней. Жиль колебался.

Он не знал, как лучше поступить: чуть приоткрыть дверь, чтобы заглянуть туда, или же сразу широко ее распахнуть. Наконец, он решил, что лучше второе, и рванул дверь.

Ручка оторвалась и осталась в его руке, а Жиль с треском грохнулся на пол.

11. Дом с привидениями

— Эх, ты,— укорила Энни.— Дверь-то заперта на ключ. Потому и сломалась старая ручка. Прежде чем дергать, повернул бы ключ.

— Отлично. Если ключ в порядке, я сейчас открою,— заверил Жиль. И только он это сделал, как в комнату бесшумно вошел большой черный кот.

— Не слишком ли много для твоих страхов, Энни? — рассмеялся Жиль.— Мы должны были помнить, что привидения никогда не скрипят и не скребутся. Сначала мы боялись войти в дом, затем боялись открыть дверцу буфета. Так всегда со страхами. Мы боимся того, чего не знаем. А теперь давай обойдем дом и обследуем его весь — от подвала до чердака. Когда вернемся в город, нам будет что рассказать о Доме с привидениями.

— Жиль,— медлила Энни.— А этот кот никого тебе не напоминает? Вспомни котов Агнессы.

Большая черная зверюга, казалось, была настроена дружелюбно. Потершись о ноги детей, кот степенно покинул комнату.

— Ну, я не знаю,— ответил Жиль.— Для меня все черные кошки на одну мордашку. Давай лучше посмотрим, что наверху. Только сначала запрем буфет.

Притворяя дверцу, Жиль обнаружил внутри буфета сундучок и пару подсвечников.

С тем разведчики отправились наверх.

— Смотри, не ступи на прогнившую ступеньку,— предупредил Жиль, который шел впереди.— Чего-чего, а гнилья здесь хватает.

Комнаты наверху оказались даже запущеннее нижних. Тут было еще больше осыпавшейся штукатурки, пыли, паутины и разбитых стекол. Дырявая крыша не защищала от дождя. В самой большой комнате, как раз над столовой, были еще один очаг и старая колченогая кровать.

— А теперь — в погреб,— предложил Жиль.

— А надо ли? — усомнилась Энни.

— Надо,— не отступался брат.— Если хочешь обследовать все. Топай.

В подвале не нашлось ничего особенного: темнота, неприятные запахи, бочонки, сломанная мебель, разрисованные горшки да старый фонарь. Последний дети прихватили с собой наверх.

— Что ж,— подытожил Жиль,— дело сделано. Это не так уж плохо. И побольше бы таких домов. А храбрости, как видишь, у меня хватает. Столько подвигов в один день я еще не совершал. А ты-то как?

— Интересно, конечно,— согласилась Энни.— Но с меня хватит одного этого дома. И вот что я подумала. Мы спускались в подвал по истертым ступенькам. Даже камень не выдержал столько ног.

— Чему удивляться? — рассудил Жиль. — Ты ведь знаешь, это был постоянный двор, где за год проходили тысячи гостей. Всю еду и питье им поднимали из подвала. Ступеньки, понятно, и истерлись.

— Все так, — кивнула Энни. — Но вспомни, что говорила мама про Пьера Бельмонта? Будто он знает всех. А сколько повидал за свою жизнь хозяин постоянного двора? О, тут еще один шкаф! Я загляну?

Разговор шел в комнате, которая, по всему, раньше служила кухней, об этом говорили большие печи, цепи и крюки для подвешивания котелков и кастрюль. Энни открыла шкаф. Сначала ей показалось, что он пуст, но встав на цыпочки и заглянув на верхнюю полку, она обнаружила два фартука.

— О Жиль! — воскликнула девочка. — Давай повяжем их!

— Для чего? — удивился брат.

— Ну, тогда мы сможем поиграть в хозяев гостиницы.

Жилю не понравилась эта затея, но Энни продолжала упрашивать, и брат уступил.

И вот они уже не мальчик и девочка, а Хозяин Жиль и Хозяйка Энни, Владелец и Владелица «Золотого Колпака». Дети веселились от души, носились вверх и вниз, стелили понарошку кровати, прыгали по кухне, готовя воображаемые блюда, звали Джоя, их придуманного слугу-поваренка, чтобы он тащил дрова и «мигом, черт побери!»

Они так увлеклись игрой, выполняя просьбы нескончаемого потока подъезжающих и приходящих путешественников, что остановились лишь тогда, когда снова хлынул дождь. Вода стала затекать через раскрытый вход, и тут Жиль крикнул из окна слугу Джоя, чтобы тот закрыл дверь и «мигом, черт побери!» Но заработавшийся Джой не смог прийти сразу, и Хозяину Жилю пришлось спуститься и сделать все самому. Это оказалось не так легко: сильный ветер и единственная петля противились действиям Хозяина. Но он взял палку от метлы и ею подпер дверь, оставив непогоду снаружи.

Тут Энни пожаловалась, что стемнело, и Жиль зажег огарок свечи, найденный в буфете. Это внесло разнообразие в их игру, и близнецы продолжали ее с увлечением, пока, устав, не опустились на пол передохнуть.

А дождь был впрямь ужасный. Молнии полыхали одна за другой, и гром сотрясал все углы старого дома.

— Вот бы здорово, если бы сейчас сюда заглянул настоящий гость, — размечталась Энни.

— Настоящий? — хмыкнул Жиль. — Тебе мало игры? И откуда возьмется он, настоящий?

И точно в ответ на вопрос в дверь трижды постучали — бум! бум! бум!

Дети вскочили на ноги. С минуту они стояли, уставившись друг на дружку и открыв рты.

— Кто? ктто это может быть? — прошептала Энни.

— Отккуда я ззнаю? — так же ответил Жиль. — Открой да посмотри.

— А почему я? — отказывалась сестра. — Да у меня и сил не хватит сладить с дверью на таком ветрище.

— Я открыл дверцу буфета, а теперь твоя очередь, — нашелся Жиль.

Пока они спорили, в дверь снова застучали, на этот раз еще громче и настойчивее. Жиль взял свечу и пошел к выходу.

— Кажется, их несколько, — прошептал он, прильнув к замочной скважине.

В третий раз дверь затряслась от мощных ударов. И пока несчастный Жиль раздумывал, положив руку на подпорку от метлы, дети слышали фыркание и топот коней, позвякивание упряжи. Однако было слишком темно, чтобы что-то разглядеть через замочную скважину. Жиль пытался сообразить, сколько же времени. Было около четырех вечера, но из-за пасмурной погоды казалось, куда позднее. Неожиданно мальчик почувствовал, что Раковина в кармане курточки разогревается. Кто бы мог сейчас говорить о нем? Жиль сунулся было в карман, но снаружи раздался зычный голос:

— Откройте! Откройте, я говорю! Долго вы еще будете держать нас тут?

Жиль выдернул подпорку, и за распахнувшейся дверью следом ворвались дождь с ветром.

А за ними вырос высокий темный человек. Струи дождя стекали с полей его шляпы, со складок плаща, спадавшего с плеч, и расшитых перчаток. По всему, это был знатный господин. Человек, едва взглянув на брата и сестру, шагнул мимо них в помещение, а близнецы остались вглядываться в темень за дверью.

Там они теперь могли смутно различить и других людей. Раздавались команды. Затем они увидели карету — очень большую и красивую, и запряженных в нее двух угольно-черных лошадей. Отблески света играли на их лоснящихся, мокрых от дождя спинах. Кучер слез со скамьи-козел, лошадей выпрягли и повели в стойла. А вокруг все свистело, шипело, лило и брызгало.

Наконец дверца кареты открылась, и из нее спустилась женщина с маленьким саквояжем. Не обращая внимания на непогоду, она уважительно встала сбоку экипажа, как бы ожидая еще кого-то.

И вот из кареты спустилась ослепительной красы леди. Опираясь на руку поджидавшей ее женщины, она направилась в дом. По

пути к ней почтительно подошли двое и что-то сказали. Энни услышала, как они обращались к даме: «Ваше Величество» и «Моя Госпожа».

На крыльце она смахнула капли с накидки и обратилась к Жилью:

— Я ужасно рада, что наконец попала под крышу. Какая ужасная погода! Вы владелец «Золотого Колпака»?

Жиль бессмысленно посмотрел на фартук сестры и затем на свой. Дама, не дождавшись ответа, повернулась к Энни:

— А вы, конечно, хозяйка. Вот это моя служанка Маргарет. Пожалуйста, проведите нас в мою комнату. Я устала от поездки и хочу передохнуть до ужина.

Жиль посмотрел на сестру и прошептал, бледнея:

— Ужин.

Энни также подняла растерянные глаза на брата и выдохнула:

— Ужин.

— Пожалуйста, поторопитесь,— сказала дама Энни,— и пропустите меня. Лакеи помогут с дровами,— бросила она через плечо уже Жилью, направляясь к лестнице.

Бедная Энни! Она шла впереди со свечой в руке и чехардой мыслей в голове. На каждой ступеньке она говорила себе: «Какая ужасная комната! С разломанной кроватью! Выбитыми стеклами! Щелями в полу! Обвалившейся штукатуркой! Какое неподходящее место для сна такой Леди! О Боже! Что я делаю!»

Но Энни продолжала взбираться по лестнице, как будто была обречена и не имела сил повернуться и объявить идущей позади даме, какое ужасное место ее ждет.

И тут она увидела отсветы огня, как ей показалось, другого, а не от свечи в руке. Достигнув комнаты, она поняла, что не ошиблась. Там был свет, много света, и он сиял из открытой двери спальни. Энни заглянула внутрь и обомлела. Ей пришлось прикрыть рот ладошкой, чтобы не вскрикнуть.

Спальня была ярко освещена множеством свечей. Развалившаяся кровать твердо стояла на всех четырех ножках и была застелена ослепительно белыми простынями, кружевным покрывалом и расшитыми подушками. Исчезла пыль и куски штукатурки, щели и трещины в стенах и полу. Окна были помыты и все выбитые стекла вставлены. За каминной решеткой жарко полыхало пламя. Энни открыла рот, не в силах ничего произнести.

— Действительно, прелестное место,— приветливо отметила Леди за спиной у девочки.— Я также приятно удивлена, что вы оказались способны хорошо меня встретить. Да, я действительно очень обрадована и удивлена.

— Я также, Ваше Величество,— пролепетала Энни, обретя наконец возможность двигать языком.

И она ринулась вниз искать Жилья.

12. Ужин в «Золотом Колпаке»

Внизу Энни нашла много удивительного. Она влетела в обеденный зал, вся переполненная новостями. Но опять замерла от изумления. Было отчего. Комната здесь также была освещена свечами, горевшими в канделябре, а в большом камине весело полыхал огонь. Сломанный стол был целехонек, чист и занимал середину комнаты. Он был уставлен посудой к ужину, а также корзинами с фруктами, бокалами, кубками и бутылками вина. Мистер Жиль, владелец «Золотого Колпака», сновал взад и вперед с окороками, индейками, выпечкой, колбасами и многим другим, доставляя это из кухни как заправский фокусник. Два или три богато одетых джентльмена обсыхали перед огнем.

Жиль не имел времени для общения с сестрой, и ей пришлось метаться за ним из комнаты в кухню и обратно, чтобы вытянуть из брата хоть словечко. При этом Энни обнаружила кучера и четверку слуг, поглощавших за широким столом хлеб с сыром и прихлебывающих из оловянных кружек эль.

— Что же это такое, Жиль? — прошептала девочка, когда брат наклонился, чтобы поправить угли в очаге. — Что же это? Кто эти люди? Откуда взялась еда?

— Откуда я знаю, — отмахнулся юный хозяин «Колпака», — должно быть сама приготовилась. А что до людей, то почему ты спрашиваешь меня? Это, наверное, те гости, кого ты хотела. Может, ты сидела на камне, исполняющем желания, и думала о них, сама того не замечая. Так или иначе, они здесь, и нам надо их обслужить. Возьми-ка лучше этот нож да разрежь каравай на тонкие ломтики, но только не оттяпай себе глупые пальцы.

Позже Энни не раз обсуждала с братом, почему гости не обратили внимания на возраст и рост хозяев гостиницы. Правда, они вообще говорили очень мало. Но, может, это от усталости после путешествия, а усталый человек, как известно, не склонен к лишним разговорам.

Ужин имел огромный успех. Слуги, уже закусившие к тому времени на кухне, помогали Жилю и Энни завершить сервировку стола. Когда все кончилось, ослепительная Леди снова выразила свою благодарность хозяину и хозяйке за прекрасное обслуживание и необыкновенно вкусный стол. После этого она удалилась в свою комнату. Потихоньку разбрелась на боковую и остальная компания. Слуги отправились на сеновал в конюшне, а джентльмены заняли другие спальни.

Впервые за долгое время близнецы остались наедине. Они устало опустили в кресла по бокам камина. Первой заговорила Энни:

— Ну и как? С тобой случилось что-нибудь подобное?

— Что ты! — откликнулся Жиль.

Дети были переполнены тысячей вопросов. Но каждый из них

знал, что другой не сможет ответить. Поэтому теперь они сидели молча, развалившись в глубоких креслах и уставившись на огонь.

Такое навеивает дрему. А стряхнув сон, они обнаружили, что сидят на полу, напротив друг друга, и порядком продрогшие. В камине не было и следов огня. В разбитые окна задувал ветер. На сломанном столе лежала пыль, а с грязных стен свешивалась паутина.

Уже светало.

— Жиль, Жиль! — вскричала тревожно Энни. — Скажи, мне грезилося все? И прошлой ночью за этим столом никто не пировал?

— Пировал, — ответил брат. — Была компания знатных людей и...

— И очень красивая благородная Дама, — подхватила Энни, подпрыгнув. — Она еще взяла с собой в спальню служанку и спала наверху в постели с прекрасным кружевным бельем. Почему...

Не договорив, дети понеслись наверх.

У открытой двери большой спальни они замерли, вытянув шеи. Они должны были увидеть знатную Леди и ее служанку. Но их встретила кровать на сломанных ножках. Пол был покрыт пылью. Все выглядело так, как видели дети в первый раз, обследуя постоялый двор.

Жиль схватил сестру за плечо.

— Кони! — вскричал он. — Они-то, надеюсь, не исчезли?

Последовало бешенное бегство вниз по лестнице. Затем стремительный рывок через двор. И тут дети увидели, что большие ворота конюшни широко распахнуты.

Единственное живое существо, увиденное ими, оказалось большим черным котом, который вышел встретить брата с сестрой, поблескивая шерстью в неярком утреннем свете.

Молча дети повернули в дом. Но не успев войти, Жиль почувствовал, что Раковина в кармане опять жжет. Он достал ее и вслушался.

— Это мама и папа, — передал он Энни. — Они просто вне себя, что нас не было всю ночь. Я слышу, мама кричит, что у нее разрывается сердце, а папа ходит по комнате взад-вперед. А сейчас они опять заговорили тихо.

Жиль помолчал. Но вот он схватился за голову:

— О Господи! Это ужасно! Папа думает, нас похитила Агнесса. Ведьма Шрагга, как они ее зовут, ворующая детей и тому подобное. Кто-то видел, как она шла с нами в тот день, когда мы побывали на берегу моря. Папа идет к мэру, чтобы тот ее арестовал. Живо! У нас нет времени. Надо опередить отца.

Вместе они выбежали из обеденного зала. Но у двери Энни придержала брата за рукав и обернулась.

— Какое-то наваждение, — сказала она на лестнице, переводя дух. — Вот там они сидели прошлой ночью вокруг стола, уставленного всякой вкуснотой. А сейчас, утром, все и всё, что было, исчезло. Это не могло нам почудиться, ведь мы оба видели это, не так ли? А двое

людей, как известно, не могут придумать абсолютно одинаковые видения.

— Если кто-то не внушил им одно и то же видение, в чем я сомневаюсь,— ответил Жиль.

— Ты о чем? — не поняла сестра.

— Ну, если возможно читать мысли людей, то, наверное, можно и внушить им какие-то мысли. А мама говорит, видения — это те же мысли, только они приходят к тебе во сне. Давай лучше поторопимся.

Вместе они подбежали к входной двери, толкнули ее и...

И наткнулись на склоненную фигуру, застывшую на ступеньках.

Яблочница? Агнесса? А та поднялась и, не проронив ни слова, скользнула внутрь.

— Агнесса! — позвала Энни. — Агнесса, нам надо поговорить с вами!

Но Яблочница не обратила никакого внимания на зов девочки. Жиль и Энни вбежали за ней в Дом. Но Агнесса точно растворилась. Дети осмотрели все комнаты наверху и подвалы вниз. Никаких следов!

Тут Жиль спохватился:

— Раковина снова становится горячей. Они там, видно, опять... Давай топать домой. Пока папа не отправился к мэру.

Не прошло и минуты, как близнецы уже неслись, сломя голову, по дороге.

13. План Люка

Они подросли вовремя. Отец уже нахлобучил шляпу, чтобы отправиться в ратушу к мэру. Тут же толпились несколько соседей, пришедших поддержать родителей, у которых — о Боже! — исчезли дети.

Возвращение Жили и Энни было встречено с неопишуемой радостью. Мама, плача от счастья, сразу потащила их в дом, что было на руку детям, им совсем не хотелось отвечать на расспросы при соседях. Под крышей, где отец с матерью и старой поварихой Эльзбет наперебой благодарили небеса за спасение детей, Жилю и Энни все-таки пришлось объяснять свое исчезновение.

Жиль боялся, что его спросят про Агнессу и тогда хочешь-не хочешь придется признаться, что он видел ее после того, как они ушли из дома. И он решил начать издалека. Он рассказал, как их застигла ужасная буря и им пришлось укрыться в старом заброшенном доме, как они с сестрой стали там играть, чтобы скоротать время, как устали и их сморил сон да такой, что они проспали всю ночь, пока их не разбудил дневной свет.

Естественно, их спросили о доме, где они провели ночь. Жилю не хотелось отвечать, но куда денешься. И когда в городе стало известно, что близнецы провели ночь на постоялом дворе с привидениями, они стали героями. На следующий день к их дому сбежались, считай, все юнцы округи. Но им мало было рассказа Жили. Они сами подались к постоялому двору, чтобы своими глазами увидеть таинственное место. Жилю это совсем не нравилось.

А тут еще он почувствовал, что Раковина стала горячей. Послушав ее, он узнал, что говорила Агнесса сама себе: «Надеюсь, они будут держать язык за зубами. Если они станут болтать об этом пристанище, прощай мой покой. Придется тогда искать новое укромное местечко».

— О! — воскликнула Энни, когда брат передал ей весть из Раковины. — Выходит, Агнесса жила там некоторое время. Вот почему мы не могли найти ее. Но для чего ей укромное местечко?

— Не знаю, — ответил Жиль, — но это сейчас не самое важное. Надо успеть в Дом с привидениями раньше всей этой ватаги и предупредить ее. Если они увидят Агнессу там, это станет известно всему городу. Сплетники начнут обвинять ее в нашем исчезновении, будто она наслала на нас заклятье, и другой чепухе. В городе слишком много желающих бросить ее в тюрьму за ведьмовство. Ты останешься здесь. Если папа спросит, куда я делся, скажешь, ушел с другими детьми.

С этими словами Жиль пустился вдогон ушедшим.

Достигнув постоялого двора, Жиль обрадовался, что Агнесса пока не обнаружена, хотя дети шныряли тут и там, глядя во все глаза. Но, может, Агнесса прознала про детей и убралась, или у нее было тут тайное место, где она могла надежно спрятаться. Так или иначе, никаких следов Агнессы не было, и повеселевший Жиль отправился домой.

В городе он сразу различил всеобщее возбуждение. Жители торопились к рыночной площади, шумя и гомоня как сороки. Знатные люди скакали верхом на конях. Среди них мальчик узнал Пьера Бельмонта, советника Герцога.

Когда Жиль подходил к рыночной площади, суeta и волнение достигли предела. Большая толпа собралась вокруг городского глашатая, объявлявшего обычно указы Герцога. Жиль протиснулся поближе, чтобы услышать новости.

Указ был очень длинный и весь посвящался предстоящему визиту Короля в город. Молодой Король впервые собирался посетить эти места. Он хотел остановиться в замке Герцога, своего кузена, который, если верить указу, надеялся, что горожане окажут Королю теплый прием и продемонстрируют свою преданность приличествующим образом. Много говорилось о великолепном празднике, который должен состояться в честь Короля в день его прибытия, об особой

гвардии, которая должна нести караул днем и ночью, пока Король не убудет.

Жиль поспешил домой, чтобы поделиться новостями с сестрой, но они его опередили. Дом да и вся улица, на которой мальчик жил, были в великом смятении.

Пока все вокруг шумели и кричали, Раковина в кармане стала горячей, и Жиль поспешил поднести ее к уху.

О, сразу два голоса. Да чьих! Люка и Яблочницы-Агнессы. Не дожидаясь дальнейшего, мальчик схватил сестру за руку и увлек на улицу.

— В чем дело, Жиль?! — закричала она. — Я еле успеваю за тобой.

— Это опять Агнесса, — бросил брат через плечо. — Надо спешить. Сейчас разговаривали Агнесса и Люк. Она у него в конюшне, скорее всего, лечит его ногу. Если успеем, то застанем ее. А нет, то Бог знает, сколько нам придется еще ждать такого удачного случая.

Но хотя они не жалели в беге пяток, все равно опоздали. Люк сказал, что Агнесса действительно была у него, но уже ушла.

— Она подвергалась большой опасности, придя сюда, — объяснил он, когда расстроенные близнецы опустились рядом с ними на солому. — Да, большой опасности, она приходила только ради меня. Я думаю, уже отдан приказ об ее аресте.

— Что, ее опять привлекают за ведьмовство? — спросил Жиль.

— Я спрашивал ее, но она не захотела сказать, — ответил Люк. — Несколько недель назад у нее все было хорошо, она могла беспрепятственно ходить по городу. Но она каким-то таинственным образом чувствует опасность. Возможно это связано с приездом Короля. Герцог полон страха, вдруг что-нибудь омрачит визит его гостя. Впрочем, кто знает? Думаю, если вы хоть раз попали в ведьмы, спасенья уже нет. Все свои беды и неурядицы люди будут приписывать вам. Вот Агнесса и считает, что разумнее пока уйти в тень и не мозолить глаза. Она также опасается этого старого балбеса мэра, а он боится ее.

— Почему? — удивилась Энни.

— Кто знает, — пожал плечами Люк. — Большинство людей боится ведьм.

— Но она все-таки знает колдовство? — не унималась Энни.

— Как судить, — нахмурился Люк. — То, что она делает с моей ногой, можно назвать волшебством. Не знаю, как бы мне пришлось, если бы Агнесса не лечила ее. Она лечила и других горожан, тех, кто ей доверяет. Не верю, что она могла причинить кому-либо зло. Она гораздо мудрее многих в городе. Но зачем она держит этих черных котов? Люди считают, ведьмы всегда держат у себя котов и что эти коты — остатки душ, заколдованных ведьмами. Но Агнесса не хочет от них избавиться. Она говорит, ничьи пересуды не заставят ее выбросить этих животных за дверь.

— Я доверяю ей,— сказал Жиль,— но почему она... О, Раковина опять нагрелась, как жареный каштан.

— Кто это в такое время? — встревожилась сестра.— Жиль, доставай скорее и слушай! Вот если бы это была Агнесса!

Она следила за лицом брата, который припал ухом к Раковине.

— Нет,— вздохнул он через минуту.— Это мама и папа, и мама опять плачет.

— Что с ней? — заволновалась Энни.

— О, все та старая история с деньгами. Дела, кажется, хуже, чем мы думали. Они толкуют о том, чтобы продать дом для уплаты папиных долгов. А мама убивается при мысли, что случится с нами, когда не станет крыши над головой. Вот, они уже не говорят о нас, и Раковина опять остыла.

— О Боже! — воскликнула Энни.— Как бы я хотела встретить Агнессу сейчас же, здесь же.

— Послушай, Энни,— оживился Жиль.— Знаешь, кому нам надо предложить Раковину? Пьеру Бельмонту, советнику Герцога. Ты говорила, он знает всех. Так вот, человек, у которого столько друзей, будет рад заполучить такую штуку. А он богат. Он может нам хорошо заплатить.

— А может, лучше самому Герцогу? — спросила Энни.

— Тогда уж лучше Королю,— предложил хромой Люк.

— Королю?! — чуть не подпрыгнул Жиль.— Но как я осмелюсь? Да и кто допустит меня до Короля?

— Это будет не сложнее, чем встретиться с Герцогом,— продолжил Люк.— Я слышал, из этих двоих Король более приятный джентльмен. Он любим, этот молодой Король. Он ведь еще совсем юнец. Подумаешь, девятнадцать лет! А кто его окружает? Завистливая родня и вельможи, плетущие интриги. Он, наверное, обрадуется вашему подарку, если, конечно, Ракушка будет действовать, как вы рассказываете. Такой презент поможет ему в делах. Ведь короли должны знать о той работе, которая ведется в государстве от их имени. О ком еще могут столько говорить и днем и ночью? И кому во всем мире важно знать, что о нем сказали, о нем и его делах, как не Королю?

Когда Люк кончил, Жиль забормотал, уставясь в пол и как бы разговаривая сам с собой:

— Король! Конечно, он, должно быть, достаточно богат. Конечно.

— Достаточно богат! — засмеялся Люк.— Да он может для всей вашей семьи создать райские условия, заплатить долги вашего отца десять раз и при этом даже не заметить, что он залезал в свой кошелек.

Следующий час прошел в выработке плана. Жиль продолжал опасаться, что не сможет попасть к Королю. А Люк настаивал, что это необходимо сделать.

— Это, конечно, будет нелегко,— соглашался хромоножка.— Но

верно и то, что ты не можешь отдать Раковину в чужие руки, чтобы ее передали потом во дворец. Она слишком драгоценна. Если ее потеряешь или, упаси Бог, ее украдут, вы потеряете шанс помочь отцу. А, с другой стороны, если вести о чудодейственных возможностях Раковины дойдут до королевского двора, вас заставят рассказать, откуда вы ее взяли. И тогда несчастная Агнесса попадет в беду. Скорее всего, ее привлекут за ведьмовство мэр или сам Герцог, которые попытаются все проделать в обход Его Величества. Нет, вы и только вы сами должны вручить Раковину прямо в руки Короля.

— А меня самого не арестуют за ведьмовство? — спросил Жиль.

— Фу-ты ну-ты! — рассмеялась Энни. — Кто-нибудь когда-нибудь слышал, чтобы мальчишку арестовывали за ведьмовство, особенно такого, как ты, — курного и веснушчатого? Ничего себе колдун!

— Мой нос гораздо меньше вздернут, чем твой, — обиделся Жиль. — Так что оставь свои остроты при себе.

— Она права, Жиль, — сказал хромоножка. — Именно в этом твое спасение. Твой возраст — самая лучшая защита. К тому же у тебя больше возможностей попасть к Королю, чем у взрослых. Только бы никто не пронюхал о ваших планах до того, как вы сами поговорите с Его Величеством. Если у вас не получится с первого раза, то, считайте, не получится вообще.

— А если Его Величество сам обвинит меня в колдовстве? Или просто откажется иметь дело со мной?

— Думаю, все будет хорошо, — успокоил Люк. — У него слава справедливого и порядочного человека, к тому же он стал Королем совсем недавно.

— Это очень хорошо, что Король будет здесь, — вступила в разговор Энни. — Тем более нельзя терять времени. Дела у папы хуже некуда, раз он готов продать наш дом.

— Это правда, — поддержал Люк. — Так давайте изложим наши планы, раз вы решились.

— Может, ему просто пойти во дворец и сказать, что он имеет послание Королю? — предложила Энни. — Ведь это разновидность послания, не так ли?

— Нет, — отверг Люк. — Король слишком плотно окружен придворными, чтобы это удалось. Твой брат будет допрошен множеством людей, и любое послание будет доставлено Королю кем-нибудь другим. Вы ведь знаете, у Короля есть враги, которые хотят лишить его короны. Поэтому надо соблюдать величайшую осторожность, чтобы преодолеть королевское окружение.

И тут хромой мальчик изложил Жилю и Энни, как он думает все преодолеть. В конце концов дети согласились с ним и отправились домой.

14. Прибытие Его Величества

День приезда Короля стал великим днем. На улицах пестрели флаги. Художники расписали Главные ворота. Из окон свешивались гирлянды цветов и шелковые полотнища. А сами жители вырядились во все лучшее.

Королевский отряд, встреченный на рыночной площади мэром и другими знатными людьми города, состоял из множества людей, лошадей и повозок. Это была длинная процессия, такая длинная, что, когда ее голова достигла площади, хвост еще продолжал ползти в предместьях.

Энни, наблюдавшая эту картину, недоумевала, как все эти люди, лошади и багаж разместятся в замке Герцога. А Жиль в это время думал, как славно быть Королем. Он не мог оторвать взгляда от молодого человека на прекрасном белом коне. Привстав на стременах, всадник улыбался и приветствовал рукой ликующую толпу. Мальчик и не предполагал, что в городе так много мужчин, женщин и детворы. Мало того, что они заполнили улицы. Любопытные лица выглядывали из окон и дверей, даже крыши домов были усеяны смельчаками, которые рисковали своими шеями, лишь бы взглянуть на Короля.

Когда Жиль услышал шум толпы, приветствовавшей королевский кортеж, у мальчика защемило сердце. Что за сумасбродный план — простому мальчишке-провинциалу пытаться встретиться с главой страны, с таким великим человеком! Но когда Жиль увидел лицо Короля, к нему вернулось самообладание. Лицо показалось ему не только красивым, но честным и добрым, людям с таким лицом можно доверять с первого взгляда. Король сильно отличался от Герцога, своего двоюродного брата, ехавшего за ним. Лицо Герцога, тоже весьма внушительное, было тверже, надменней и куда старше.

На заполненных толпой тротуарах низкорослым людям, особенно подросткам, не было возможности видеть и обсуждать все происходящее. Шум и давка становились невыносимыми. Но наконец Жиль и Энни увидели, как Король и вся верховая свита остановились, и мэр завел свою речь. В ней говорилось, как все рады видеть Его Величество Короля и как гордится город этим великим днем, когда он прибыл с первым визитом.

Когда мэр кончил и смолкли другие приветственные речи, королевская процессия двинулась с площади и исчезла за воротами замка Герцога. Но толпа не торопилась рассасываться. С трудом Жиль и Энни пробрались домой сквозь плотную запруду людей.

Веселье и празднество на улицах продолжались до глубокой ночи. Но не только этот шум мешал мальчику уснуть. Ведь Жиль и Люк решили, что завтра будет тот самый день, когда он попробует встретиться с Королем. Он не забыл предостережения хромого

приятеля, что если первая попытка будет неудачной, второго шанса у него скорее всего уже не будет, больше того, вполне возможно, что он сам угодит в тюрьму. Поэтому почти всю ночь Жиль думал, что он должен сделать и какие оплошности он может допустить и какие случайности могут произойти.

Перед самым утром ему все же удалось вздремнуть. Проснувшись, мальчик увидел, что день солнечный и яркий. Люк обещал встретить его неподалеку от ворот замка. Нетерпеливо проглотив завтрак и положив в карман Раковину, Жиль выскочил из дома. Энни следовала в отдалении, но так, чтобы не терять брата из вида. Волнение в ее сердце соседствовало с восхищением Жилем.

Когда мальчик пришел в условленное место, он приуныл: там никого не оказалось. Но вскоре он услышал свист. Обернувшись на него, он увидел хромого сообщника: Люк стоял в глубоком дверном проеме и знаками манил к себе. Когда Жиль подошел, Люк втащил его внутрь, в тень.

— Посмотри,— сказал он,— отсюда мы хорошо видим ворота замка, а нас самих не видно.

— Но откуда мы узнаем, что Король выберет этот путь? — прошептал Жиль.— В замке есть и другие ворота.

— Да, но это главные, и Король почти наверняка воспользуется именно ими,— успокоил Люк.— А теперь наостри уши. Знаешь, кого я подслушал? Королевских стражников, когда они болтали вчера ночью в таверне. По-видимому, Король собирается отправиться на охоту. С ним поедут придворные, несколько слуг и ловчих. Видишь тех солдат, что прохаживаются взад и вперед?

— Да,— кивнул Жиль.— Однако не хотел бы я получить удар алебардой, вон какие у них.

— Ну, это только караул,— пояснил Люк.— Перед тем, как появится Король, куда больше солдат выйдет из замка. Они растянутся по мосту через ров, окружающий замок. Но им придется расступиться, чтобы Король и его сопровождающие смогли проехать. То же самое они сделают и для Герцога. Это для того, чтобы люди не толпились на дороге. Не правда ли, обременительно быть Королем и устраивать такую суматоху всякий раз, когда собираешься выйти?

— Да, но как я смогу оказаться около него, когда он окружен солдатами? — пуще встревожился Жиль.

— Это уж как у тебя получится,— сказал Люк.— Люди столпятся за солдатами, чтобы поглазеть на выезд Короля. А ты, Жиль, должен быть в первом ряду, сразу за солдатами. А затем, в нужный момент, когда Король...— не договорив, он спохватился:— Постой, а ты узнаешь его? Он может быть одет не так, как вчера, и под ним может быть другой конь. Но ты его узнаешь в любом случае, не так ли?

— Я... я надеюсь,— ответил Жиль.— Я его внимательно рассмотрел, когда он остановился на рыночной площади.

— А то, если не уверен, лучше отложить,— предупредил Люк.— Если остановишь не того, кто знает, что может случиться. Но я буду рядом, чтобы ты не обознался. А как только он окажется напротив тебя, ты должен проскользнуть у солдат между ногами, ты маленький. А когда очутишься перед Королем, ему волей-неволей придется остановиться. Держи Раковину и умоляй его задержаться и переговорить с тобой.

— Ой-ой-ой,— пробормотал Жиль.— Столько риска. Одно хорошо: ты со мной. Подтолкни меня, если будешь считать, что все идет, как надо. Ладно?

— Конечно, я буду рядом... Чу! Слышишь трубы в замке? Значит, солдаты готовятся. Король должен скоро выехать.

Из своей ниши приятели видели, как горожане стали скапливаться у ворот. Скоро там образовалась довольно большая толпа.

Люк решил: пора продвинуться вперед и незаметно смешаться с зеваками. Жиль диву давался, с какой легкостью и с каким проворством хромоножка прокладывал себе путь сквозь толпу на одной ноге и костыле. Было видно, Люк имеет большой опыт в таких делах.

Внимание Жилия было приковано к воротам замка, которые скрывали от обывателей великолепие жизни Герцога. Поэтому, когда огромные створки деревянных ворот стали медленно поворачиваться, его сердечко забилося сильнее, хотя взгляд оставался твердым, а зубы плотно сжатыми.

На пороге выросло шесть юношей, одетых в пеструю форму и готовых затрубить в рог. Некоторое время они переминались с ноги на ногу, но когда ворота растворились, они встрепенулись и подали громкий сигнал.

Когда трубы смолкли, события стали суматошно развиваться. Трубачи подтянулись к краю образовавшегося проезда, и военный, видимо, офицер королевской гвардии, вышел вперед и отдал несколько команд солдатам. Солдаты тотчас начали оттеснять любопытных от ворот. Тут из замка вышел отряд — на глаз Жилия, там было не менее сотни человек — и выстроился по обеим сторонам улицы.

— Очень хорошо,— прошептал Люк.— Король выедет из Восточных ворот. Двигаем к повороту около источника. Толпа там пореже да и солдат поменьше. Но мы не должны уходить слишком далеко, а то кони успеют перейти на рысь и тогда... О Боже! Он выходит. Живо!

Как и раньше, поразив Жилия своим проворством, Люк увлек сообщника за собой. Через считанные минуты они заняли очень удобную позицию ярдов на двести дальше по улице. Протираясь через толпу, они в конце концов уперлись в спину здорового солдата.

Этим утром люди вели себя уже не так бурно, как вчера, при встрече Короля. Они лишь поспешили снять шапки, когда из ворот рысью выехала конная кавалькада.

У Жилия екнуло сердце, когда он увидел, с какой скоростью она движется. Было немыслимо глупо пытаться остановить лошадь, идущую рысью. Но, миновав мост, отряд перешел на шаг.

— Прекрасно! — прошептал Люк. — Король справа спереди. Это он, весь в сером, с алым пером на берете. Возьми-ка чуть вправо... Еще чуть-чуть, чтоб быть между двумя солдатами. Приготовься... Не выскочи раньше. Подожди, пока я толкну тебя.

Несчастному мальчику показалось, что прошли часы, пока человек в сером проехал сотню ярдов по булыжной мостовой. В нескольких шагах за ним держалось пять или шесть вельмож, а уж дальше двадцать, если не тридцать, слуг и ловчих. Все они были верхом. Когда они приблизились, Жиль смог в зазор между солдатами разглядеть даже лица всадников, следовавших за Королем. Он почему-то опасался их и солдат больше, чем самого Короля. А где же высокомерное лицо Герцога? Его не было видно. Похоже, Король выбрался на охоту без своего кузена.

Затем Жиль услышал тихое ржанье и, вскинув голову, увидел, что морда белой лошади оказалась вровень с ним. В этот момент костлявая рука мягко подтолкнула его в спину. В мгновение ока проскользнул он под рукой у солдата и выскочил на открытую дорогу.

С этого момента события разворачивались с такой скоростью, что потом Жиль едва мог вспомнить, как и что с ним происходило. Он так боялся, что вдруг Король не остановится, что схватил правой рукой уздечку белой лошади, протягивая седоку левую руку с зажатой Раковиной. От испуга лошадь встала на дыбы и вырвала из пальцев поводья. От ужаса и удивления зеваки раскрыли рты. Огромный солдат подскочил к мальчику с занесенной для удара алебардой. Но чей-то костыль оказался у него в ногах, и солдат с грохотом растянулся на мостовой, а его шлем покатился по булыжнику через улицу. Один из вельмож прищипорил коня, чтобы пронзить Жилия мечом. Но Король со своей все еще вздыбленной лошади отбил меч хлыстом. Из шеренги выскочили еще двое солдат. В их глазах была смерть, а пики были направлены на мальчишку, осмелившегося так дерзко остановить Его Величество.

— Стойте! — вскричал Король. — Кто разрешил вам выйти из шеренги? У мальчика нет оружия. Он не пытается убить меня. Что с вами такое? Оставайтесь все на своих местах!

15. Король слушает Раковину

Королевский окрик вернул все на свои места. Но Жиль, слишком напуганный и задыхающийся, чтобы говорить самому, почувствовал, что Раковина в его руке раскалилась, будто сотни людей склонились головами друг к другу и шептались о его сумасшедшем поступке.

Король поглаживал шею прекрасной белой лошади, которая тревожно подергивала головой и нервно пофыркивала.

— Спокойно, спокойно, Африка,— уговаривал он, точно обращаясь к ребенку.— Все уже хорошо, моя красавица, успокойся.

С этими словами Король поправил берет и отбросил сломанный хлыст. Тут же один из вельмож выехал вперед и подал ему свой.

— Послушайте, молодой человек,— сказал Король, окидывая Жиль холодным, но неторопливым взглядом.— Вам не следовало выскакивать неожиданно перед лошадью так, как вы это сделали. Если бы вы сами были лошадью, вам это наверняка не понравилось бы. Вы сильно напугали мою Африку. Что вы хотите? Что у вас в руке?

— Р-р-р-раковина, Ваше Величество,— выдавил наконец из себя мальчик.

— Раковина?! — воскликнул Король.— Вы рисковали своей шеей и так напугали нас из-за какой-то раковины?

— Я... М-м-м... Я... хотел дать ее Вам,— все еще запинаясь Жиль.

— Ну, вы очень добры,— заметил Король, и нечто, напоминающее улыбку, проступило на его лице.— Но что я должен с нею делать?

И тут у Жиль, поощряемого Королем, развязался язык. Через мгновение он уже рассказывал Королю свою историю, как будто от этого зависела его жизнь.

— Это говорящая Раковина, Ваше Величество. Если Вы положите ее к себе в карман, она станет горячей, когда кто-нибудь где-нибудь заговорит о Вас. Вам останется послушать ее, и Вы узнаете все, что было сказано.

— Мальчик,— нахмурился Король,— если ты хочешь выставить меня дураком, то тебе придется об этом пожалеть.

— О нет! Что Вы, Ваше Величество! — вскричал Жиль.— Как я могу! Я сам ее проверял, я знаю!

Король медлил, окидывая мальчика тяжелым взглядом. Затем он протянул руку в перчатке:

— Дай ее мне.

Но Жиль отвел руку за спину. Гул удивления прокатился по толпе.

— Ваше Величество, простите, но я могу это сделать, если Вы пообещаете мне две вещи.

— Да хранят нас святые! — пробормотал кто-то в толпе.— Он еще осмеливается торговаться с Королем.

Его Величество снова пристально воззрился на мальчика. Наконец он слегка улыбнулся.

— Хорошо. Какие это условия?

— Первое: мне нужны деньги. Это для моего отца, Ваше Величество. Он потерял почти все, что имел, и теперь готов продать дом, лишь бы выплатить долги.

— Ясно,— сказал Король.— Выходит, ты хочешь продать мне Раковину, не так ли? Ну, а второе условие?

— Второе Вам не будет стоить ничегошеньки. Ваше Величество должно только обещать не спрашивать, откуда у меня эта Раковина.

— Ну и ну. А ты, брат, не промах, хотя еще и мал,— усмехнулся Король.— Хорошо, я обещаю тебе то, что ты просишь. Заплачу долги твоего отца и дам еще две сотни крон впридачу. Я также не буду спрашивать, откуда взялась Раковина. Ну, а сейчас ты передашь ее мне?

— Благодарю, Ваше Величество,— низко поклонился Жиль и протянул Раковину вверх.

Король взял ее в руку и тут же выронил. Жиль подхватил ее на лету и отдал опять.

— Не опасайтесь, что она горячая, Сэр,— успокоил мальчик.— Вокруг так много людей, которые говорят о Вас, что она, наверное, будет горячей все время. Чем больше говорят, тем она горячей. Но Раковина никогда не разогревается настолько, чтобы обжечь кожу.

Король некоторое время изучал ее, затем медленно поднес к уху.

— О,— обронил он.— Тут много, очень много голосов. И все они говорят одновременно: «Король то да король се...» Ничего толком не разберешь. Все перепутано и смешано, сплошной гомон.

— Конечно, Сэр, это так и есть, вся толпа шепчется и обсуждает Ваше поведение во время происшествия, когда я напугал Вашу Африку. Если прикажете людям замолчать, то сможете слышать более ясно. А лучше всего, если Вы послушаете Раковину около полуночи. Почему? Да тогда почти все люди спят и лишь одиночки могут говорить о Короле.

Его Величество, кажется, увлекся неожиданным приобретением. Во всяком случае, он отдал приказ одному из вельмож установить тишину. Когда желаемая тишина воцарилась, он снова поднес Раковину к уху.

— Все еще очень шумно и неразборчиво,— услышал Жиль его бормотание.— О, подождите-ка... да... отдельные голоса... достаточно четко...

Из всех собравшихся Жиль, стоя около морды Африки, мог лучше всех видеть лицо Короля. Долгое время стройная фигура в сером со склоненной головой была неподвижна. Единственными звуками было мягкое цоканье копыт о мостовую: прекрасной Африке очень хотелось на охоту, и она нетерпеливо переступала ногами.

Сначала лицо Короля выражало только легкий интерес, как у мальчика, получившего новую игрушку и не знающего, работает ли она. Но затем по лицу Его Величества, прошли, сменяя друг друга, разные выражения: холодное отчуждение, затем лицо стало высокомерным, потом рассерженным и гневным и, наконец, потерянным и расстроенным. Этот жизнерадостный молодой человек на глазах делался сумрачнее и старше.

Жиль понял: Раковина донесла до правителя страны очень серьезные и важные новости.

Когда Король кончил слушать и поднял голову, люди в толпе увидели только холодное и задумчивое выражение. Он выждал некоторое время, как бы вырабатывая план действий. Затем повернулся и позвал одного из вельмож свиты.

— Годффри,— обратился он к молодому человеку, когда тот подъехал,— сколько людей в нашем отряде?

Хотя голоса были тихими, Жиль уловил каждое слово. Молодой человек, прежде чем ответить, оглянулся на цепочки верховых. (Как позднее узнал Жиль, виконт Годффри был Хранителем Большой Королевской Печати).

— Около полусотни, Ваше Величество,— определил Годффри.

— Сколько среди них моих людей и сколько людей Герцога?

— Почти все Ваши, Сэр, кроме шести ловчих, старшего герцогского Сокольничьего и Бригадира стражников.

— Хорошо,— кивнул Король.— Отошли Бригадира назад в замок. Ну, за чем-нибудь. Дай я подумаю. Пусть-ка он приведет мне свободного коня. Да, именно так. Скажи, я пожелал Полночь, черную кобылу. Пусть один из моих конюших приведет ее. Но без спешки, ты понимаешь. Если он нагонит нас к полудню, у нас еще будет достаточно времени. А сейчас давай избавимся от него. Жду тебя здесь. А когда присоединишься ко мне, помни, Годффри, если ты меня любишь, то будешь неотступно рядом, сделаешься моею тенью, пока все это не кончится.

Молодой человек развернулся и поскакал назад вдоль стоявших верховых. Король некоторое время смотрел на зажатую в руке Раковину.

— Магия? — пробормотал он.— Я полагал, времена магии прошли. Магия или сумасшествие? Или грезы? А почему бы и нет? Они обязательно придут ко мне за королевские грехи. Но, так или иначе, эта штука работает. Раковина с шумом голосов внутри вместо гула моря.

Тут он протянул Раковину Жиллю.

— Но, Ваше Величество, разве Вы не оставите ее у себя? — удивился мальчик.

— Обязательно,— ответил Король.— Но я хочу, чтобы ты хранил ее для меня. Я забираю тебя с собой. Ты можешь ехать на лошади?

— Только если шагом, Ваше Величество.

— Хорошо, сойдет и так. Сначала ты можешь ехать с нашим Годффри. Обхвати его руками за пояс и смотри, чтобы не упасть. Он сам очень легкий, а конь его достаточно сильный. В дальнейшем, возможно, ты поедешь на Полночи, моей вороной кобыле. Ты полюбишь ее. Она очень спокойная. Пусть не такая быстрая, как Африка. Но достаточно резвая, умная и выносливая. А вот возвращается и Годффри, мы можем трогаться.

16. Вороная кобыла Полночь

Холод, сквозивший в словах Короля, предостерег Жиля от дальнейших расспросов. Он был уверен, впереди их ждут большие дела, только Его Величество пока не хочет никого посвящать в свои планы.

Отряд пришел в движение и некоторое время ехал по узким улочкам города шагом, потом шаг перешел в рысцу, а рысца сменилась нарастающим галопом. Жиль, обхватив руками пояс юного Годфри, чувствовал себя в достаточной безопасности, хотя и не очень уютно. Тот, помня наказ Короля, держал своего коня голова к голове с быстрой Африкой.

Разбросанные вокруг города хижины становились все реже, и вскоре на пути конников вставали лишь одинокие крестьянские домики. Проехав несколько миль по дороге, Король изменил направление движения и помчался по заросшим вереском холмам. Казалось, его влечет видневшийся на склоне горы большой лес. Жиль, никогда не бывавший раньше так далеко за городом, смотрел вокруг острым взглядом первооткрывателя, пытаясь при этом приспособиться к толчкам и тряске.

Наконец все достигли леса. Отряд проехал по дороге, вдоль которой высились могучие буки с толстенными стволами и разлапистые ели. Позже охотники оставили и этот лесной путь и углубились в чащобу. Дальше ехать пришлось по изрытому оврагами и горными ручьями склону горы, определяя направление по стоявшему над головой солнцу. Его Величество все не отдавал приказа остановиться. Но вот они выехали на открытую полянку.

Это было весьма привлекательное место. Поросшую мхом пустошь окружали заросли ежевики и черники, а дальше стеной вставали дубы — словом, это было такое место, которое любят выбирать дети для своих секретных игр. Отсюда можно видеть окрестности во все стороны, и в тоже время сама поляна не просматривалась ни со склонов горы, ни из долины. Лучше не найдешь, даже если искать специально.

Естественно, все обрадовались возможности отдохнуть, но оставались в седлах, ожидая, пока спешится Король. У Жиля успело образоваться несколько мозолей и ссадин, но он был так восхищен событиями, в которых принимал участие, что не обращал внимания на такие пустяки. Он, однако, не спрашивал, какая роль ему уготована, и мог лишь гадать, что ждет его впереди.

Поведение Короля сильно изменилось, когда он встал на землю и отпустил тяжело дышащую Африку свободно пастись на лужайке. Он сразу стал деловым и очень озабоченным, стараясь не потратить даром ни минуты. Старшему Сокольничьему он приказал брать своих людей, собак и идти выслеживать дичь. Как только те

скрылись из виду, он созвал всех оставшихся — теперь это были только его друзья и слуги. Заговорил он тихим, как бы могильным голосом, сдерживая ярость, негодование и, может, даже слезы.

— Джентльмены,— начал Король, всматриваясь в лица окружавших его вельмож,— меня предали. Мой собственный кузен, Герцог. Он и некоторые члены двора замыслили бросить меня в темницу в замке, где мы гостим, отобрать мою корону, а на мой трон посадить другого.

Слышавшие это застыли с открытыми ртами от ужаса и негодования. Посыпались угрозы в адрес изменников. Когда ропот стих, люди еще плотнее сбились вокруг Короля.

— К счастью,— продолжал Король,— нам удалось опередить наших врагов. Они еще не знают, что мы раскрыли их заговор. Но, конечно, это ненадолго. Именно поэтому я отослал ловчих Герцога, чтобы поговорить с вами и подготовиться к действиям. Знаю, на любого из вас я могу положиться. Но я не уверен в слугах Герцога.

— Ваше Величество,— вскричал один из придворных,— мы можем избавиться от них в два счета. Нас более тридцати, а их всего полдюжины.

Эта мысль была встречена призывами к кровавому возмездию. Король, однако, подняв руку, призвал всех к тишине.

— Мы не желаем насилия и кровопролития, если можно их избежать. Я поговорю с ними, когда они вернутся, и посмотрю, как они это воспримут. Они лишь слуги Герцога, нельзя их обвинять в том, что у господина злое черное сердце... О, я слышу, они возвращаются. Когда они подъедут, окружите их и будьте наготове. Но запомните — никому не должен быть причинен вред, если только этот человек не попытается освободиться и поставить Герцога в известность.

В молчании свита Короля разошлась по поляне. Когда ловчие появились на поляне, Жиль увидел с ними черную лошадь. Ее вел конюх в ливрее Его Величества. Этот человек наткнулся на ловчих, когда искал отряд Короля. Жиль никогда в жизни не видел такой прекрасной лошади, ну, разве исключая Африку,— такой грациозной и гордой выглядела она, пока шла через поляну к Королю, а у ее ног резвились охотничьи собаки. Если бы мальчик был королем и мог требовать всего, чего захочет, то, наверное, первым, что потребовал бы он, была лошадь, подобная этой вороной кобыле по кличке Полночь.

Старший герцогский Сокольничий подъехал к Королю в сопровождении своих людей и стал рассказывать о звериных следах, обнаруженных по склону горы. Но он стал сбиваться и, наконец, совсем замолчал, когда заметил, что люди Короля приближаются к нему с каменными лицами и руками, лежащими на рукоятках мечей. Тогда Король коротко пересказал ему то, что знал о заговоре.

На честном лице Сокольничего отразилось такое неподдельное изумление, что все убедились, он и его люди непричастны к заговору.

— Видите,— закончил Король,— я не могу отпустить вас обратно в замок. Не оттого, что опасаясь вашего участия в дьявольских планах Герцога против меня. Однако, если мы не вернемся сегодня к ночи в замок, вас будут спрашивать, почему мы замешкались, и мой братец поймет, что мне удалось освободиться. Поэтому мне придется взять вас с собой.

Старший Сокольничий снял шапку и встал на одно колено перед Королем. Его люди сделали то же самое.

— Сэр,— сказал он,— это правда, что мы служим Герцогу и всегда старались в этом преуспеть. Но мы должны быть преданы прежде всего Вам как Королю и правителю страны. Вы можете доверять нам. Но если мы уйдем с вами, что случится с нашими семьями, если Герцог вздумает отыграться на них за наше бегство?

— Не вам одним приходят в голову такие опасения,— успокоил Король.— Разве я сам не оставил своих людей да и родственников: тетюшку — принцессу Софронию, молодую виконтессу Барбару и еще многих других, сопровождавших меня в этой поездке? Наша надежда заключается в том, что Герцог долго будет в неведении о случившемся с нами. Вряд ли он что-либо заподозрит до завтрашнего дня. Ну, а когда он начнет догадываться, что произошло, первые его мысли будут о собственном спасении, а не о мести. Если мои планы будут выполняться так, как я задумал, уже завтра ночью он не будет Герцогом. Он будет либо пленником в моих руках, либо беглецом где-нибудь далеко, думающим только о спасении собственной шкуры. Как только мы окажемся за пределами его герцогства, я соберу армию, достаточно сильную для того, чтобы разделаться с Герцогом и его войском. Мы вернемся к воротам замка завтра, чтобы у него не было больше возможности предавать доверившихся ему гостей.

Отвернувшись от Сокольничьего, Король заговорил о чем-то с виконтом Годфри. Много было решить и согласовать. Весь большой отряд должен был покинуть границы герцогства незамеченным и как можно быстрее. Для этого нужны были проводники, которые знают тропы, известные только пастухам, и такие горные тропинки, где тебе не встретится ни одна душа.

Оказалось, что для такой задачи не найти никого лучше Сокольничьего и его людей. А еще надо было послать быстрых гонцов в ближайшие к границам крепости, где стояли войска Короля. Гонцы должны были передать начальникам приказ Короля вооружать людей, вести их к месту сбора и быть готовыми выступить против Герцога. Разведчики должны были идти впереди отряда, чтобы вовремя заметить засады и солдат Герцога, которые могли расположиться в самых неожиданных местах. Да и кроме того,

оставалось еще много вещей, которые необходимо было обговорить загодя.

Все это Король поручил виконту Годфри.

Хранитель Большой Королевской Печати, не теряя времени, быстро прошел через толпу на поляне, отдавая четкие королевские приказы. Все пришло в движение: люди спешно седлали коней и исчезали за деревьями. Только собаки, молча вынюхивавшие следы, не поддались всеобщей суматохе. Попарно и тройками уходили они с ловчими, чтобы вынюхивать приближение опасных людей и предохранить от них Короля.

Пока все это происходило, Король отвел в сторону Жилия и усадил его на земляную насыпь в углу поляны. Некоторое время он молча глядел на юного дарителя Раковины.

— Мальчик,— сказал он наконец.— Рано или поздно наступит день, когда ты будешь старым человеком и у тебя будут внуки в том возрасте, что ты сейчас. И тогда ты сможешь сесть в большое кресло перед камином и рассказать им замечательную историю, как ты спас жизнь Короля. Ты ведь действительно спас меня нынче, ты и твоя Раковина. Еще бы чуть — и было поздно. Я услышал, какое предательство замыслил мой кузен, так четко, как если бы он стоял около меня, обсуждая со своим братом и еще двумя злодеями, как они подсыпят снадобье мне в питье и бросят в темницу, пока я буду спать. А затем — о Боже, давай не будем говорить об этом сейчас! От этого у меня начинает ныть сердце. Подумать только, в его собственном доме, за его столом, будучи гостем, я мог быть схвачен и пойман в западню!

Когда он кончил, Полночь, его черная кобыла, которая, казалось, следовала за своим хозяином, как верная собака, подошла и уткнулась мордой в склоненную голову Короля.

— Но, Ваше Величество,— сказал Жиль,— если бы Герцог бросил Вас в тюрьму, он не стал бы Вас убивать?

Король посмотрел на мальчика и слегка щелкнул его по носу.

— Малыш,— сказал он,— когда ворота тюрьмы захлопываются за королями, на чьи короны позарились другие, их очень редко видят снова, я имею в виду живыми. Нет, он не сделал бы это сам. Я просто бы исчез. Ты спас меня. И я этого не забуду. Скажи, есть ли что-нибудь, чего бы ты еще хотел, кроме денег для отца, что-нибудь именно для тебя, как подарок?

Глаза Жилия засверкали. Он глубоко вздохнул:

— О Ваше Величество, не мог бы я... не мог бы я стать хозяином Полночи?

Король тут же утратил весь свой серьезный вид и рассмеялся. Он встал с насыпи и поднял Жилия прямо в седло лошади.

— Я ожидал, ты попросишь у меня половину Королевства или принцессу, как это обычно бывает в сказках,— сказал он.— Если ты хочешь Полночь, ты ее получишь. Заботься о ней. Она твоя, твоя собственная.

5. Зак. 4324 Х. Лофтинг

17. В столицу и обратно

Для Жилия события продолжали развиваться стремительно. Одно сменялось другим неожиданно, и мальчику трудно было разобраться в происходящем, тем более, он зверски устал и время от времени впадал в дремоту.

Переход к границе был довольно долгим, к тому же под покровом ночи. Для мальчика, не привыкшего ездить верхом, такая поездка была тяжким испытанием. Еще до того, как стемнело, Король, заметив усталость Жилия, пересадил его с вороной кобылы на другую лошадь. Там его пристегнули за пояс позади всадника, чтобы он не упал и не расшибся, если его одолеет сон.

Но и другим пришлось несладко, потребовался хотя бы короткий отдых. Во время одного из таких привалов, Король решил снова обратиться к Раковине. Жилия отстегнули и опустили с седла. На земле он извлек Раковину из кармана и передал Королю. А Король хотел узнать, не послал ли Герцог солдат в погоню. В Раковине он услышал команды офицеров, направленных на его поиски, однако ни одного названия городов или мест не называлось, оставалось гадать, как близко эти отряды могли находиться от беглецов. Он также услышал, как Герцог говорит о нем, но то были планы на следующий день. Король убедился, что хотя его исчезновение и вызвало удивление и беспокойство, никто в замке не догадывался, что в действительности Его Величество пытается бежать.

Закончив слушать, Король решил пока оставить Раковину у себя. Пусть будет под рукой. Да и карман Жилия не казался ему надежным местом. В те времена карманы на красивых одеждах делались мелкими, если они вообще были. Поэтому Король стал подыскивать новое место для хранения такой драгоценности. В конце концов он остановил выбор на расшитой золотом сумке, свисавшей с белоснежного бока своей лошади. Но раньше, чем он успел вскочить в седло, Африка встала на дыбы и отскочила в сторону.

— Выньте ее, Ваше Величество! — закричал Жиль. — Выньте Раковину. Кто-то говорит о вашей лошади, и Раковина жжется!

— О Боже, она действует и на лошадей? — поразился Король. — Точно, она горячая. Может, это Хуберт, мой главный конюх, говорит о тебе, Африка. Лучший наш конюх, не так ли? Он только и говорит, что о лошадях, моя красавица. Успокойся, никто не хотел тебя обидеть, успокойся. Она тебя больше не обожжет. Мальчик, сюда! Можешь взять ее опять?

— Конечно, Ваше Величество! — с готовностью ответил Жиль. — Пусть кто-нибудь даст мне шнурок, я завяжу ее в кармане, и уж тогда она не выскочит, даже если придется скакать.

Раковину тут же тщательно завязали в кармане Жилия, а

хранителя ее пристегнули сзади к наезднику из королевской свиты. Можно было трогаться дальше.

Впечатления мальчика от последней части пути были отрывочные и неясные. Будто раз его вынули из седла да вдруг возникли оживленный говор и туманные расплывчатые пятна фонарей. Позже он вспомнил большую толпу лучников и вооруженных людей. Из этого он сонно заключил, что им удалось выбраться за границы герцогства и избежать пленения. Но то были лишь впечатления, которые сумел выхватить его усталый мозг. Жиль не смог бы рассказать всю историю, полную удивительных приключений этой ночи.

Придя в себя, Жиль обнаружил, что находится в прекрасном помещении и лежит на шелковых простынях. Комната была освещена двумя свечами, воткнутыми в золотые подсвечники. Наполовину опущенные шторы прикрывали высокое окно, за которым угадывался новый день.

Жиль встал. Все тело ныло. Он пересек комнату и выглянул в окно. Внизу расстился прекрасный сад с розовыми кустами на ступенчатых террасах, сад окружали каменные стены с арками и бойницами. За садом виднелся город, уходивший вдаль.

Отсюда Жиль заключил, что находится в замке и комната располагается в верхней части одной из башен. Тут звякнула щеколда. Вошел слуга с подносом, полным еды. Человек перенес угощение на стол и шепотом предложил Жилю откусать. Мальчик не стал отказываться. Слуга не ушел, а деликатно остался за плечом, меняя блюда, наливая молоко из серебряного кувшина и нарезая хлеб большим ножом с отделанной рогом рукоятью.

Жиля никогда так не обслуживали, и поэтому он был слегка ошеломлен оказанным вниманием. Но он был слишком голоден, чтобы отвлекаться от трапезы. В считанные минуты он проглотил довольно плотный завтрак, после чего принялся задавать вопросы. Слуга попросил Жиля говорить потише. Король, сказал он, поживает в соседней комнате и не должен быть разбужен раньше, чем армия выступит в поход. Эти комнаты, как оказалось, были личными апартаментами Короля, а замок — главным из всех королевских дворцов. Выходило, Жиль попал в столицу, важнейший город Королевства.

Как только слуга исчез за дверью, открылась другая, в противоположном конце комнаты. Там стоял Король, одетый для верховой езды. Жиль ожидал, что Король, как и он сам, только прилег на час-другой, не снимая одежды. Но Его Величество казался свежим и добродушным. Он поинтересовался, как Жилю спалось, и предложил ему вернуться в постель, сказав, что на следующий день они увидятся снова. Жиль хотел задать вопросы, но почувствовал, что Раковина становится горячее. Он достал ее послушать. Король в отдалении поглядывал на мальчика.

— Это мои мама и папа, Ваше Величество,— объяснил Жиль,— и моя сестра Энни. Они беспокоятся, что случилось со мной. Хромой мальчик, его зовут Люк, который помог мне добраться до Вас, дал им совет спрятаться, чтобы не попасть на допрос к Герцогу. Я умоляю, Ваше Величество, позволить мне поехать с Вами. Я хочу увидеть их, взять для них деньги, в которых они так нуждаются, и рассеять их страхи.

— Очень хорошо,— ответил Король.— Я буду рад видеть тебя рядом, если только ты сможешь выдержать поездку. Я, как и раньше, поеду со своей свитой. Но если там начнется стрельба, я должен буду отослать тебя назад. Я, однако, надеюсь, что войска Герцога сдадутся, как только мы осадим город.

— Ваше Величество не хочет послушать Раковину до выступления? — спросил Жиль.— Вдруг вы узнаете что-нибудь полезное?

Король взял ее и поднес к уху.

— Шум и смятение,— сообщил он.— Вся моя армия говорит сейчас, и это заглушает слова Герцога. Я ничего не могу разобрать, но я и не могу ждать, сейчас дорога каждая минута. Я хочу поймать ос в их гнезде прежде, чем они смогут выбраться наружу и пустить в ход свои жала. Пора ехать. Храни Раковину. Если твой хромой друг или другие знают, что ты с Королем, мы можем услышать новости или сплетни, что будет нам хорошим подспорьем.

Король покинул комнату, и Жиль, чуть не наступая ему на пятки, двинулся следом по спускавшейся спиралью каменной лестнице, которой, казалось, нет конца. Лестница привела во внутренний двор. Там из сумерек рассвета проступали фигуры людей и крупы лошадей. Тут и там раздавались резкие команды. Пока лошади стояли в ожидании, дыхание из их ноздрей образовывало в холодном утреннем воздухе облачка пара. Жиль немного расстроился, не увидев среди них собственной прекрасной Полночи и нежной Африки. Но он понимал, им, безусловно, нужен отдых от долгого перехода.

Через несколько минут они оседлали коней, новых, свежих и хорошо ухоженных. Жиль опять оказался за спиной того всадника, что и раньше, но прежде, чем ухватиться за пояс этого человека, он убедился, что Раковина, принесшая ему такие удивительные приключения, находится в сохранности в кармане. Возвращение в родной город Жили заняло куда меньше времени, чем путешествие из него, ведь обратно они ехали открыто по лучшим и наиболее коротким дорогам. Король стремился не потерять ни минуты. Герцог пока еще не успел подготовиться к сражениям на подступах к замку. Поэтому поход напоминал скорее визит молодого горячо любимого Короля, чем начало войны. Его приветствовали и ему радовались в любой маленькой деревушке, через которую он проезжал. А если люди и удивлялись множеству лучников, шедших впереди, и мощной армии воинов в доспехах, шедших за ними, то

они считали, это право Короля двигать войска, когда и куда он захочет, и не забивали свои головы лишними мыслями. Даже когда проезжали собственные земли Герцога, положение не менялось. Понимая, что простые люди не имеют понятия о заговоре против него, Король отдал четкое приказание — войска никому не должны причинить вреда. Поэтому ни одна утка не была украдена, ни одно яблоко не было сорвано из садов, когда проходили Королевские солдаты. Не было заметно никаких признаков вражеских войск, хотя виконт Годффри настоял, чтобы вельможи находились во время марша подле Короля на случай внезапной атаки из засады.

Только когда они были уже в виду города и наступил вечер, Король отдал приказ остановиться на привал и созвать Военный Совет. На него призвали и уходивших вперед разведчиков.

Из сообщений стало ясно, что между Герцогом и его армией нет согласия. Быстрый переход, совершенный Королевской армией, расстроил планы врагов. Войска, которым Герцог отдал приказ остановить наступление, не горели желанием поднять оружие на своего Короля. С одной стороны, у Герцога не оставалось времени убедить офицеров в необходимости участвовать в мятеже. С другой, солдаты, видя несметную армию у ворот замка, понимали, что такую силу не одолеть, и готовились к сражению спустя рукава. Как докладывали разведчики, войска Герцога все еще остаются в замке и пребывают в смятении. Многие складывают оружие и заявляют, что не будут сражаться с Королем за кого-либо или за вознаграждение. А другие в это время бегут у стен замка, без командиров и приказов, пытаясь угадать, что еще может случиться.

Когда Король узнал про это, он послал виконта Годффри с несколькими гарольдами в город потребовать сдачи. Солдатам и городским жителям было обещано полное прощение и справедливое отношение, но Герцога и его приближенных ждал арест, чтобы в дальнейшем судить их по закону.

Не прошло и часа, как гарольды вернулись с ответом Королю. Все очень удивились, что с ними нет виконта Годффри. Вместо него явился мэр города, напуганный и расстроенный. Он заявил, что до утра люди ничего не знали о дьявольских планах Герцога. Они отказались присоединиться к мятежу. Герцог в бешенстве угрожал их всех повесить, но ему хватило ума сообразить, что в такой обстановке надо самому смазывать пятки, пока еще есть время. Виконт Годффри отправился в погоню с отрядом самых быстрых всадников. Порядок в городе восстановлен, а войска Герцога поклялись в верности Королю. Люди ждут приезда Его Величества, чтобы продемонстрировать повиновение и любовь, а также воздать ему приличествующие почести.

Единственным ответом Короля был задумчивый кивок головы, после чего он справился о виконтессе Барбаре и о других людях из

его свиты, оставшихся в замке. Когда мэр заверил, что с ними все в порядке, он отдал приказ выступать.

Вся огромная армия двинулась к городу, а на землю опустилась темнота.

18. Мальчик-рыцарь

Повторный визит Его Величества в город был самым грандиозным зрелищем, которое видел Жиль. Мэр разослал впереди королевской свиты гонцов, которые рассказывали горожанам, как милостиво принял его, мэра, Король. Как только войска подошли к городским воротам, они увидели отсветы праздничных уличных костров и услышали радостный перезвон колоколов, которым горожане приветствовали монарха и его армию. По мере того, как они приближались, шум нарастал. Когда королевская свита прошла под аркой городских ворот, он стал поистине оглушающим. Люди стремились к Королю, выкрикивая приветствия, размахивая руками и подбрасывая вверх шапки.

Первые мысли мальчика были о семье. Его глаза пытались сквозь дым факелов и костров увидеть в толпе лица родителей, Энни или Люка. Этого не удалось, однако Жиль не мог спешиться, пока Его Величество со свитой не достиг герцогского гнездовья. Во дворе замка, где шум радовавшейся толпы был не столь оглушающим, Король соскочил с коня. Он порывисто прошел внутрь большого каменного здания, сопровождающие вельможи едва поспевали за ним.

У Жилия появилась возможность тихонько улизнуть, но у него была Раковина, которая в любую минуту могла понадобиться Королю,— как тут уйдешь! Его Величество, все еще одетый в запыленный костюм для верховой езды, проводил прием в Большом Зале. Он сидел в просторном кресле на возвышении в конце длинного зала, а сотни людей подходили к нему, чтобы выразить свое уважение, ответить на вопросы или сообщить новости.

Жиль почти никого из них не знал, но гарольды громко объявляли их имена. Сначала к Королю подходили те, кто остался в замке во время бегства Его Величества. Среди них мальчик сразу выделил двух леди. Принцессу Софронию, тетю Короля, очень некрасивую, по мнению Жилия, к тому же ворчунью. Она устроила скандал своему племяннику из-за того, что ей пришлось перенести тяжкие испытания. Вторая была молоденькая девушка, виконтесса Барбара, сопровождал ее отец, Командир королевских лучников. У нее были голубые глаза и прекрасные золотистые волосы. Подобной красоты Жиль еще не встречал.

Затем явились несколько десятков гонцов и офицеров, которые

доложили о состоянии дел в городе и герцогстве. Стражники привели двух арестантов со связанными руками. Это были приближенные Герцога, замешанные в заговоре. Его Величество долго расспрашивал их тихим голосом. Взгляд его при этом не сулил ничего доброго. Не решив их судьбы, Король приказал увести арестантов, пока он не примет оставшихся посетителей.

Все это заняло много времени, и Король в конце выглядел усталым. Жиль, который к тому времени был не прочь отужинать и не имел возможности уйти в город, убедился воочию, что жизнь правителя страны далеко не мед. Когда Король заканчивал прием, возвратился виконт Годфри. Его ботфорты были заляпаны грязью, а лоб усеян каплями пота. Казалось, у него не было сил стоять. Король поднялся встретить его и приказал слуге подать кресло. Виконт поблагодарил и, переведя дух, приступил к рассказу.

Герцог мертв. Он, его брат и два других главаря заговора углубились в горы, к югу от границ герцогства. Там, в каменистом ущелье, на берегу стремительного горного потока, Годфри и его люди настигли Герцога. Видя, что пленение неминуемо, изменник направил своего коня на стремнину, надеясь найти спасение на другом берегу. Брат и компаньоны последовали за ним. Все четверо вместе с конями попали в водоворот и утонули.

Виконт умолк. Молчал и Король, уставившись в одну точку на полу. Наконец, он поднял взор и приказал привести ему тех арестантов.

— Наш кузен,— обратился он к ним,— принес нам много бед. То, что он задумал, было, безусловно, очень печально для нашего государства. Но было бы худо, если бы мне пришлось наказывать его за измену. А я не вижу другого пути, попадись он нам в руки. Он был очень решительным человеком и очень храбрым, хотя и изменил своему Королю. У нас нет желания отмечать первые же дни правления кровавыми расправами и наказаниями. Вас, джентльмены, за ваши деяния следовало лишить голов. Но мы считаем, что вы сами не помышляли об измене, не подтолкнули вас к этому Герцог. И поскольку моя жизнь спасена мальчиком, который волей случая оказался около меня, когда я в этом нуждался, а Герцог погиб, вы не будете казнены. Глава заговора мертв, и бунт закончился. Вы прощены, джентльмены, при условии, что поклянетесь никогда больше не идти против Короны.

Веревки, стягивающие запястья, были развязаны, и преступники радостно преклонили колени перед Королем, поклявшись в верности ему до конца дней своих.

Король оставил кресло и поднял руку.

— Мы заявляем об упразднении этого герцогства,— объявил он,— и титула Герцога, которым обладал наш кузен, отныне и во веки веков. Отныне эти земли будут управляться как часть королевских владений.

Тут Король обвел взглядом присутствующих:

— А где мальчик, которого мы привезли с собой?

— Вы спрашиваете меня? — высунулся из-за кресла Жиль.

Его неожиданное появление, как фокусника, настроило Короля на веселый лад. Серьезное выражение на лице Его Величества сменилось доброй улыбкой. Казалось, он сам ненамного старше маленького спасителя.

— Да, конечно, я спрашивал тебя, — сказал он. — Как твое имя?

— Жиль, Ваше Величество.

— Жиль? — переспросил Король. — Это неплохое имя. Его носил святой покровитель калек, не так ли?.. Как странно. Ты говорил о своем хромом друге, который помог встретиться со мной. Может, мне удастся сделать работу за святого Жилия? Приведи своего друга завтра в замок. Я хотел бы познакомиться с ним. А как тебя еще зовут? Я имею в виду твою фамилию.

— Нас зовут Каретниками, Ваше Величество.

— Каретники? Ну, нет. Мне это не очень нравится. Хотя не расстраивайся. Такой фамилией, если поразмыслить, можно гордиться. Твой отец делает кареты?

— Да, Ваше Величество. У него самая большая в городе мастерская. Но сейчас трудные времена, и заказы почти прекратились.

— Да-да, — кивнул Король. — Напомни, чтобы я не забыл отослать ему денег, как обещал. Сколько тебе лет?

— Девять лет и девять месяцев, Ваше Величество.

— Ты знаешь, что такое рыцарь?

— Да, Сэр.

— Хорошо, Жиль. Я хочу посвятить тебя в рыцари. Это против законов и обычаев, поскольку ты еще очень молод. Но для тебя я сделаю исключение за храбрость, которую ты проявил, служа Короне.

— Храбрость, Ваше Величество? — все лицо Жилия выражало крайнее удивление. — Какую храбрость?

— Разве ты не рисковал своей хрупкой шеей, выпрыгивая перед моим конем? Тебя тогда чуть не размазали по мостовой.

— Я не осмелился бы сам без поддержки Люка, — пробормотал Жиль.

— Если бы этого не произошло, я не стоял бы сейчас перед тобой. Годфри, подай мне меч.

Виконт сделал шаг вперед, расстегнул ремень и протянул меч Королю, не извлекая из ножен. Король вынул ярко блестящий клинок и направил на Жилия.

— Встань на колено, мальчик, — сказал он. — Не бойся. Мы не собираемся сносить тебе голову. Это только церемония, через которую необходимо пройти.

Жиль опустил на правое колено и склонил голову. Он почувствовал, как меч легко коснулся его плеча и слышал, как Король торжественно произнес:

— Встаньте, сэр Жиль!

Он встал, пытаясь понять, не снится ли ему все это. Пока мальчик соображал, Король заговорил снова:

— Сэр Жиль Каретник, мы хотим назначить вас в королевскую свиту. Для вас найдутся дела. Скажи мне, что ты можешь делать лучше всего?

Сэр Жиль почесал затылок самым нерыцарским образом, и на его лице отразилась растерянность.

— Я боюсь... Ну, я не знаю, Ваше Величество,— сказал он.— Мама всегда отправляет меня искать свой наперсток. И папа, если теряет молоток и долото, всегда зовет меня. Однажды он даже заявил, что я не гожусь ни для чего больше, как для отыскания вещей.

Услышав это, окружавшие Короля придворные захихикали. Но Его Величество хлопнул в ладоши и возгласил:

— Отыскивать вещи? Чудесно! Это как раз то, что нужно. Лучше и не могло быть. Знаешь, что у меня лучше всего получается? Терять вещи. Я теряю все. Бумаги, письма, хлысты, собак, перчатки, книги, словом,— все. Таким образом, быть тебе Королевским Искателем.

Его Величество поднял руки, призывая всех к тишине. Все прекратили шептаться.

— Мы желаем,— заявил он,— создать новую должность при дворе. Это будет Королевский Искатель и по своему положению человек, занимающий эту должность, будет находиться между Главным Королевским Конюхом и Хранителем Главной Королевской Печати.

На этом Король объявил, что аудиенция окончена. Все радостно последовали за ним в обеденный зал.

На следующий день семью Жилия пригласили во дворец. Отца Король одарил обещанными деньгами, достаточными для того, чтобы уплатить долги и дать новый толчок каретному делу в мастерской. Король спросил разрешения у матери Жилия взять ее сына с собой в столицу. Он хотел взять и Энни, чтобы она стала фрейлиной у Королевы Даугер, его матери. Но родители не могли представить себе разлуку сразу с двумя детьми, и уговорились, что Энни присоединится к брату, когда подрастет.

Зван был во дворец и Люк. Опасаясь ареста, он не показывался на людях, пока не услышал о бегстве Герцога. Жиль, конечно, был очень рад снова увидеть друга и просил, чтобы Люка тоже взяли ко двору. Король сам назначил Люка помощником Жилия. Кажется, все рыцари имеют оруженосцев, и Люк присоединился к королевской свите как правая рука Жилия.

Жиль поинтересовался у хромого приятеля, не слышал ли тот что-либо про Агнессу. Увы, тот ничего не знал, хотя Дом с привидениями был обыскан от подвала до чердака. Да и Жиль постоянно держал Раковину при себе, надеясь, вдруг Агнесса что-нибудь скажет про него, и ожившая Раковина наведет на ее

след. Но — увы! Дети не знали, что предпринять еще. Жиль расстраивался и потому, что очень хотел свести Агнессу с Королем.

— Знаешь, Люк,— сказал он,— я думаю, Его Величество был бы рад, если бы она служила ему. Ему нужны умные люди. Кроме того, она тот человек, которого следует поблагодарить за спасение Короля. Ведь это она дала нам говорящую Раковину. Не думаешь ли ты, что Герцог успел причинить ей зло до того, как бежал?

— Нет,— успокоил Люк.— Если бы ее схватили, слух пополз бы по городу. Просто, похоже, она сейчас более осторожна. Посуди, когда она вылечила меня, про нее чего только не наговорили. И что она использовала магию, и что она в стоворе с самим Дьяволом. Поневоле станешь осторожничать.

У Жилия от напора событий голова шла кругом, и только теперь он обратил внимание, что его приятель без костыля.

— Люк,— закричал он,— у тебя ноги в порядке?!

— Я стал нормальным человеком,— засмеялся тот.— Я не пользуюсь костылем с тех пор, как потерял его. А случилось это, когда ты вручал Раковину Королю. Я потерял его между ног солдата, который хотел тебя оглушить. Затем я пустился по улице, будто меня могли схватить стражники за дерзость. И сам не заметил, что бегу на двух ногах, пока не спрятался и не успокоился.

Некоторое время Жиль разглядывал своего когда-то хромого друга, его стройное тело. Затем пробормотал, будто про себя:

— Жиль — покровитель калек, так сказал Король. Стой, это, наверное, сделала Агнесса, наша Яблочница, ведьма Шрагга! Послушай, Люк, а может, она святая, а не ведьма? Может, она и есть этот самый покровитель калек Жиль?

— Не знаю. Да и кто знает,— пожал плечами Люк.— Она не пользовалась ничем, только своими руками, надавливая и вращая мое колено. Мне очень жаль, что я не могу найти ее сейчас. Я очень бы хотел поблагодарить ее и показать, как я могу управляться без костыля.

— Ладно,— заключил Жиль,— может, она еще вернется. Ты ведь знаешь, она появляется, когда ее меньше всего ждешь.

— И тогда, когда она больше всего нужна,— кивнул Люк.

— Уже поздно,— сказал Жиль,— пора спать. Нам надо отдохнуть. Ведь завтра, Люк, мы едем в столицу, навстречу удаче. Подумать только — мы едем вместе с Королем!

КНИГА II

1. Королевский Искатель

тром другого дня Жиль выехал в столицу, и для него началась новая жизнь.

Он не ведал, что пройдут долгие девять лет, прежде чем он сможет вернуться в родной город. Однако это было так. Не скажу, что он не стремился к этой поездке. Напротив, он неоднократно планировал ее, но всякий раз находилась помеха этим планам. Жизнь его была насыщенной и радостной, за эти девять лет самые разнообразные события занимали его мысли и заполняли дни.

К счастью для Жилия, он не особенно обращал внимание на окружавшее его великолепие и свалившуюся на него славу, которые могли бы вскружить голову молодому человеку. Все понимали, раз Король взял мальчика в свою свиту, он очень расположен к нему. Жиль был не просто рыцарем, имевшим оруженосца и жившим в королевских покоях, он был человеком, которого Король брал с собой во все поездки. Более того, Его Величество часто советовался с Жилем по важным государственным делам, даже перед тем, как обращаться к советникам и министрам. Он доверял мальчику важные поручения, которые были не по плечу многим придворным.

Жиль долго удивлялся, обнаружив, что целью жизни придворных было достижение благосклонности Короля и хвастовство дружескими отношениями с Его Величеством. Надеясь, что мальчик замолвит за них словечко перед Королем, эти люди пытались подкупить Жилия подарками и угодливо величали его — «Мальчик-Канцлер». Да что там придворные! Многие принцы из дальних стран, которые хотели заключить союз и выгодные договоры с Королем, слали Жилию богатые подарки, прежде чем подступиться к самому Королю.

Среди знати, пытавшейся получить расположение Королевского Искателя, была и тетюшка Короля — принцесса Софрония, сканда-

листка по натуре и безобразная лицом, что не мешало ей считать себя красавицей. Она была уже немолода, но все еще надеялась выйти замуж за Императора или какого-нибудь могущественного Государя. Жиль долго не понимал этого. Потом он раскусил, откуда берутся такие глупые мысли. Поскольку она доводилась Королю тетушкой, придворные льстили ей без конца, уверяя, какая она красивая и благородная дама, и ей ли не стать Королевой великой страны. Тут Жиль понял, что мало кто из придворных заслуживает доверия, в большинстве своем это двуличные вруны.

Несчастному Королю с трудом удавалось выносить присутствие тетушки, но королевская кровь в его жилах вынуждала его быть обходительным с Софронией. Она же все время надоедала ему поучениями и жалобами. Жиль и тут пригодился Королю. Завидев принцессу, Король шептал Жилю:

— Вон моя тетушка. Ради всего святого, отвлеки ее, пока я улизну в сад.

Таким образом, сэр Жиль Каретник, Королевский Искатель, часто и подолгу общался с принцессой Софронией и узнал Её Высочество очень хорошо. Но скоро он сообразил, что надо держаться от нее и многих других подальше. Он деликатно отклонял их настырные просьбы замолвить за них словечко перед Королем и отбивался от подарков и просто взяток, которые ему предлагали, чтобы повлиять на Короля.

Лишь два человека при дворе никогда не беспокоили Королевского Искателя подобными просьбами, они и стали его лучшими друзьями. Первой была Королева Даугер, мать Его Величества. Пока молодой Король еще не женился, она продолжала считаться Королевой, как и при жизни отца Его Величества. Это была очень добрая старая леди, небольшого росточка, с веселым блеском в глазах, любимая всеми в Королевстве.

Вторым человеком была прекрасная виконтесса Барбара, дочь Командира Шотландских лучников. Эта девочка пользовалась всеобщей любовью, которая росла год от году. Принцы и правители многих стран уже просили ее руки. В те времена женились рано, а сватовство и помолвка проходили зачастую за много лет до свадьбы. Юная виконтесса состояла при Королеве Даугер. Она еще не проявляла к замужеству никакого интереса. Казалось, у нее нет времени на молодых людей, которые крутились вокруг матери Короля в ожидании, пока прекрасная Барбара остановит взгляд на одном из них. Жиль часто думал, что она совсем не интересуется жизнью двора с его великолепием и церемониями. Ее больше влекли окрестности столицы и обыкновенные труженики, собаки и лошади, поля и сады.

Король тоже склонялся к такой жизни. А уж о Жиле с Люком и говорить нечего. Дела Королевства были, конечно, и делами Короля. Он был вынужден ими заниматься, и он занимался. Но он

был рад, когда ему удавалось освободиться от своих обязанностей и покинуть дворец, взяв с собой только виконтессу, Жилья и Люка. Вчетвером они прекрасно проводили время, забираясь на деревья, бегая с собаками, перемахивая на лошадях через овраги и ручьи, собирая чернику и закусывая бутербродами да крутыми яйцами. Эти прогулки породили при дворе разговоры, что Король ведет себя неподобающим образом, роняя свое высокое положение.

Жиль заметил, что, хотя Барбара и не думала о замужестве и никем не интересовалась, Король проявлял к ней повышенное внимание, если не сказать больше: что он влюблен в виконтессу.

Когда Жиль попал во дворец и был одет дворцовыми портными, а сбрую и седло для него изготовили королевские шорники, и в его распоряжение отвели целую анфиладу комнат, а ему самому стали воздавать почести, приличествующие рыцарскому званию, мальчик сначала смутился и даже испугался. А боялся он, что не сможет после всего, что с ним случилось, подтвердить высокое звание Королевского Искателя.

Но вскоре ему удалось показать себя в деле. Он действительно имел талант находить вещи, в то время как Король имел талант их терять. Большинство других офицеров в королевском дворце было подчинено строгим правилам и уставам, им приходилось часами участвовать в торжественных церемониях. Но с Жилем все обстояло иначе. Ему не было нужды убивать время на церемонии и приемы. Король не настаивал, чтобы он ради приемов отвлекался от своих занятий. Король отдал специальный приказ, по которому Королевский Искатель был снабжен ключами от всех комнат и ворот в замке, ему разрешалось в любое время входить в любое помещение. Это было на руку мальчику, особенно когда в поздний час ему хотелось отведать кусок пирога из замковых кладовых. Но это доставляло неудобство окружающим, например, когда он в час полуденного сна будил принцессу Софронию, чтобы узнать, не она ли взяла книгу, которую безуспешно разыскивает Король.

Конечно, королевская привычка терять вещи доставляла мальчику немало хлопот. Очень часто пропадало сразу несколько вещей, и Жиль не знал, с какой начинать поиск. В конце концов Жиль заметил: самые тяжелые задания случаются, когда Король покидает свои апартаменты. Если вещь терялась в Королевских покоях, за ней не нужно было идти далеко. Однако совсем другое дело, если Его Величество уезжал из замка. Так, однажды в сильную жару он оставил свой любимый камзол, висящим на ветке дерева, и вернуть его было нелегкой задачей.

Вскоре у Жилья вошло в привычку следить за тем, куда Король кладет свои вещи — бросает ли их в неподходящих местах, забывает ли в карманах, чтобы, когда Король хватится пропажи, их тут же достать и отдать хозяину. У него выработалась поразительная память на такого рода случаи, и не мудрено: мальчик постоянно

упражнял эту способность, и она становилась все разительнее. Иногда, когда внимание Жилия было занято чем-то другим, он ухитрялся краем глаза отметить, куда Его Величество неосторожно бросил письмо или сунул любимое перо с чернильницей, он мог вспомнить это через недели и даже месяцы. Жиль использовал и другие маленькие хитрости, помогавшие ему в поисках, но все их можно было отнести к наблюдательности, внимательности и тщательности. Часто он спрашивал Короля, где тот видел утерянную вещь в последний раз, а затем выводывал, что делал Его Величество после того, где он был. Это занимало часы и порой вызывало недовольство Короля, но в конце концов Жиль с точностью до дюйма знал, где находится утерянное.

Два случая стали широко известны в Королевстве и доказали всем проницательность Королевского Искателя. Однажды из спальни исчез королевский башмак. Король не беспокоился бы о нем, не будь на башмаке драгоценной золотой пряжки, из пары пряжек, принадлежавших его отцу. Все предполагали, что башмак присвоили слуги. Но Жиль думал иначе. Он считал, что в этом случае воры взяли бы оба башмака.

Он пошел к Хранителю Королевской псарни и поинтересовался, не появлялись ли в последнее время у собак щенки. Хранитель подтвердил, в своре грейхаундов одна из собак ощенилась несколько недель назад, только — вот беда — один их щенков пропал прошлой ночью. Жиль взял эту собаку на поводок и привел в спальню. Там собака стала беспокойной, видимо, почуяв след малыша. Идя по следу, она потащила Жилия за стены замка и остановилась у ямы, куда сваливали всякий мусор. Щенок, уставший от долгого путешествия, спал на ее дне. Рядом валялся изрядно пожеванный, но с целой пряжкой башмак.

Другой случай сделал Искателя еще более известным и вошел в легенды Королевства. В свите Короля нашлись завистники, которые не могли смириться, что какой-то мальчишка из провинции преуспел при дворе больше их. Они составили заговор с целью лишить его благорасположения Короля. До этого Жиль имел поразительный успех. Еще ни одна вещь, за поиски которой он брался, не была утрачена. Идея заговорщиков состояла в том, чтобы подорвать доверие Короля к мальчику. С этой целью однажды ночью они выкрали фамильные драгоценности Короля и спрятали в разных местах в саду. После этого они замели свои следы и стали ждать.

Как только стало известно о пропаже, весь дворец пришел в волнение. Несколько человек были заподозрены в воровстве и разгильдяйстве, и опять Королевский Искатель был призван для выполнения своей миссии. Расспросив стражников, которые должны были охранять корону, Жиль призадумался. Он сразу понял, это не могло быть делом рук обыкновенного вора, проникшего в замок. А если это сделал кто-то из живущих во дворце, то с какой целью?

Не для того ли, чтобы очернить Королевского Искателя? Кроме того, такую работу не мог сделать один. Жиль успокоил Короля, сказав, что драгоценности скоро найдутся.

Одной из обязанностей Жилья, как офицера при дворе, было хранение говорящей Раковины. Никто вокруг не знал о ее возможностях. Король заботился о том, чтобы хранить это в тайне. Мальчик всегда носил подарок Агнессы с собой, чтобы быть готовым передать Раковину Его Величеству по первому требованию. Когда Королевский Искатель не мог брать ее с собой, он оставлял ее в особом ящичке шкафа, ключи от которого были только у него и Короля.

Догадавшись, что несколько человек составили против него заговор, он теперь не расставался с Раковиной днем и ночью. Даже когда ложился спать, он клал ее под щеку, чтобы, разогревшись, она разбудила его. На третий день после пропажи он пробудился около часа ночи. Раковина раскалилась до крайности, что, как он знал, свидетельствовало о том, что о нем говорят сразу несколько человек. Он поднес Раковину к уху.

— Проклятое отродье! — чертыхался голос. — Нет уж, это поссорит его с Королем — или я турок! Королевский Искатель! Надо быть Дьявольским Искателем, чтобы найти, где я что закопал. Два фута в глубину под оградой Восточного павильона. А заровнял так, что даже крот не отличит. Давай еще выпьем разок из этой бутылки, выпьем за его падение и изгнание!

— Сэр Жиль Каретник! — передразнил другой. — Ну и имечко! А кто слышал, чтобы молокосос его возраста стал рыцарем? Сколько ему сейчас? Шестнадцать? А когда его посвятили в рыцари, дай Бог, чтобы тянуло на десять. Король, наверное, был не в себе, взяв безродного мальчишку в свои приближенные. Ну ничего, ничего, скоро мы увидим его конец. Ему целой жизни не хватит, чтобы найти мой тайник. А кольцо, то самое, для коронации, с персидским изумрудом, покоится себе на два ярда в грязи Черепашьего пруда. Хотел бы я посмотреть, как он станет вынюхивать все это своим цыплячьим носиком, чтоб его чума скрутила!

Затем к ним присоединился третий голос, а там четвертый и пятый. К голосам примешивались звон бокалов, ругань и смех.

Жиль слушал. Хотя ни одно имя не было названо, он узнал всех. Прежде чем Раковина остыла, Жиль точно знал, где каждый из хвастунов спрятал свою часть сокровища.

Смеркалось, когда Жиль с Люком проскользнули в замковый сад.

А когда Король сел завтракать, перед ним на столе лежали все похищенные камни.

Его Величество очень хотел, чтобы Жиль рассказал, как и где удалось найти сокровища. Но юноша упросил Короля разрешить ему не раскрывать эту тайну.

— Хорошо, Жиль, — согласился он, улыбаясь. — Я доволен твоей

б. Зак. 4324 Х. Лофтинг

службой. Мне даже кажется, что, когда ты у меня, я могу не беспокоиться, что потеряю корону или Королевство. Садись, откушай со мной этих яиц.

Так заговор и закончился к еще большей славе Жилия, а Лорду Хранителю Королевских сокровищ было приказано увеличить его годовое жалованье на сотню крон.

Заговорщики, если встречали его в коридорах и переходах дворца, прятали глаза и старались прошмыгнуть другим путем. В конце концов они выпросили у Короля разрешение отправиться в дальние края для поправки здоровья, и больше их при дворе никто не видел.

2. Дружба, которую нельзя предать

У Жилия, считай, не было врагов. Те пятеро, которые хотели его опозорить, были, наверное, единственными. А вот добрых друзей у него хватало. Положение и свобода, которыми он обладал вместе с должностью, позволяли юноше разговаривать с любым. В чем-то он уподоблялся здесь Королю, который также не должен был заботиться о своем достоинстве, общаясь с людьми низшими по положению. Среди них Жиль и Король имели много общих странных друзей.

Одним из них был Главный дворцовый повар. Это был фантастически толстый человек с веселым лицом, точно сделанным из коры старого дуба. Жиль и Король привыкли по нескольку раз на дню заглядывать к нему и не только, чтобы полакомиться тортом или другими сладостями, но и послушать его забавные истории. Этот человек возился на кухне еще задолго до рождения Короля, он же приготовил ему первую овсянку, когда тот был еще в пеленках. Повар отличался необыкновенной памятью, он хорошо помнил все веселые истории и давно позабыл печальные.

Другим их общим приятелем был Королевский садовник. А чем он занимался до того, никто не знал. Звали его Цыган Жоффри. Не подумайте, что он был настоящим цыганом, нет, он был настоящим садовником. Да каким! Попал он во дворец во времена Короля-отца, который очень любил розы, особенно белые вьющиеся. Королевские слуги исколесили тогда всю страну в поисках людей, знающих толк в этих цветах. Так они наткнулись на Жоффри и привезли его во дворец. Он показал себя настоящим кудесником, возясь с цветами, поэтому сразу стал при дворе заметным человеком, его королевский покровитель дал ему такие свободы и привилегии, о каких и не мечтали другие слуги.

Молодой Король часто вспоминал отца с теплотой и любовью. Он хотел, чтобы дворцовые розарии сохранялись в лучшем виде и в память о нем. Странного Жоффри, которого иногда называли

Розовым Доктором, часто видели одиноко и задумчиво бродящего по южному склону холма, на котором высился замок. Другие садовники не имели с ним никаких дел. От них Жоффри отличался и своей непоседливостью. Казалось, временами какой-то странный зов проникал в его сердце. Рано или поздно он приходил к Королю и говорил: «Ваше Величество, мне пора идти...»

Король был готов к этому. Он спокойно отпускал садовника, уверенный, что тот сам почувствует, когда ему необходимо вернуться к розам. Жоффри слишком хорошо читал для человека его профессии. Он знал наизусть стихи греческих и латинских поэтов, а его рассказы о жизни захватывали Короля и его Искателя бесстрашной доблестью людей, действовавших в незапамятные времена. Часами они гуляли по тропинкам сада, болтая обо всем, что только есть под небесами, от кротов и свадеб до музыки и осады Трои.

Жоффри был большим врагом всяческих войн. Он мечтал о том дне, когда они и все зло, с ними связанное, уйдут из мира навсегда. В те времена, когда убийства были главной, если не единственной заслугой героев, такие мысли выглядели просто дерзкими. Особенно, если они излагались особе, имевшей собственную мощную армию. Через много лет Жиль часто думал, насколько слова Цыгана повлияли на мысли и устремления Короля. Ведь когда люди обращали свой взор назад, на правление этого Короля, отличавшегося добросердечием и мягкостью издаваемых им законов, они называли это время Мирным Царствованием.

Может показаться удивительным, что Король редко пользовался Раковиной. Но, кроме того случая, когда она впервые попала ему в руки, она была практически бесполезна в дневное время. Столько голосов в Королевстве, а часто и за его пределами одновременно говорили о Короле, что в Раковине они сливались в неразборчивый шум и гам. Лишь ночью, когда большинство подданных Короля отходило ко сну, Жиль приносил Раковину в его покои. Только тогда, заботясь о нуждах государства, Его Величество мог слушать, что говорят о нем те, кто не уснул.

Часто ему не удавалось уловить ничего существенного, и тогда, сыграв с Жилем партию в шахматы, Король ложился спать. Но порой он слышал злые голоса, обсуждающие подробности очередного заговора. Ведь темное время суток самое удобное время для сбора людей, замысливших недоброе дело. Эти свидетельства вынуждали Короля принимать меры: арестовывать кого-то, строго наказывать или вовсе высылать из страны. Часто Король признавался Жилю, что ему хочется разбить Раковину на мелкие кусочки, чтобы она замолчала. Так противны были его душе черные помыслы. Но когда ему удавалось услышать что-нибудь дельное для управления страной, Его Величество менял свое мнение о волшебной вещи, пришедшей к нему из моря.

Порой он слышал о надвигающейся войне. Голоса других министров, королей и воевод, обсуждавших, стоит ли выдвигать против него войска. В этих случаях Раковина играла особую роль. Король начинал задумываться о причинах войн, вещах, которые ведут к страданиям и смерти тысяч людей, калечат их сознание. Ведь чего хорошего, когда люди вырастают, держа правую руку на рукояти меча и с его помощью пытаются решить все вопросы. Молодому Королю казалось, что он сам присутствует на таких советах, выдвигая свои доводы, чтобы сохранить своим подданным счастливую и мирную жизнь. Часто он отмечал справедливые высказывания своих противников. Иногда ему удавалось узнать о планах нападений на границы Королевства. Это было очень ценно: в этих случаях Король мог предотвратить войну, а не вести ее.

Однажды Жиль, пытаясь сохранить тайну Раковины, попал в щекотливое положение. Он сидел в одном из павильонов сада и, полагая, что его никто не побеспокоит, достал Раковину для собственного пользования. Так хотелось услышать голос сестры и родителей, которых он давно не видел. Неожиданно на порожке возникла принцесса Софрония. Она увидела, чем он занят, и, не дав ему опомниться, выхватила Раковину и прижала к своему уху. Правда, она не ожидала услышать ничего, кроме шума моря. Но так совпало, что в этот момент два человека в замке обсуждали ее. Служанка Софронии и слуга заграничного принца, гостившего у Короля. А говорили они, что принц собирается жениться на принцессе Софронии. Ожидая, что она отныне станет Королевой большой страны, многие придворные лживо льстили ей.

— Когда такая знатная, прекрасная леди, твоя хозяйка, выйдет замуж за моего господина, неплохо будет, если и мы поженимся и станем жить вместе в одной стране,— любезничал слуга.

От таких слов тетушка Короля закатила глаза и от удовольствия открыла рот. Для такой пустоголовой женщины любая лесть была елеем на душу. Ничего не сказав Жилю, она удалилась, прихватив Раковину. Но тетушка не учла особых полномочий, которыми пользовался Королевский Искатель. Этой же ночью Жиль дождался за ее дверью, когда принцесса захрапела, вошел и достал Раковину из-под подушки.

На следующий день возмущенная Софрония обвинила его в краже. Со всей возможной деликатностью Жиль объяснил негодующей, что Раковина является собственностью Короля и в обязанности Королевского Искателя входило вернуть ее на место.

Но Софрония была хотя и некрасивой, но решительной принцессой. Она приставала к Жилю часами, умоляя и настаивая, чтобы он дал Раковину. Жиль стал бояться, что она разболтает о Раковине всем в замке. Поэтому он поладил с ней на том, что, если Король не захочет слушать Раковину, он даст ее Софронии с условием, что

она будет хранить Раковину в секрете и целости, и оговоркой: если Король вдруг не разобьет ее прежде.

Последнее чуть не случилось, и раньше, чем ожидал Жиль.

Той же ночью Жиль, как обычно, отужинал с Королем в его покоях. Когда посуду унесли, Его Величество попросил Раковину. Исполнив это, Жиль отлучился потолковать с Люком. Вернувшись, он увидел Раковину на столе. Король же расхаживал взад и вперед по комнате, как разгневанный лев.

— Что с вами, Ваше Величество, случилось что? — встревожился Жиль.

— О, не называй меня «Ваше Величество»! — воскликнул Король. — Сейчас не до церемоний! «Величество»! Как бы я хотел никогда не слышать этого слова. Лгущие тебе в лицо и интригующие за твоей спиной! И кто?! Они хотят убить своего Короля как собаку. Они молятся о моей смерти. Молятся о смерти Его Величества... Монахи в аббатстве на своей ночной службе. Это то, что я услышал вначале. Но следом... Следом тоже молитвы. Ха-ха-ха! Молитвы за смерть Короля. Моя собственная кровь и плоть, мои родственники! Умоляют чтобы кто-нибудь всадил мне нож под ребро.

Он оттолкнул Раковину и схватился за волосы, как будто хотел их вырвать.

— Это уж слишком, Жиль, — простонал он. — Я не могу больше этого выносить. Не могу больше слушать. Пусть уж лучше они придут и зарежут меня, сейчас, здесь, в моей спальне, если им этого так хочется. Но я не буду больше слушать про заговоры и лежать ночами, ломая голову, как мне их опередить до того, как меня укокошат. Кому я могу доверять? Скажи, кому?!

Голос Короля вошел в силу. Его Величество почти кричал:

— Кому?! Тебе, моей матери, Барбаре и Люку. Кому еще? Никому.

Жиль сделал шаг вперед, чтобы обратиться к Его Величеству. Но Король, отрывисто бросая слова, продолжил:

— Вот в чем беда, — указал он на стол, — Раковина. Она украла у меня веру во все. Когда же в моей душе снова воцарится покой? Убей ее! Возьми секиру со стены за спиной. Разнеси ее. В ней заключено проклятье! Разнеси ее и сотри в порошок, я тебе велю!

Жиль колебался, пытаясь найти слова утешения. Но Король в порыве гнева схватил Раковину со стола и с силой швырнул в распахнутое окно. Задыхаясь, он свалился на кровать, постепенно успокаиваясь, словно ему наконец-то удалось избавиться от чего-то очень недоброго.

А внимательные уши Королевского Искателя между тем ловили звук разбившейся Раковины. Однако все было тихо. Он понимал, упади Раковина во внутренний двор замка, она разлетится вдребезги. Но если бешенство Короля забросило ее дальше, она шмякнется в сад, а там мягкие цветочные клумбы и торфяная присыпка могут спасти ее. Раковина будет падать несколько секунд. Пока Жиль

ждал в тиши, он вспомнил Агнессу. Лучше всего, если бы Раковина разбилась. Если же нет, значит, его работа еще не закончена.

Наконец он понял, что ждет отзвука слишком долго. Раковина наверняка уже на земле. И значит, упала она в сад, мягко, без треска.

Жиль подошел к сгорбившемуся человеку, сидящему на ложе.

— Ваше Вели...— начал он, но, оборвав себя, положил руки на плечи Короля.

— Дорогой друг,— прошептал он,— около тебя всегда друзья, на которых ты можешь положиться, и никто в наши дни не может похвастаться большей дружбой. Помни о них, а о других забудь. Ложись в постель и спокойно отдыхай, покуда есть дружба, которую нельзя предать. Пока ты отдыхаешь, мы отпустим слуг. А мы, Люк и я, будем около твоего порога.

3. Цыган Жоффри

Король больше не вспоминал о Раковине и не открывал, кого из членов семьи он услышал в ту ночь. Вероятно, он принял меры против заговора, раз тот не удался. Ему не была предназначена судьбой, как для многих его предшественников, насильственная смерть.

Утром Жиль проснулся рано. Он тихо подошел к окну, ожидая пробуждения Короля. Вспоминался ему первый приезд в этот замок годы назад, когда, пробудившись, он увидел из окна двор замка, сад на террасах и большой город вдали, темный и сумрачный в рассветной дымке.

Вскоре он заметил, что внизу кто-то движется среди цветов и кустарников. Это был Цыган Жоффри с заступом на плече. Вот Жоффри остановился в том месте, куда, по предположению Жили, могла упасть Раковина. Задержавшись на минуту, он что-то поднял с земли. Королевский Искатель свесился с подоконника, пытаясь разобрать, что там за штука. В этот момент Король зашевелился, повернувшись на другой бок и тяжело вздохнув. Жиль тотчас же отошел от окна и встал около Его Величества.

Этим же утром он спустился в сад. Солнце ярко светило, и теплый воздух был напоен ароматами цветов. Он поискал Цыгана и обнаружил его окапывающим розы.

— Ты ничего не находил здесь этим утром?

— Почему бы и нет,— сказал садовник, распрямляя спину.— Раковину. Хотел бы я знать, как она попала сюда?

Он вытер испачканные руки о фартук, подошел к камзолу, висевшему на ветке дерева, и достал из кармана Раковину.

— Она прекрасна,— заметил он, отдавая ее.

— Благодарю,— Жиль взял Раковину и повернулся, чтобы уйти. Он даже сделал несколько шагов вдоль террасы, когда спохватился. Ведь раньше при встрече с Жоффри он всегда находил, о чем с ним перекинуться хотя бы парой слов. А теперь холодность Жиль могла насторожить садовника, он мог заподозрить, что к нему попало нечто запретное, что не следовало брать в руки. Жиль не собирался говорить с Жоффри о Раковине и ее чудесных возможностях. Но он не хотел обидеть садовника и вернулся.

— Жоффри, ты веришь в магию? — спросил он, отрывая веточку лаванды с куста, провисшего над дорожкой.

— Да... но... ну... да,— замялся Жоффри.— Если, сэр, вы имеете в виду то, что мы не можем понять или объяснить. Но не забывайте, мы не можем делать кучу вещей, считая их волшебством, а для птиц и зверюшек все это проще простого. Множество вещей и явлений, нас окружающих, мы относим из-за собственных капризов, ограниченности и невежества к проявлениям дьявольского. Это сверхъестественно, говорим мы, устав от попыток объяснить какое-то явление. Совсем как дети! А скажите мне, что может быть волшебнее, чем появление цветка из семечка?

Глядя на застывшего в изумлении Жилья, садовник, помолчав немного, спросил:

— Вы думали о Раковине, сэр? Ведь так?

Жиль терялся в догадках: что же успел узнать этот человек?

— Да, это так,— подтвердил он не сразу.

— Я видел и более чудные вещи в дальних краях. Удивительные и странные, человеку трудно поверить собственным глазам, даже если эти штуки торчат перед его носом.

На лице Королевского Искателя отразилось изумление. Сделав шаг вперед, он спросил осевшим от волнения голосом:

— То есть вы, Жоффри, знаете о Раковине? А вы можете мне...

— Сказать, как она разговаривает? — продолжил садовник, видя замешательство собеседника.— Как она разогревается, когда другие говорят про вас? Да, сэр. Я слушал ее несколько минут до того, как вы подошли.

Он вернулся к своей работе над розовым кустом. Жиль стоял в раздумье.

— А вам не хотелось бы оставить ее у себя? — спросил он, глядя на камзол на ветке дерева.

— Нет, разумеется. Для чего? Слушать, что болтают обо мне люди? Люди всегда говорят. Если хотят, пусть. Но слушать их? — улыбка появилась на его сухом и вытянутом лице.— Я провел много времени, сэр, лежа на лугах и глядя на проплывающие облака. Но у меня никогда не было времени слушать, что болтают обо мне. Если бы я слышал рассказы о других людях, о чем-то интересном, тогда, может быть, тут другое дело...

— Ну, а продать ее ради денег?

— Деньги, сэр? — садовник покачал головой. — Да нет, мне достает королевского жалованья.

Он снял с ремня садовый нож и отхватил с куста кривой побег.

— Ну хорошо, а что же вы собирались тогда с ней сделать? Вы ведь положили ее в карман, — напомнил Жиль.

— Я думал вырастить в ней папоротник. С цветами и, может быть, миртовым деревом она смотрелась бы неплохо. Я думал заняться этим, когда закончу с розами, но, если вы хотите, сэр, тогда конечно...

Жоффри смотрел на молодого рыцаря, который уходил от него по дорожке вдоль террасы. Затем вложил садовый нож обратно в чехол и принялся орудовать лопатой.

— Черт бы побрал этих кротов, — бормотал он, склонившись над свежеперекопанной землей и не замечая, что Королевский Искатель остановился на отдаленном холме и смотрит на него.

После разговора с Жоффри Жиль был настроен на философский лад. Этим холодным и солнечным утром он ощущал в своем сердце смутную тревогу. Он не понимал, почему так резко прервал беседу с садовником и поспешил от него. Затем догадался, чего он испугался: испугался, что Жоффри в свою очередь спросит, а что собирается сделать с Раковиной он, Жиль?

А действительно — что? Отдать Софронии? После того, что сделал с Раковиной Король, Жиль считал себя вправе выполнить обещание, которое дал принцессе, пусть наслаждается сплетнями о себе. Но вот что плохо: чтобы отдать Раковину принцессе, пришлось отобрать ее у садовника. Эти лицемерные придворные, думал он, начнут злословить, что он отобрал Раковину у низшего по положению, чтобы отдать высшему. Но сейчас, когда он смотрел издали на мирного садовника, копающегося в земле с розами, ему стало казаться, что этот человек стал расти, увеличиваться, и вот он уже выше замка со всеми его башнями. Поэтому, когда, засунув Раковину в карман, Жиль повернулся, чтобы уйти, он был уверен, что берет ее у великого человека, чтобы отдать незначительному.

Настроение Жили подняла и приятным образом изменила ход его мыслей виконтесса Барбара, встреченная им около каменных ступенек, ведущих во двор замка. Она была примерно одного с ним возраста, пониже, но для девушки высокая, обаятельная и стройная. Когда она улыбнулась, приветствуя юношу, он сразу вспомнил только что оставленные им в саду белые розы. Прихватив двух черных резвых спаниелей, она шла к Нижнему озеру нарвать Королеве-Матери водяных лилий. Жиль упросил ее подождать немного, пока он выполнит поручение. Она обещала, если только он не задержится.

Жиль бросился в замок и вверх по ступенькам, перепрыгивая через две-три, чтобы быстрее попасть в покои принцессы Софронии.

Софрония, получив Раковину, даже взвизгнула от нетерпения. Она попыталась послушать, не говорят ли этим часом про нее, и,

вертя Раковину так и эдак, умудрилась несколько раз уронить ее. К счастью, Раковина стала разогреваться, и принцесса прижала ее к уху. Она услышала голос иностранного принца, того самого, который напевал Королеве-Матери, что никакие звезды на небе не могут сравниться с глазами несравненной Софронии. (Сам принц в это время думал о деньгах, какие он получит в качестве приданого от Короля, когда он женится на этой кикиморе. Разумеется, он не сказал этого, и радость принцессы ничем не омрачилась.) И когда Жиль прыгал по ступенькам к ожидавшей его виконтессе Барбаре, Софрония в приподнятом настроении сидела у окна, прижимая к уху остывшую Раковину и с улыбкой ожидая, не разогреется ли она снова.

4. На Нижнем озере

Нижнее озеро было одним из прелестнейших мест, окружавших замок. Оно было дорого и сердцу старого Короля-Отца. Большой любитель садов, он вместе с известным архитектором сам выбирал, где быть озеру. Замышлялось оно таким образом, чтобы водоплавающие птицы и олени из заповедного леса, приходившие сюда, украшали это место уединенного отдыха. На водной глади, окаймленной тростником, среди головок водяных лилий часто отражались силуэты спокойно плывущих уток, а то и ветвистые рога оленей, мирно потягивающих воду. А когда непогода вынуждала морских птиц и гусей искать себе убежище, они находили его на спокойной поверхности озера, как того и хотел Король-Отец.

Когда Барбара и Жиль ступили на поросшие осокой берега, ни одна морщинка не нарушала зеркальную гладь, в которой отражались лишь застывшие в небе облака. Правда, это спокойствие было тотчас же нарушено спаниелями Мэгги и Молли, унюхавшими среди молодого ивняка выдру. В следующий миг собаки уже метались в воде в неистовой, но тщетной попытке настичь зверюшку.

Лилии можно было собрать прямо с берега с помощью крючковатого прута орешника. За каких-нибудь пятнадцать минут Жиль нарвал столько цветов для Королевы, что Барбара едва могла удержать их в руках. Но уходить им не хотелось. И они стали бросать в воду палки, чтобы собаки их приносили. Это занятие переросло в игру. Жиль и Барбара затеяли соревнование: чья собака — Молли, с которой возился Жиль, или Мэгги, которой бросала палку Барбара, — окажется лучшим пловцом.

И пошла потеха! А уж визгу и брызг было в избытке. В конце концов стало ясно, в чемпионы выходит Мэгги. И Барбара предложила возвращаться.

А Жилю так не хотелось заканчивать игру. По дороге сюда

виконтесса казалась ему слегка задумчивой и грустной. Но игра с собаками развеселила ее: на щеках зардел здоровый румянец, а в бездонных голубых глазах заиграли веселые искорки. Она стояла на берегу с отборными лилиями в руках. Их мокрые стебли блестели в ее длинных красивых пальцах. За нею вздымался великолепный склон замкового холма с дубовой рощей и башнями Королевского дворца. И снова, как в первый раз, Жиль смотрел на нее и думал, что природа еще не создавала существа более чудесного.

Когда Барбара напомнила, что пора идти, Жиль помышлял об одном: как, ну, как удержать ее у озера? Он не мог себе представить, что может быть лучше на свете, чем стоять вот так около девушки на солнечном берегу красивейшего озера. Молодые люди знали друг друга уже много лет, но их беседы всегда ограничивались разговорами о лошадях и собаках, иногда о природе, но они не касались самого сокровенного в душе.

Новые мысли роились сейчас в голове Жили. Он спрашивал себя, счастлива ли эта девушка? Ему хотелось этого, очень. Он хотел сделать ее счастливейшей в мире. Это простое и отеческое чувство, говорил он себе. Что из того, что они одного возраста? Мужчина всегда должен защищать женщин. Но почему ему так хочется задержать Барбару здесь? Поговорить с ней? Да, конечно. Ему хотелось поговорить с ней о жизни и о важных вещах, о том, о чем они раньше не толковали. У нее есть отец, Командир Шотландских лучников. Но кто знает, может, кроме отца, девушке нужен еще какой-нибудь человек, с кем хочется поделиться сокровенными мыслями.

Барбара уже в третий раз собиралась напомнить, что пора идти, как вдруг залаяли собаки. Королевский Искатель с трудом оторвал взгляд от прекрасной виконтессы и посмотрел вдоль озера. Там маячила фигура человека, из-за которого собаки и подняли шум. Приглядевшись, он узнал в нем собственного оруженосца, Люка, который знаками манил его к себе. Попросив Барбару немного подождать его, озадаченный Жиль устремился по берегу к приятелю.

Когда они сблизились, его поразило странное выражение лица Люка. Обычно, когда молодые люди находились на глазах придворных, они были хозяином и слугой, рыцарем и оруженосцем. Эти же роли им приходилось играть, участвуя в дворцовых церемониях. Но на самом деле это была пара неразлучных друзей. Они доверяли друг другу мысли и секреты, а когда оставались вдвоем, вдалеке от напыщенного двора, они были равны, их ничто не разделяло.

Поэтому, когда Жиль оказался рядом с Люком, он уже понимал, что-то случилось. И видимо, тот принес плохие вести, только не знает, как их выложить.

— Я, я прошу прощения,— начал он, запинаясь,— не следовало звать тебя, когда ты... занят, извини, но я услышал такое, что сразу подумал: надо поспешить к тебе. Мне показалось, будет лучше, если

ты узнаешь это от меня, чем от кого другого. Видишь ли...— тут он умолк и уставился в пучок тростника, торчавшего перед ним.

— Продолжай,— подтолкнул Жиль.— В чем же дело?

— Может, я ошибаюсь,— снова оговорился Люк,— может, мне и не следовало спешить сюда. Но, так или иначе, я подумал, что... Короче, сегодня вечером объявят о помолвке Короля. Через месяц он женится. И на ком ты думаешь? На виконтессе Барбаре.

Неожиданная и острая боль пронзила сердце молодого рыцаря. Нет, нет, он не ослышался. Люк после всех колебаний выразился четко и ясно, и нет нужды переспрашивать его. Король собирается жениться на Барбаре!

Жиль посмотрел через озеро. Стройная фигура милой девушки виднелась на противоположном берегу. С лилиями в руке она ожидала его возвращения. Но у него нет сил вернуться. Нужно время, чтобы он снова мог с ней разговаривать — о лошадях, о собаках и прочих пустяках. Белый силуэт у среза воды начал расплываться, как будто с озера поднялся легкий туман и затянул дальний берег.

Королевский Искатель понял окончательно: он любит Барбару. Любит! На мгновение в голову ему пришла дикая мысль: подбежать к девушке, объяснить ей все и затем бежать с ней в горы, куда угодно, только бы увезти ее от Короля. Но захочет ли этого сама Барбара, без пяти минут новая Королева? Почему она должна захотеть бежать с ним? Она наверняка все знала заранее и хотела этого союза. Наверняка свадьба была предварительно обсуждена. И потом — что же Король? Самый добрый из всех королей на свете, друг, которому он обязан всем. И как же тогда «дружба, которую нельзя предать»?

Через минуту Жиль остыл. Люк, не спускавший с него глаз, увидел, что напряженное лицо молодого рыцаря расслабилось, к нему потихоньку возвращалось самообладание. Не говоря ни слова, оруженосец подошел к нему и сжал плечо.

Тихим, едва различимым голосом, его хозяин сказал:

— Не мог бы ты пойти к ней, Люк? Извинись за меня. Я вернусь в замок этим берегом. Помоги ей отнести лилии Королеве. Если Король спросит обо мне, ответь, я на конюшне. Мне надо взглянуть на Полночь, мою вороную преданную подругу.

5. Дворец в суматохе

Четыре недели пролетели как один день. Все Королевство было охвачено радостным возбуждением. Каждый город и каждое поселение готовились к торжествам. Не дожидаясь Королевских приказов, жители решили устроить грандиозный праздник по поводу его

свадьбы. Уже поговаривали, что подобного праздника не было с тех времен, когда нынешний Король был коронован. Но тогда он был совсем юн. А страна, окруженная враждебными соседями, не может быть в безопасности, если на троне сидит юнец. В ту пору никто не мог предположить, каким правителем окажется этот подросток. Но после того, как минуло девять лет правления, которое называли правлением Мира, все поняли, каков их новый Король, показавший себя сильным и великим человеком.

На этот раз о нем возбужденно заговорили в связи с женитьбой. По всему Королевству нельзя было сыскать человека, даже из самых бедных и несчастных, который бы не радовался предстоящему событию как своей собственной свадьбе или свадьбе близкого человека.

Еще большую радость испытали люди, когда узнали, что Король женится на даме своего сердца по любви, а не на знатной и богатой принцессе в расчете укрепить свои владения. Барбара была только виконтессой, придворной леди, и ее мало кто знал, но слухи о ее редкостной красоте и великодушии достигали многих ушей. Такой союз радовал сердца людей больше, чем брак с богатой соседней принцессой, за которым частенько следуют войны и другие беды. Украшая свои поселения, люди приговаривали: Король правильно делает, что женится на девушке, которую любит, они сами, их отцы и деды всегда так поступали.

В самом замке возбуждение достигло предела. Дворец гудел как пчелиный улей в августовский полдень.

Все, даже сама Королева-Мать, были заняты по горло. Следовало давать указания и приглядывать за несчетными слугами, сновавшими по дворцу. Этим занимались придворные офицеры Королевской стражи и члены королевской семьи. А Королева-Мать посвятила себя созданию нового гардероба Барбары. Платья, платья, множество платьев! В ее покоях стало многолюдно от портных и ювелиров. Старая маленькая леди решила, что жена его сына должна быть одета лучше всех королей, когда-либо поднимавшихся на трон.

Никогда еще старый замок не видел столько гостей: герцогов, епископов, принцев и даже королей из дальних стран. Целая армия плотников и других строителей возводила для них покои. А учитывая, что приглашенных следовало разместить в соответствии с их положением и званиями, надо было еще позаботиться о мебели, шелковых простынях и многих вещах, о которых даже трудно вспомнить.

Главный королевский повар заметно похудел, дни и ночи пропадая на кухне и отправляя оттуда бесчисленные подносы с отменными блюдами. Он тоже решил, что Королевская кухня не должна ударить в грязь лицом, и старался на этом грандиозном празднике приумножить ее славу.

Не были забыты игры и развлечения. Главный конюший с

помощью Люка, который достиг больших успехов в скачках и езде верхом, устроил турниры, где заезжие рыцари могли испытать свои силы в поединках с вельможами Короля.

Новое задание получил и Жоффри, выращивавший розы для свадебного букета. Ему следовало искать лицедеев, акробатов, жонглеров и менестрелей, чтобы они развлекали гостей. Цыган очень часто общался с бродячими труппами и быстро собрал их при дворе. Они устраивали веселые представления и игры на зеленой поляне у Нижнего озера, теперь расцвеченной их пестрыми шатрами.

Энни была теперь взрослой девушкой и состояла Второй леди в свите Королевы-Матери. Она появилась при дворе шесть недель назад. Жиль был несказанно рад увидеть ее и получить весточку от родителей, узнать новости из родного города. Он не преминул справиться об Агнессе, но тут сестра не могла сказать ничего, никто не видел Яблочницу с тех самых пор, как Жиль покинул город, и даже слуху о ней не было. Иногда Жиль и сам пытался услышать голос Агнессы в Раковине, но безуспешно. Все это время у него было жгучее желание поговорить с ней. И сейчас он с тревогой спрашивал себя, уж не умерла ли она?

Энни скоро привыкла к жизни при дворе. Но она никак не могла серьезно воспринимать ту важную должность, которую ее брат занимал здесь. Сначала она подшучивала над ним, пряча вещи, которые ему приходилось отыскивать. Но она только поддразнивала его, как любящая сестра. Она прекрасно помнила с детства, что Жиль всегда отличался необыкновенными способностями к отысканию пропавших вещей. А в последние недели у Жилия было предостаточно возможностей подтвердить славу, которая гремела о нем.

Никогда до того Жиль не был так занят. Весь дворец был набит новыми вещами и людьми, новые слуги и гости не могли найти дороги. А тут еще огромные повозки свадебных подарков, из которых то упало, то пропало. Несчастный Королевский Искатель не знал, за что браться сначала. Приходилось отыскивать и вещи, и людей. Только он займется поисками багажа какого-нибудь незадачливого гостя, а уже надо бежать искать принца или епископа, заблудившихся в замке. Такова была великая суматоха во дворце.

Жиль не огорчался от свалившихся на него занятий. Наоборот, он был доволен, ведь они давали ему возможность забыть хоть на время о собственных бедах. С того самого дня на Нижнем озере он старался не встречаться с виконтессой Барбарой. Он не смог бы говорить с ней ни о чем другом, как о своей любви, а это значило перейти дорогу Королю, своему другу.

В эти суматошные дни он видел Барбару редко и издалека. Ему показалось, виконтесса по-прежнему спокойна, замужество интересует ее не больше, чем в те дни, когда она была совсем юной и интересовалась лишь собаками да лошадьми.

Но даже Люку он не заикался о том сильном чувстве, которое не уходило из его сердца, хотя о других вещах приятели говорили, ничего не скрывая друг от друга. Правда, и верный оруженосец не упоминал Барбару с тех пор, как принес Жилю новость о ее помолвке. Похоже, он чувствовал, что творится на душе у Жили, и не хотел причинить ему боль. Да и какие могли быть слова, когда все уже было сказано у Нижнего озера.

Его тянуло к Барбаре, а общаться приходилось с принцессой Софронией. За прошедшие девять лет та не похорошела и не помолодела. Принц, собиравшийся жениться на ней, раздумал и уехал искать себе кого-нибудь посимпатичней. И лицемерные придворные больше не льстили ей. Принцесса стала туговата на ухо, а потом и вовсе оглохла.

После того, как была объявлена помолвка Короля, Софрония сама назначила себя Церемониймейстером и стала совать свой нос везде, бестолково приказывая переделать то и это. Так она хотела поддержать свое положение при дворе, а стала для всех сущим наказанием. Но раз она доводилась Королю тетушкой, ее нельзя было отогнать. Но зато о чем только не шептались за ее спиной!

Ее самой большой радостью оставалась говорящая Раковина. Софрония держала слово, данное Жилю, и никогда не пользовалась ею на людях. Но в своей спальне Софрония часами ждала, пока Раковина разогреется. Нередко Ракушка действительно становилась горячей. Иногда кто-нибудь в сердцах кричал: «Черт бы побрал эту безобразную суматошную перечницу!» И тут на лице принцессы появлялось выражение радости. Довольная, она шептала: «А, ну вот опять они говорят обо мне, наверное о моей красоте. Терпение, великолепная Софрония, терпение! К нам еще приедет принц».

6. Канун свадьбы

Было около полуночи. Завершались хлопоты по устройству праздника. Не доверяя суматошной принцессе Софронии, Лорд-секретарь обходил начальников всех служб дворца, чтобы самому убедиться, что все сделано и ничего не упущено. Они ждали этого обхода, чтобы затем идти на боковую. Завтра предстоял великий день, длинный, как все такие дни, и нужно было хорошенько выспаться, прежде чем он начнется.

Разделался со своими делами и Жиль. Наконец, можно отдохнуть. Кажется, все предусмотрено. Только попробуй уснуть после дерганий и беготни последних дней. Жили мучила бессонница. Он даже не прилег, а распахнул окно и устроился перед ним в кресле. Холодный воздух немножко успокаивал. Но голова Королевского Искателя продолжала работать.

— Ну, что ж,— думал он,— завтра Барбара станет Королевой. Да нет, уже сегодня, полночь — вот она. Сегодня ему придется часто видеть Барбару, хочет он того или нет. После коронации она займет место на троне около Короля и останется там. Сможет ли он подойти к Ее Величеству и поговорить с ней, как другие рыцари? А Король? Сохранится ли их прежняя дружба? Теперь у него жена, требующая внимания, с ней он и будет отныне делиться своими планами. Нет, после свадьбы их отношения уже не будут прежними. Так не лучше ли, если он, Жиль, на некоторое время уедет? Он чувствовал, что не в силах встречаться с Королем и будущей Королевой. Если он останется при дворе, то не сможет избежать общения с ними. Раньше Жиль мог избегать виконтессы, но теперь она и Король будут вместе, а Жиль состоит на службе у Короля!

Да, именно так. Жиль встал и шагнул, как будто ему в голову пришла спасительная идея. Да, именно идея. Безусловно, сейчас самое подходящее время испросить разрешения Короля. Девять лет Жиль служил при дворе без перерыва. Если попросить отпуск, Король не сможет ему отказать. И тогда — здравствуй, родной город, родной дом. Вот уж обрадуются родители, не выдавшие его с того визита Короля.

Ну, а Люк? Следует ли брать его с собой?

Жиль прислушался: спит ли его оруженосец? Из комнаты вели три двери: одна на ступеньки башни, другая — в спальню Люка и третья — в королевские покои. Из-за последней виднелись отсветы горящей свечи. Он знал, Его Величество еще не вернулся из часовни, куда ходил вместе с Королевой-Матерью. За неплотно закрытой дверью спали слуги Короля, ожидая его возвращения. Во всем замке не было слышно ни звука.

Но только Жиль собрался подойти на цыпочках к двери Люка, как на башенной лестнице раздались шаги. Кто-то спешил, поднимаясь по ступенькам, но мягко, без стука. Затем Жиль увидел, как щеколду, запиравшую дверь, аккуратно подняли чем-то снаружи. Дверь бесшумно открылась, и на пороге появились два стражника с фонарями.

Когда солдаты вступили в комнату, стало видно, что за ними следуют Король собственной персоной, его мать и сопровождающая ее Энни.

На лицо Короля было страшно смотреть. Он шепотом коротко приказал вооруженным людям оставить фонари и выйти, закрыв за собой дверь. А Энни он попросил затворить дверь в собственные покои. Королева-Мать, всхлипнув, опустилась в кресло.

Происходящее страшно удивило и озадачило Жюля. Он остался на том же месте, где его застали вошедшие, деликатно ожидая, что Король заговорит первым. Некоторое время Его Величество пытался совладать со своим лицом, искаженным гримасами, как будто его обладатель задыхался и одновременно пытался что-то сказать.

— Жиль,— наконец выдавил он,— я пришел просить об одной вещи, о которой я никогда никого не просил и не попрошу. Это самое важной и тайное задание, какое когда-либо было у тебя. Виконтесса Барбара исчезла, пропала! Ты должен найти ее, должен, должен!

Он сделал шаг вперед и поднял сжатые в кулаки руки. Королева тревожно посмотрела на дверь, когда Король повысил голос.

— Она ушла, Жиль! — голос Короля перешел в нервный шепот.— Ты должен найти ее для меня. Найти и вернуть!

7. Великие поиски

Вот так сэр Жиль Каретник, Королевский Искатель, отправился однажды на поиски королевской невесты. Его единственным спутником была лошадь. Знаменитая вороная кобыла Полночь поставила, но оставалась все такой же умницей и никогда не спотыкалась. Словом, Жиль не мог бы найти никого лучше себе в попутчики.

Задание, которое дал ему Король, было не только самым важным из всех, что он выполнял раньше, но и самым трудным. У Жили не было никакой путеводной нити, которая могла бы указать ему дорогу. Все, что он знал: виконтесса Барбара исчезла, не оставив следов. Перед тем, как покинуть дворец, он подробно расспросил Королеву-Мать и собственную сестру, которые видели виконтессу во дворце последними. Энни спала в соседней с пропавшей невестой комнате и, прежде чем отправиться спать, пожелала ей доброй ночи, когда они вместе вернулись около десяти часов. Затем она сообщила брату, что примерно через полчаса поднялся страшный ветер, и, возможно, его рев и удары в окно испугали виконтессу и вынудили ее уйти в другие комнаты. Словом, когда туда вошла Энни, в покоях никого не было, кровать пустовала, и никаких следов Барбары не осталось.

Когда об этом стало известно Королеве-Матери, они вместе с Королем внимательно осмотрели все, пытаясь найти хоть что-нибудь, что могло бы раскрыть это таинственное исчезновение. Все делалось втайне: Король хотел, чтобы гости, приглашенные на свадьбу, ничего не подозревали до тех пор, пока эту новость уже нельзя будет скрыть. Отец Барбары, Командир Шотландских лучников, тоже был опрошен Королем, но несчастный человек, почти потерявший рассудок от случившегося, был, как и Его Величество, в полном недоумении.

Только эти пять человек во дворце знали о происшествии, и все они опасались, что с девушкой приключилось какое-то несчастье. Высказывались самые разные догадки, но ни одна из них не пролила свет на случившееся. Король предполагал, что его невеста похищена.

Возможно каким-нибудь ложным посланием ее выманили за стены замка, где схватили и увезли, не оставив следов.

Никого из своих Король не мог заподозрить в таком деянии. Но среди гостей были иностранные принцы и короли, которые в прежние времена воевали с Королем-Отцом. Возможно кто-нибудь из них и организовал похищение с помощью своих друзей и прислуги, оставаясь сам в тени. Как бы там ни было, если чья-то злоба и зависть были направлены против Короля, то более удачный ход, чем похитить его невесту накануне свадьбы и тем навлечь на него позор, трудно было придумать.

Это было единственное объяснение, которое приходило в голову несчастного Короля и занимало все его мысли. Жиль не обмолвился, согласен ли он с ним или нет. Если все так и обстояло, то тем важнее было сохранить тайну. Единственное, что Жиль сказал Королю: никаких следов и признаков борьбы или насилия он не обнаружил. Все выглядело так, будто исчезла Барбара в спокойной обстановке.

— Отсутствие новостей — иногда самая хорошая новость, — постарался успокоить он Короля.

Затем Жиль внимательно осмотрел все вокруг и убедился, что нигде в замке она не спрятана, искать надо на стороне. Тогда он пришел к Королю и его матери попрощаться.

Его уверенность в удаче поиска была столь велика, что он обещал вернуться или прислать весточку о пропавшей девушке не позднее, чем через два-три дня. Только он просил, чтобы о пропаже Барбары никто из них не проговорился даже ненароком. Энни должна была следить за комнатой виконтессы так, чтобы никто не догадался, что ее нет в замке. Жиль также попросил, чтобы в происшедшее посвятили Люка, и он помог сестре в ее задаче. А что до гостей, то нет необходимости отсылать их домой, достаточно объявить им, что свадьба откладывается из-за важной персоны, чей приезд ожидается со дня на день. С тем Жиль, получив добрые напутствия Короля и благословение Королевы-Матери, тронулся в путь.

Королевский Искатель демонстрировал свою уверенность, пока был с этими людьми, но оставшись в одиночестве, он в смятении осознал: ему не за что уцепиться. Чем больше он думал о своей задаче, тем труднее она ему казалась. Во всех сложных случаях Жиль сначала вырабатывал план действий. Так он поступил и здесь.

Лучшее, что Королевский Искатель мог придумать, это ездить кругами вокруг замка, постоянно их расширяя. Прошло около двенадцати часов, как исчезла Барбара. Она сейчас никак не могла быть дальше, чем за это время могла увезти ее самая быстрая лошадь. Таким образом оставалась надежда, что, курсируя по дорогам и тропинкам, ведущим от замка, Жиль рано или поздно

что-нибудь услышит или получит другой добрый знак, который укажет, что виконтесса проезжала по этому месту.

Однако, удрученно раздумывая о малой вероятности успеха поисков, Жиль почувствовал странное облегчение и пришпорил Полночь. Жиль в самом деле радовался, что Барбара не стала этим утром Королевой, что она еще не замужем. Вспомнив, однако, печаль Короля, он устыдился своих мыслей. Он сказал себе: надо забыть о чувствах и подчинить сердце одному: поскорее выполнить поручение Короля.

Жиль решил не останавливаться для отдыха, пока не окажется в намеченной точке, милях в двадцати от столицы. Оттуда он и начнет поиски по кругу. Вряд ли люди, живущие на таком удалении от замка, узнают его. А если кто и узнает и станет известно, что сэр Жиль Каретник пустился в путешествие, никто не догадается, что толкнуло его на это.

Начинало светать, когда он достиг деревеньки. Тут Жиль решил остановиться. Деревенька лежала на перекрестке нескольких дорог, одна из которых была очень важна в Королевстве. Пожалуй, отсюда и следовало начинать. Опрашивая местных жителей, Жиль не собирался называть имя Барбары или описывать ее внешность. Будет того, что он посплетничает с крестьянами о всяких прохожих и бродягах, надеясь услышать хоть слово, которое даст возможность встать на верный путь.

Помня, что девушка очень тепло относилась к скитальцам и нищим и помогала им во время своих выездов с Королем и Люком, Жиль внимательно оглядывался по сторонам, пытаясь выследить бродягу пословоохотливей. А ее любовь к лошадям и собакам приводила юношу во все стойла, конюшни, попадавшиеся по дороге. Под предлогом поисков свежей лошади он разговаривал с конюхами, пытаясь выудить что-то о Барбаре. Он заворачивал к каждой кузнице посмотреть, не осталось ли там подковы ее лошади. В некоторых местах он избегал расспросов, а только слушал болтовню и сплетни поселян, стоя в сторонке. В те времена большинство новостей во всем мире передавалось именно таким способом. Тогда, как и сейчас, появление рыцаря делало людей неразговорчивыми. Зная это, Жиль притворялся, что засыпает в тавернах среди людей. Он надеялся, что так сможет получить какой-либо указующий знак.

Однако пребывание в этой деревне ему ничего не дало, и на следующее утро он отправился на запад.

Жиль хорошо знал страну, каждый дюйм ее земли. Ах, если бы не спешка! Он планировал на второй день посетить пять поселений, расположенных неподалеку друг от друга, на берегу одной из наиболее важных рек Королевства, текущих с гор в море. Там он завершил бы половину пути вокруг столицы. Он думал, что почти наверняка найдет на этом пути ключ к разгадке исчезновения девушки. Вперед, Полночь, пока в сердце живет надежда!

Надежда? Лошадь Жиль остановилась без команды. Он опять почувствовал радость, не испытанную им прежде. Черт побери, все же хорошо, что Барбара еще не замужем и не коронована! Это чувство завладело им, как маленький искушающий бесенок.

С ближнего подворья раздался крик петуха.

Полночь нетерпеливо тряхнула поводьями и ступила на покрытую гравием дорожку.

Сэр Жиль Каретник поехал на петушиный зов.

8. Чудесная страна

Море мерцало в розовом закате. Был вечер второго дня поисков. Далеко в открытом море маячили паруса крохотных кораблей, медленно ползущих по линии горизонта. Ближе к берегу с рыбацких лодок ставили сети. Вокруг них с пронзительным криком парили чайки. Одинокий человек взирал на это с высоты утеса. По одежде его можно было принять за пилигрима. Плащ из грубой ткани, на ногах сандалии, а в руке посох, похоже вырезанный из какой-то изгороди,— чем не странник, путешествующий на своих двоих по придорожным часовням и святым местам! Никто из друзей, если бы не заглянул внимательно под широкополую шляпу, не узнал бы в нем Жилья.

В его глазах поселились тревога и усталость. Пройдя пять деревень, он не нашел ничего, что давало бы ему надежду. Ни одного намека, в какую сторону податься, где продолжать поиск. Решив, что разумнее стать ближе к людям, которых ты расспрашиваешь, Жиль сменил свой наряд на одежду бедного скитальца. В таком виде он и пришел к морю. И сейчас он спрашивал себя: не может ли Барбара быть там, за широким морем, в чужой стране? Маленький рыболовный порт, лежавший перед ним, был ближайшей к столице гаванью. Он расспрашивал моряков, встреченных на песчаном берегу. Но они лишь пожимали плечами. Хотя девушку могли провезти незаметно ночью на любой из посудин, снующих вверх и вниз по реке. Жиль прикидывал, какие у него шансы догнать ее, если это действительно так.

Ах, зачем он поспешил со своими скоропалительными обещаниями! «В два или три дня!» — заверил он Короля. Какое глупое самомнение! Два уже минули, а ничего он не нашел, кроме усталости в теле и неразрешимых вопросов в голове.

С места, где он стоял, можно было охватить взглядом весь мир: серое море впереди, темнеющую землю позади, фиолетовое небо с плывущими над головой клочьями розоватых облаков, одинокую искорку звезды, вспыхнувшую там, где опустилось солнце... Барбара! Где-то она сейчас? О чем думает? Почему решила уйти?

Может, какой-нибудь волшебник, исполняющий желания, услышит его безмолвный крик, явится на помощь и перенесет ее прямо сюда, на вершину утеса?

Ночь простирала свои руки над морем. И никакого тебе волшебника. Только все на земле собиралось ко сну, как собиралось миллионы лет — скучно, знакомо, поспешно. Неужели чудеса не случаются больше с тех пор, как эльфы и феи покинули свои обиталища, вытесненные человеком? Если волшебство и существует, то, как утверждает Жоффри, — это солнце, садящееся в море на закате и встающее поутру на востоке. Пожалуй, он прав. Разве не великолепны эти цвета, фиолетовый, розовый, серебристо-серый, подвижные и готовые вот-вот смешаться в небесах?! Зачарованный мир, в котором действуют эльфы и гоблины, джины и русалки. Еще минута и он погрузится в темноту, оборвется как счастливый сон.

Неужели это и есть закат волшебства? Пожалуй. Но ведь это всего до рассвета. Нет-нет, волшебство не умрет, пока светит солнце и в людях живет дух искательства!

Жиль затаил потуже горловину плаща. Если завтра его труды не дадут ничего нового, что тогда? Тогда — неудача. Великий Искатель, который не смог помочь Королю в его несчастье, — вот кем он предстанет.

Но сделал ли он все, что мог? И неужели он не имеет права единственный раз не выполнить задания Короля? Всего раз!

Нет, нет, нет! Этого не должно быть. Он не может прервать поиски. Барбара будет найдена. Будет!

Жиль снова стал Искателем. Не дело стоять тут и глазеть на закат, когда нужно действовать! День или несколько часов, и тогда он сможет отправить в замок известие — «да» или «нет». Жиль поднял с земли посох. Но прежде чем спуститься с утеса, он бросил последний взгляд на море. Уже стемнело, и его глаза не могли различить белые паруса, скрытые в сумраке. Море теперь всегда будет связано у него с Агнессой, шумом прибоя и говорящей Раковиной. О, если бы сейчас она была у него! Наверняка за эти два дня Барбара не раз говорила о нем, или, если ее похитили, о нем могли вспомнить люди, которые ее увезли. Ведь им в первую очередь следует опасаться его, Королевского Искателя. Юноша поспешил по траве к дороге, которая привела его сюда.

Конечно, Раковина ему сильно помогла бы. Но мог ли он ее взять? Он обещал ее принцессе Софронии и выполнил обещание. Раковина больше не принадлежит ему. А сама принцесса никогда не захочет расстаться с ней. Эта Раковина — странная штука. Долго пользуясь ею, он стал относиться к ней как к чему-то обыденному, например, к окну, к которому вы подходите, чтобы услышать голоса возвращающихся детей или лай собаки. Но ведь она была странная — волшебная или созданная с помощью науки, таинственная или привычная, — кто знает? Как жаль, что Король выбросил ее той

ночью! А может быть не стоит жалеть? Она могла делать добро так же легко, как и зло.

Ладно, так или иначе, а действовать надо без промедления и без ее помощи.

Дорога, которую он искал, была небольшой тропинкой, ведущей от поселка, где Жиль вчера остановился, к скалам. В этой деревушке юноша оставил лошадь и одежду, в которой уехал из дворца. Он надеялся, что пока он созерцал с утеса море, хозяин таверны, у которого он оставил свою Полночь, приготовит ужин. Жиль был ужасно голоден.

Вскоре он почувствовал под ногами твердую дорогу и увидел вдалеке огни. Пилигрим перехватил поудобнее посох и торопливо зашагал в сторону деревни.

9. Седельная сумка

Вернувшись в таверну, Жиль первым делом пошел навестить Полночь. Во дворе около поилки он увидел еще одну лошадь, оседланную и взнузданную, она лоснилась от пота и тяжело дышала. Выходит, в его отлучку прибыл новый гость. Жиль был, безусловно, заинтересован в любых приезжих. Из-за открытых дверей стояла, где отдыхала Полночь, он слышал разговор.

Голосов было два. Один из них Жиль узнал сразу, то был голос хозяина таверны. Другой показался юноше знакомым, но определить его с ходу он не мог. Приезжий спрашивался о вороной кобыле: когда она прискакала, кем был ее всадник, как он выглядел? И тут Жиль понял: да ведь это Люк!

Первой мыслью Жили было — броситься и обнять старого друга. Едва удержался. Нельзя. Наверняка его оруженосец не сказал содержателю таверны о цели своего приезда. Пожалуй, будет лучше, если их первая встреча пройдет без свидетелей. Жиль торопливо отошел от двери, пересек двор и поднялся к себе. Он был уверен, Люк придет сюда, разыскивая его. Увидев Полночь в конюшне, Люк будет знать, что хозяин ее скоро вернется. Сменив одежды, Жиль ополоснул лицо из медного умывальника и сел за стол.

Вечер был теплым. Чтобы освежиться, юноша открыл слуховое окно. В него он мог видеть противоположный берег реки. В маленькой россыпи домиков, стоявших почти у самой воды, мерцали огоньки. За ними на фоне угасшего неба темнела тень горы, увенчанной высоким зданием. Оно тоже было слегка освещено. Даже с такого расстояния в восточной части дома можно было разглядеть цветные стекла витражей. Вероятно, там была пристроена часовня, и за теми стеклами теплилась свеча.

Тут в дверь постучали. Вошел Люк со свечой, в другой руке он

держал седельную сумку. Прежде чем открыть рот, он тщательно закрыл дверь.

— Не представляешь, как я рад тебя видеть! — воскликнул Жиль.— Ты шел по следам Полночи, не так ли? Ведь лошадь всегда найти легче, чем человека. Да положи ты сумку и садись! Почему ты решил, что я выбрал именно эту дорогу?

— Я смотрел с башни,— ответил Люк.— Прежде чем ты скрылся из виду, я предположил, наш Жиль поскакал в гавань Торнпик. Потом я задал несколько вопросов в тавернах и напал на твой след, ну, а найдя, я уже не терял его. Ну, а у тебя есть, гм, новости?

— О виконтессе? Нет,— вздохнул Жиль.— Я еще никогда в жизни не был так растерян. Но у тебя, наверно, больше новостей, чем у меня. Во-первых, почему ты поскакал за мной?

Жиль уселся на кровати, пока Люк говорил.

— Ну, во-первых, и Король, и Королева-Мать места себе не находили. Когда ты уехал, Его Величество все пытался из окон башни увидеть гонцов. Во-вторых, я подумал, тебе потребуется еще одежда, ведь ты ускакал в чем был тогда. Ну, а в-третьих, Энни не нуждается в моей помощи, она сама отлично справляется. Поэтому я спросил разрешения Его Величества отправиться вслед за тобой со сменой одежды и белья. Его Величество обрадовался и, конечно, сразу разрешил.

— Да,— пробормотал Жиль.— Это было мило с твоей стороны, я об одежде. Но ведь я просил тебя остаться с Энни. Не было ли другой причины покинуть замок?

— Конечно, была,— подтвердил Люк, почему-то уставясь в носки своих сапог.— Я не нарушил твои приказы. Но после твоего отъезда произошло две вещи. Я не говорил о них с Королем, но решил, что тебе будет полезно о них узнать. Говорящая Раковина...

Жиль вскочил с кровати.

— Потеряна,— продолжал Люк.— Взяла и исчезла. Принцесса Софрония приплелась вчера ко мне в ужасном состоянии и сообщила, что из ее комнаты украли Раковину. Энни и я искали везде. Нам с трудом удалось удержать принцессу, чтобы она не металась по дворцу и не кричала, что ее ограбили. Когда мы так и не нашли Раковину, она обвинила в краже тебя, заявив, что только у тебя есть ключи от всех дверей в замке. Она хотела посадить меня в тюрьму за то, что я осмелился спорить с ней. Но Энни охладила ее пыл, задав несколько вопросов. Выяснилось, что она держала Раковину в руках уже после того, как ты ускакал. Она была вынуждена признать, что ты не мог взять ее. Я, однако, сказал этой крикунье, что испрошу у Короля разрешения отправиться за тобой следом и передам ее просьбу найти Раковину. Лишь после этого она успокоилась, и мы с Энни осмелились оставить ее.

— Когда она вчера пришла к вам? — спросил Жиль.

— Где-то в полдень.

Королевский Искатель задумчиво ходил по комнате.

— Хорошо,— сказал он наконец,— а что же случилось еще?

— Ты помнишь спаниелей виконтессы?

— Еще бы! Мэгги и Молли?

— Так вот, один из них, похоже, превратился в большого черного кота,— торжественно объявил Люк.

Жиль резко повернул голову.

— Ну и шуточки у тебя, Люк! — раздраженно воскликнул он.— Кому охота слушать такую чушь?

— Я понимаю, это звучит как чушь,— согласился оруженосец.— Но если бы ты видел то, что видел я, ты не поминал бы шутку. Виконтесса, как ты помнишь, всегда держала собак у себя в комнате. После того как Энни и я утихомирили старую принцессу, мы вернулись в эту комнату. И что видим? Один из спаниелей исчез. Точнее, Молли. На ее месте дружески играл с Мэгги большой черный кот. И самое удивительное, кот использовал все трюки, что и Молли, те же прыжки и ложные атаки.

— А какие-нибудь звуки этот кот издавал? — поинтересовался Жиль.

— Никаких кошачьих,— ответил Люк.— Но это животное издавало рычание, что тебе собака, когда играет с другой собакой, и рычание это было очень похоже на рычание Молли. Чтобы это представить, тебе самому нужно было все увидеть. Энни сказала, она почти верит, что это Молли, одетая в кошачью шкуру. И такое же было отношение Мэгги. Я думаю, она бросилась бы драться, если бы в комнату вошел настоящий кот, ведь все собаки инстинктивно защищают жилище своей хозяйки от посягательств всяких нахалов. Но ничего подобного. Мэгги относилась к коту, как к старому приятелю, позволила ему спать с нею в одной корзинке и делать другие подобные вещи. Все это не было похоже на то, что Молли пропала. Или кот занял место Молли, чтобы Мэгги не печалилась о пропаже своей подружки. Энни считает, это может быть один из котов Агнессы. Хотя я так не думаю.

— Хотя он не кричит, не мяукает и не издает, как ты говоришь, кошачьих звуков,— пробурчал Жиль.— Вы не получали известий от Агнессы?

— Нет,— ответил Люк.— И маловероятно, что получим. Прошло девять лет с тех пор, как мы видели ее.

— Вы не говорили ни с кем во дворце о коте?

— Нет. Эта зверюга сама избегает встречаться с кем-либо во дворце. Энни находит, лучше об этом помалкивать, тем более перед свадьбой. Ведь считается, черные кошки приносят несчастье, если переходят тебе дорогу.

— Знаю,— кивнул Жиль.— Люди охотнее верят в сверхъестест-

венное и чепуху вроде черных кошек. А настоящие необычные вещи вроде тех, что делает Агнесса, например, лечение твоей ноги, объявляют колдовством и всякой чертовщиной. «Ведьма Шрагга» — ух!

— Несчастливая Агнесса,— глубоко вздохнул Люк.— Хотел бы я знать, в каком уголке скрывается она сейчас?

— Кто знает,— подвел итог Жиль.— А ведь порой у меня возникает чувство, что она совсем недалеко и мыслями она всегда с нами, и от этого я сам делаюсь умнее. Это чувство пробудилось во мне, когда мы с Энни остались на ночь в Доме с привидениями и встретили там странных нереальных людей, которые говорили с нами, а потом исчезли... Хотя... Может, все это ерунда. Наверное, это оттого, что я смертельно устал. Даже пропажа Раковины выглядит очень странно. О! Тяжелое время для Королевского Искателя. Все исчезает. Боюсь, следом пропадет и сам замок. Правда, что до собаки, то это еще можно объяснить. Скорее всего, виконтесса прихватила её для компании. Эх, если бы я узнал об этом до отъезда! Это помогло бы в поисках. Но я так спешил! Ну, а как развивались события в замке, когда уезжал ты, Люк?

— Неплохо, учитывая случившееся. Похоже, об исчезновении виконтессы еще не прослышали. Правда, долго так продолжаться не может. Я старался занять гостей играми, скачками, турнирами, танцами, представлениями и прочей чепухой. Королева-Мать держалась бесподобно, пряча свое волнение и заботы за улыбкой и участвуя во всех развлечениях. Ну и, конечно, виконт Годфри тоже.

— А Король? — спросил Жиль.

Люк печально посмотрел на пол.

— Не так хорошо, как хотелось бы. Старается быть любезным хозяином для гостей. Но он бледен, а мысли его гуляют за тысячу миль от его головы. Ест через силу. Большую часть дня, как я уже говорил, проводит на башне, уставясь на дороги.

Жиль повернулся к окну. Из-за горы теперь был виден осколок луны. Ее бледный свет отражался в чистой воде. Люк подошел к Жилю, опустил руку на его плечо и тоже посмотрел в окно. Паром, подталкиваемый длинными веслами, медленно двигался к их берегу. Неожиданно тишину нарушил серебристый звон колоколов.

— Что это? — встрепнулся Люк, глядя на гору.

— Колокола в часовне,— пояснил Жиль.— Там, наверху горы, монастырь Святой Бригитты.

— Ого, ты знаешь всю страну! — воскликнул Люк.— Значит, монастырь Святой Бригитты? Он выглядит очень внушительно. Слушай, Жиль, а как насчет ужина? Ты поди голоден, а я уж наверняка. Позволь я спущусь вниз и потревожу этого старого ленивца-хозяина. Заодно посмотрю, как он устроил на ночь мою лошадку. Я скоро вернусь.

И уже от двери Люк бросил:

— Да, а ты разберись с седельной сумкой. Там найдешь свежую рубашку, если хочешь немного избавиться от дорожной пыли. Когда еда будет готова, я тебя позову.

10. Карман в камзоле

Некоторое время Жиль смотрел на паром, затем притворил окно и вернулся к седельной сумке. Без всякого интереса он открыл ее и вывалил содержимое на кровать.

Кроме свежего белья, в ней оказались чулки, пара перчаток, камзол и некоторые мелкие вещицы. Молодец, Люк! Сейчас он шумел внизу на хозяина, затем его шаги удалились, а посвистывание переместилось к конюшне.

Жилю пришлось по душе мысль переменить рубашку после столь трудного путешествия. Меньше чем за минуту он облачился в новую и уже собирался нырнуть в старую шерстяную кофту, когда заметил, что один рукав у нее грязный. Тогда он потянулся к камзолу. Камзол был полегче и поновее того, что он носил последние дни. В нем он и прилег на кровать, ожидая, когда Люк позовет к ужину.

Похоже, его другу не все нравилось в стойле, Жиль опять услышал его громкий голос, раздраженно звавший хозяина.

С тем Жиль сморил сон. Вскоре он проснулся и протер глаза, пытаясь понять, где он и что с ним. Он был уверен, что вздремнул недавно и что-то его разбудило. Что? Сонный ум не мог ответить, но чувство чего-то знакомого не покидало его. Жиль опустил руку. Да, так и есть, горячо! Что-то обжигало тело через карман нового камзола. Жиль нетерпеливо запустил руку в карман. Боже! Его разбудила говорящая Раковина!

Не раздумывая, как она туда попала, Жиль припал к ней ухом. Слова, ясные и четкие, звучали так, точно говоривший находился перед ним. Казалось, сердце его остановилось, чтобы своим стуком не мешать ему слушать. Слушать Барбару! То был ее голос.

— Королевский Искатель. Он очень умный, очень искусный. Но я уверена, и он не обнаружит нас здесь. Нет, сейчас уже не найдет. Это ведь конец нашего путешествия.

Да с кем она говорит?! Кто там еще?

Голос тем временем мягко и грустно продолжал:

— Какая прозрачная вода! А какой был прелестный день! Как тогда. Ты помнишь широкую зеленую лужайку на склоне холма, на котором стоит замок? Дубы, взбирающиеся вверх по холму, мягкий теплый воздух, запах мокрых лилий. Нет? Но ведь ты не можешь забыть его, этого юношу, высокого и стройного, Королевского

Искателя, который бросал палки в озеро, чтобы ты их принесла обратно?

В ответ послышался собачий лай.

Молли!

Ведь это виконтесса Барбара разговаривала со своей собакой. Затем послышался звон колокольчика. Видимо, спаниель потревожил свой ошейник с подвеской, почесывая себя за ухом и обиженно вспоминая соревнование на озере, где победа досталась Мэгги. Потом воцарилась тишина. Руки Жилья дрожали, как осиновые листья, а Раковина тем временем медленно остывала. И больше он ничего не услышит? И что подразумевалось под словами — «конец путешествия»? И где тот конец? Где, где, где?!

Вскоре жар снова появился в сжатой ладони. И Жиль услышал продолжение разговора:

— Сэр Жиль Каретник — честнейший человек на службе у Короля. Я надеюсь, это не повредит его положению при дворе. Ведь это будет только одна неудача после череды замечательных успехов. Пусть они все думают, что со мной что-нибудь случилось, может, меня уже нет в живых. Мой несчастный отец, добрая Королева-Мать и Король. Я, конечно, плохо сделала, что так поступила с ними. Но вряд ли этому можно помочь. О моя дорогая Молли, давай посидим немного на траве перед тем, как войти внутрь. Они ведь все равно рано или поздно узнают, где мы, даже если Искатель не найдет наших следов. Это ведь не грех, что мы задержимся еще немного, посидим на траве, пока еще на свободе, под звездами и так ярко светящей луной.

Некоторое время слов не было слышно. Но вот голос, ставший твердым и уверенным, продолжил:

— Да, скоро мы войдем туда. Ты тоже, моя Молли. Я думаю, мне позволят взять тебя с собой. Я попрошу Настоятельницу. Она была подругой моей матери много лет назад. Ты тоже станешь монахиней и будешь менее резвой и радостной, разве что не будешь носить покрывало и монашеское платье. Но мы не должны задерживаться слишком долго, ведь нас может найти сэр Жиль. Еще несколько минут, и мы позвоним в колокол перед главными воротами. И войдем туда... Там будут Сестры, Сестры Святой Бригитты.

Жиль вскочил с кровати. Запихивая в карман еще горячую Раковину, он рванулся к двери.

— Хозяин! — завопил он. — Эй, там, внизу! Хозяин!

— Иду, сэр, — раздался дальний голос. Следом появилось лицо владельца таверны, с раскрытым от удивления ртом. Он топтался внизу лестницы.

— Седлай вороную кобылу! — закричал Жиль. — Живо! Не стой, разинув рот. Приведи Полночь к двери. Бегом! Бегом, тебе говорят!

11. Отлив

Люк был в маленькой гостиной, где их ждал ужин, когда услышал шум, поднятый Жилем. Он поспешил в зал посмотреть, не требуется ли его помощь. Здесь на него налетели сначала хозяин, прошмыгнувший во двор, а за ним и сам Жиль, прыгавший по лестнице через две ступеньки. Он схватил Люка за руки и прокричал в самое ухо, будто от этого зависела его жизнь:

— Достань себе свежего коня, Люк, и мигом в замок! Скачи ночью. Смени лошадей хоть дюжину раз. Умоляй, займи или отбери коня, я потом разберусь. Только не бери вокруг залива Торнпик, дуй напрямик через вересковые пустоши. Ты должен быть в замке до рассвета или чуть позже. Скажи, Барбара жива и здорова. Ее не похитили. Это пока все, что я знаю. Но ты можешь обещать: если все пойдет, как надо, я привезу ее завтра еще до того, как сядет солнце. Да где этот недотепа-хозяин? Почему он не торопится? Вот деньги. Заплати за наше пребывание здесь. Да, скажи-ка, ты ничего не клал в карман камзола, когда упаковывал его?

Люк pokrutil головой.

— Ладно, не думай об этом сейчас. Нельзя терять ни минуты. О, где этот человек?! Чу, я слышу Полночь. Он подводит ее к двери. Прощай, Люк. Да будет нам обоим удача!

Дверь распахнулась и хлопнула. Послышался стук копыт.

Пока изумленный Люк попытался собраться с мыслями, его хозяин гнал к берегу, думая о пароме: будет ли он на этом берегу или, не дай Бог, на противоположном?

Барбара так близко! Кто бы мог предположить? Совсем рядом, у монастырских ворот. А он еще гадал, не пересекала ли она море! Вот он, успех того, кто ищет.

В пять минут он достиг берега. Никаких следов парома. Но он не может ждать. Это слишком долго. Жиль прикинул на глаз расстояние до дальнего берега. Да, Полночь в своей жизни переплывала и более широкие реки. Сейчас, повинаясь легкому движению шпор, она ступила в воду и поплыла через поток.

Жиль, как он всегда делал в таких случаях, выскользнул из седла и поплыл рядом, чтобы облегчить участь лошади. Держась правой рукой за ее гриву, левой он греб сам. Временами Жиль вглядывался вперед, в огни часовни. С воды расстояние казалось куда больше, чем с пристани.

Ближе к середине реки течение усилилось. Поток с каждой минутой все напористей сносил человека и лошадь. Что если их вынесет прямо в открытое море? Отлив был в самом разгаре.

Жиль подумал, не лучше ли отпустить Полночь, пусть сама выберется на берег. Хороший пловец, он мог рассчитывать, что сам доплывет до берега. Но вот в чем загвоздка: на берегу в темноте

им трудно будет найти друг друга, если они разделятся. А времени и так в обрез.

Нет уж, он останется с Полночью. Вместе они лучше сделают свое дело. Он слышал тяжелое дыхание, когда лошадь изменила направление, чтобы их не так сносило. Полночь тоже понимала опасность их положения в устье реки во время отлива. Плывая около ее шеи, Жиль шептал ей на ухо ласковые слова, чтобы поддержать ее. В ответ она делала еще большие усилия, чтобы противостоять потоку.

Вскоре, освободив рукава камзола, Жиль смог стянуть его и тиснуть в седельную сумку. Так было легче плыть, и так он мог хоть немножко помочь лошади. Ах, если бы не пудовые ботфорты! Ему следовало подумать о них до того, как они вошли в реку. Поток становился все сильнее, а дыхание Полночи все тяжелее. Огни часовни, казалось, не приближаются, а отступают вдаль берега. Жиль уже видел темный горизонт над морем, пересекавший устье реки.

Несчастный пловец уже начал проклинять себя за неразумное решение так спешно броситься в воду, когда Полночь нащупала под копытами что-то твердое. Ее сильные плечи поднялись и возникли из воды. Тут и ноги Жили нащупали дно. Они достигли отмели.

До берега было еще далеко. И ничего вокруг, кроме тьмы и воды. Казалось, каменистая отмель выросла неожиданно из темного и мрачного речного сердца, чтобы поддержать усталых пловцов. Вокруг островка поток бурлил с такой силой, что моментально опрокинул бы всякого, кто посмеет сунуться в него. Жиль с трудом отыскал пяточок, где они могли перевести дух. В этом месте течение было достаточно сильным, но не опасным.

Полночь, довольно фыркая, освободилась от воды, попавшей ей в ноздри. Жиль, еще слишком слабый, чтобы говорить и стоять самостоятельно, пытался отдышаться, держась за нее.

Некоторое время они стояли под звездами, как призрачные статуи в ровном и пустом мире. Ни один звук не нарушал их отдыха, только собственное дыхание да шум струившейся под ногами воды.

Жиль зашевелился первым. Ноги и руки едва слушались, но ему не терпелось достигнуть цели. На минуту вспомнился неудавшийся ужин. Но все равно он потратил сил меньше, чем Полночь. Ее голова была опущена, и во всем виде лошади сквозила безмерная усталость. Никто не мог им сказать, придется ли еще плыть или до берега можно добраться вброд. В любом случае лошади следовало дать отдохнуть.

Ну, а что же Барбара? Она уже ушла в монастырь? Его задача была и без того трудна, чтобы примешивать к ней сложности с монашками. В бессилии и раздражении Жиль всплеснул руками. Что он может сделать? Что?!

Ну, а Раковина? Может, что-нибудь новое он узнает с ее помощью?

Жиль продвинулся вдоль спины лошади и попытался вытащить из седельной сумки мокрый камзол. Да не тут-то было. Камзол стал вырываться из рук подобно флагу на ветру. Что-то мелькнуло, и раздался всплеск. Пока Жиль возился с камзолом, Раковина выскользнула из кармана в несущийся поток. Юноша кинулся вслед, но слабый свет звезды дал ему возможность бросить на Раковину только прощальный взгляд: вот она перевернулась, как рыбка, зеленая сверху и белая снизу, и канула среди волн, несущихся в море.

Он еще постоял на коленях, растопыря руки и шаря ими в воде, но постепенно смысл происшедшего стал доходить до Жилья. Говорящая Раковина ушла, ушла навсегда, унеся с собой секрет своего могущества. Сейчас вода несла ее по каменистому дну реки в море, туда, откуда она однажды вышла — назад, домой!

Жиль поднялся.

— Ладно,— глубоко вздохнул он,— хорошо это или плохо но, значит, ее работа здесь закончена.

Наверху горы, от монастыря, донесся удар колокола. Возможно, это звонила Барбара, чтобы ее впустили.

Жиль посмотрел на Полночь, надеясь, что может тронуться в путь. Храбрая Полночь! Она казалась менее усталой, а ее дыхание более спокойным. Легкий ветерок прошел по реке, вызвав в озябшем теле дрожь. Лошадь подняла голову и ступила в реку, как будто и она была рада покинуть это место.

Держа ее за длинную узду, Жиль некоторое время оставался на мелководье. Потом, продвигаясь вперед очень медленно, он нащупывал ногой каждый ярд пути, определяя скрытые ямы и неровности дна. Жиль готов был на трудный путь, но, вопреки ожиданиям, до берега они добрались теперь без происшествий.

Очистив себя от тины и водорослей, Жиль вскочил в седло и склонился к шее лошади.

— Что ж, старый друг,— прошептал он, беря поводья.— Ты показала храбрость и силу духа. Но тебе еще предстоит поработать. Нам надо попасть на вершину горы, к воротам монастыря, и как можно скорее. Я мало чем могу помочь тебе в этом. Пойми меня и сделай, что сможешь.

Лошадь, как будто поняв его слова и великую важность помощи, которую от нее ждут, показала этой ночью все, на что она способна. Ее всаднику только раз пришлось взяться за повод. Очень быстро, как по волшебству, она нашла дорогу. Это был старый заброшенный тракт или что-то в этом роде, весь в выбоинах и лужах. Но он вел в нужном направлении. Полночь повернулась к морю крупом и поскакала по этому пути. Местами встречались поваленные деревья и другие препятствия, освещенные неверным светом звезд и луны. Но даже темнота не смущала ее. Она стремительно неслась по земле.

Иногда лошадь настораживалась, фыркала, прядала ушами, точно чувствовала новую, незнакомую опасность. Тогда почти незаметно она изменяла свой путь, и человек, сидящий в седле, едва мог понять, что же там было.

Жиль часто говорил, что его обожаемая лошадь может видеть в потемках. Всякий, кто увидел бы ее той ночью, согласился, что в таких делах у нее нет равных. Король никогда не делал подарка лучше, чем эта королева среди лошадей, звавшаяся Полночью.

12. Настоятельница монастыря

Заваленное упавшими деревьями побережье осталось позади. На открытом ветренном склоне холма лошадь остановилась под высоким темно-синим небом. Вот и дорога, ведущая к монастырю. Что ж, с Богом. Но чем ближе подъезжал Жиль к цели, тем чаще замедлял он бег Полночи, а иногда даже переводил ее на шаг. А сам становился задумчивей, и все сильнее билось его сердце.

Он совсем не беспокоился об успехе своего предприятия. Он думал о Барбаре. Как расстроится и рассердится она, когда он заберет ее обратно во дворец. Слушая ее разговоры с Молли, Жиль уловил, как ему показалось, плач. Каково будет ее настроение, когда они встретятся? Он должен побороть свои чувства, женские слезы — все, что мешает ему служить Королю.

Но если она откажется возвращаться?

Тогда он должен проявить твердость. Да, твердость и никакой слабости и жалости.

Так, готовя себя к встрече с Барбарой, он подъехал к вершине холма. Все было, как он ожидал. На самой вершине тянулась ложбина, по которой проходила дорога к строениям монастыря. Он еще не видел, где главные ворота, но услышал в отдалении лай Молли. Поехав на этот звук, Жиль скоро увидел сводчатый проход, закрытый деревянными воротами. Около них девушка в белом держала на поводке рвавшегося спаниеля. И без того прыгающее сердце юноши рванулось вон из груди. Она! И еще не вошла в монастырь!

Жиль, без сомнения, возблагодарил бы свою судьбу и удачу, если бы не принудил себя быть твердым и нестигаемым. Он старался не смотреть на нее, когда соскочил с Полночи и сделал несколько шагов к белой фигуре. Его узнала Молли и подбежала потереться о колени.

Из часовни доносилось пение. Полночь опустила голову и щипала траву.

— Виконтесса...

Жиль остановился, не договорив. В его голосе был вопрос, он сам не знал почему. Девушка в белом порывисто бросилась к нему.

— Жиль! Как ты узнал, что я...

— Мадам,— начал он со сталью в голосе, отчего Барбара сразу сникла.— Король послал меня за вами.

Колеблясь, она приблизилась к Жилю. В неясном свете юноша увидел ее прекрасное лицо с удивленными глазами. Он не мог выдержать этого взгляда. Отвернувшись к морю, он выпалил:

— Его Величество желает, чтобы вы немедленно вернулись во дворец.

За плечом он услышал голос, тихий, но ясный:

— Но я не хочу возвращаться.

Тогда Жиль произнес ледяным тоном:

— Вы должны меня правильно понять. У меня приказ найти вас и вернуть во дворец.

— Вернуть меня во дворец! — ее голос стал громким, в тоне слышались гордость и непоколебимость.— Я, похоже, не более, чем старое платье, которое Королевский Искатель должен найти? Я приехала сюда, чтобы стать монахиней в аббатстве Святой Бригитты. Я не поеду с тобой.

Ее негодование спасло решимость Жили. Он уже опасался, что страстное желание, рвавшееся из его сердца, желание, которое требовало заключить ее в свои объятия и сказать, как он безумно счастлив вновь видеть ее, возьмет над ним верх. Если бы она расплакалась и стала умолять его оставить ее в покое, все его усилия быть твердым и непреклонным пошли бы тогда прахом. Но гнев и нежелание Барбары подчиниться приказам Короля ожесточили сердце Жили. Еще больше раздражаясь, чтобы побороть свои чувства, он повернулся и посмотрел прямо в глаза виконтессы.

— Хорошо, леди. Если так, вы должны извинить меня за мои действия. Я вынужден арестовать вас.

Некоторое время Барбара вызывающе смотрела на него. Затем она подбежала к воротам и дернула за что-то. Спокойствие ночи нарушил удар колокола. Его звук постепенно угас, и снова воцарилась тишина.

— Вы помогли мне в моих сомнениях,— сказал Жиль.— Я собирался сделать это сам.

Его слова, казалось, удивили девушку и несколько поколебали ее решимость.

— Но ты ничего не понимаешь! — закричала она.— Ты же не знаешь, почему я так поступила.

Жиль прервал ее:

— Я не должен выслушивать ваши доводы. Вы их выскажете Королю. У меня есть только приказ найти тебя... найти вас и вернуть.

Со двора монастыря донеслись быстрые шаги, а когда они смолкли, стало слышно, как кто-то возится с задвижками. Но

вот тяжелые ворота медленно разошлись. В проходе стояла удивленная монахиня с фонарем в руке. Жиль, не мешкая, шагнул к ней.

— Могу я видеть Мать-Настоятельницу?

— Она сейчас в часовне, сэр, на молитве,— ответила монахиня.— Если вы подождете, когда служба закончится, я попрошу ее подойти.

— Виноват, но я не могу ждать,— ответил Жиль.— Передайте ей мои извинения за беспокойство и постарайтесь объяснить, что мне необходимо переговорить с ней.

Монахиня поспешила внутрь монастыря.

А Жиль подошел к лошади и попытался занять себя приведением в порядок сбруи. Он думал, ему лучше не разговаривать больше с Барбарой. Она сама приблизилась к нему.

— Зачем тебе Настоятельница? — спросила она.— Что ты собираешься делать со мной?

— Ничего страшного,— ответил Жиль, подтягивая подпругу.— Я только попрошу ее не мешать мне. За ваш поступок вы ответите перед Королем. А сейчас вы под арестом. Будете шуметь и скандалить, ничем хорошим это не закончится. Я уже отправил послание во дворец, что доставлю вас завтра к вечеру. Мы должны спешить, но я постараюсь, чтобы вы ехали со всеми возможными удобствами.

Барбара ничего не ответила, но за нее говорил ее непокорный вид.

Жиль был настороже, и, когда ворота стали открываться вновь, он поспешил подойти к ним первым. Теперь в проходе стояли уже две монахини.

— Мать-Настоятельница,— обратился он к той, что выглядела постарше.— Прошу прощения, что оторвал вас от молитвы, но я был вынужден это сделать. Я должен увезти эту леди в столицу, и мне нужна ваша помощь.

Барбара сделала шаг вперед под свет фонаря. Проницательные глаза Настоятельницы остановились на ней. Возможно, в лице Барбары было сходство с ее матерью, а может, там было какое-то неуловимое выражение, замеченное, однако, пожилой женщиной. Поэтому она задержалась с ответом.

— Но она согласна ехать с вами? — спросила она наконец.

— Нет! Конечно, нет! — воскликнула Барбара.

— Извините,— вмешался Жиль,— но желание леди в данном случае не может приниматься во внимание.

— Почему же? — возразила Настоятельница.— По какому праву вы повезете ее против воли?

— Именем Короля,— ответил Жиль.— Я служу при дворе Его Величества офицером. У меня с собой Королевские грамоты, если вы пожелаете взглянуть на них. Я могу приказать вам оказать мне

содействие для выполнения Королевского задания. Но, зная верность вашего ордена Его Величеству, я уверен, этого не потребуется. Мне нужны карета со свежими лошадьми, кучер и женщина, которая могла бы прислуживать в пути этой леди. И все это нужно как можно скорее.

Большие аббатства и монастыри в ту пору были важными центрами, практически маленькими городками со своими фермами, множеством слуг и работников, со всем необходимым для существования. Жиль это знал и понимал, что по одному слову Настоятельницы он сможет получить все требуемое. Было бы очень огорчительно, если она откажет. А этого Жиль не исключал. Большие церковные общины в то время были очень независимы и не раз выказывали неповиновение Королю.

Настоятельница явно колебалась.

— Как тебя зовут? — спросила она задумчиво.

— Сэр Жиль Каретник, Королевский Искатель, — отрекомендовался Жиль.

Настоятельница посмотрела на Барбару, затем перевела взгляд на лицо молодого человека. На своем веку она научилась разбираться в людях по их взглядам.

— Преподобная Мать, — взывал Жиль. — Умоляю вас, не отказать мне. Иначе я буду вынужден обратиться в ближайшую крепость и забрать эту леди с помощью вооруженных солдат. Она должна быть в замке к закату завтрашнего дня. Обещаю, ей не будет причинено никакого вреда.

Казалось, Настоятельница не нашла ничего плохого в этих словах и в выражении лица Жили. Поэтому с вежливой улыбкой она подошла к Барбаре и взяла ее за руку.

— Похоже, вам придется ехать, моя дорогая, — мягко сказала она. — Я пошлю сестру Монику, мою племянницу, чтобы она составила вам компанию. А в качестве служанки с вами поедет жена садовника. Не забывайте, если вы захотите посетить нас еще, мы будем рады видеть вас в нашем аббатстве Святой Бригитты.

Она повернулась и отдала несколько распоряжений монахиням, которые заспешили впереди нее.

Вскоре появилось еще несколько фонарей. В их неясном свете человеческие фигуры собирались вместе, о чем-то шептались и опять сновали туда-сюда. Открылась вторая половина ворот. Застучали копыта, и зазвонили колокольчики. К карете, которую выкатили к воротам, провели двух лошадей. Лошадей впрягли, на козлы взобрался кучер с длинным кнутом. Снова появилась Настоятельница, за ней шли три тепло одетые женщины. Она ввела Барбару во двор и сама открыла ей дверцу кареты. Не выказывая ни малейшего негодования или неповиновения, виконтесса послушно следовала за ней. Она улыбнулась Настоятельнице и поднялась в

карету. Рядом уселась верная Молли. Следом вошли те женщины, и дверца закрылась.

За стенами монастыря Королевский Искатель вскочил в седло Полночи с чувством глубокого облегчения. Когда карета тронулась, он слегка коснулся шеи лошади и последовал за экипажем.

13. Наблюдатели на террасе

Люк сидел на скамейке в укромном, уголке дворцовой террасы и смотрел на раскинувшийся перед ним простор, особенно на белые линии дорог, которые уходили вдаль и там скрывались из глаз. Порой он вскакивал, подбегал к парапету, вглядываясь с прищуром, но всякий раз разочарованный возвращался на место.

Послышались шаги. Через минуту появилась Энни.

— Ну, ты их увидел?! — закричала она, часто дыша.

— Увидел кого? — угрюмо справился Люк.

— Жилья, конечно.

— О нет, пока нет, — вздохнул он. — Еще слишком рано.

— А чего же ты тогда торчишь здесь? — спросила Энни.

— Ну... Я только, ну чтобы... Да я так...

— Ты пришел смотреть, не едет ли Жиль, — уверенно сказала Энни. — Не вздумай отпираться.

— Ну а сама-то зачем явилась сюда?

— Я? Из-за кота. Теперь я уверена, это кот Агнессы. Он только что помог мне. Я подумала, виконтессе захочется побыть одной в комнате, когда она вернется. А слуг мы сейчас не пускаем в ее покои, я сама принесла немного дров и попыталась разжечь камин. Тотчас у моего колена появился кот, потерял немного и стал таскать щепки, совсем как в хижине у Агнессы много лет назад. Это точно кот Агнессы... О, взгляни вон туда, там кто-то скачет.

Люк всмотрелся вдаль.

— Нет, там только пыль, поднятая над дорогой ветром. Я уже сам обманывался так дюжину раз. А как сейчас Король?

— Лекарь все еще с ним, — ответила Энни. — Ты никогда не догадаешься, кто он. Это старый доктор Сеймур из нашего города, помнишь? За это время он, кажется, стал очень знаменитым. Но что ты думаешь, Люк, как это могло случиться с Королем? Говорят, он споткнулся и упал. Может, кто-то ударил его? Кто первый нашел Короля?

— Виконт Годфри, — ответил Люк. — Он уверен, то был несчастный случай. Кажется, он поднимался в королевские покои, когда нашел Его Величество у подножия ступенек замка. У Короля была только шишка на виске, там, где он стукнулся о каменные ступеньки. Все кости были целы, ничто не указывало на несчастье.

— Не мог ли эту шишку набить тот, кто ударил его? — держалась своего Энни. — О, как бы я хотела, чтобы Жиль был сейчас здесь! Он сможет найти человека, который сделал это. Я почти уверена, Короля сбросили с лестницы. Может, это все те же, что замешаны в похищении виконтессы?

— Что ты мелешь! — возмутился Люк. — Я же тебе точно передал все, что слышал от Жили. Ее никто не похищал. Просто Его Величество ничего не ел с тех пор, как пропала Барбара. Ну, он и упал в обморок от голода, когда поднимался по ступенькам.

— Он обрадовался весточке от Жили? — поинтересовалась Энни.

— Ну, в общем, да, — ответил Люк, помешкав. — Обрадовался, услышав, что ничего плохого с ней не случилось. Затем он стал без конца задавать вопросы. Но я ничего не мог добавить, твой брат ускакал в ночь, бросив мне те несколько слов, которые я принес через девять часов такой скачки, на какую едва способен человек.

— Да, ты действительно сделал все возможное, чтобы доставить новости как можно быстрее, — согласилась Энни.

— Когда Король понял, что от меня нельзя добиться большего, — продолжал Люк, — он стал задумчивым, даже несколько торжественным. Казалось, он что-то обдумывал.

— Возможно, он старается понять, почему сбежала Барбара и почему она не хочет вернуться, — предположила Энни.

— Что ты имеешь в виду? — резко спросил Люк.

— О, взгляни! — Энни кинулась к парапету. — Вот там, на другой дороге! Может, это Жиль?

— Нет, не он, — опять опроверг Люк. — Это гонят скот.

— О, как я хочу, чтобы он сейчас приехал! — воскликнула Энни, возвращаясь к скамейке. — Он ведь приедет, ты тоже так считаешь? Хотя на дорогах опасно: там могут быть разбойники.

— Конечно приедет, — успокоил Люк. — Он может защитить себя и Барбару, не тревожься об этом. Лучше скажи, что решил доктор Сеймур, когда последний раз посетил Короля?

— А, он много говорит на латыни, ругается при этом, поминает голову и спину, — сказала Энни. — Он совсем не беспокоится о шишке на виске. Он утверждает, главная опасность в другом. Король ушиб спину, и именно от этого он может умереть. Но я не верю этому старому болтуну. Он очень много говорит, но совсем ничего не делает. Королю становится все хуже. Несчастливая Королева-Мать, она слишком доверяет этому Сеймуру. Впрочем, ее можно понять, ведь ей не на кого больше рассчитывать.

— Все гости уже разъехались? — справился Люк.

— Считай, все, — подтвердила девушка. — Им пришлось поспешить сложить свои вещи и убраться. Конечно, они могли обидеться, что их попросили побыстрее уехать. Но Королева-Мать сама пришла к каждому и объяснила, что с Королем произошел несчастный случай и, по мнению доктора, сейчас необходима полная тишина в замке.

— Ну, мне кажется, ты довольна, что они уехали,— заметил Люк.
— Конечно,— кивнула Энни.— Я так боялась, что кто-нибудь из них пронюхает про исчезновение Барбары и разразится скандал.
— Послушай, кто-то прошел в дверь, это, наверное, за тобой одна из служанок,— насторожился Люк.
— О Боже,— прошептала Энни,— надеюсь, с Королем не случилось ничего плохого.
— Если так, постарайся вернуться быстрее и рассказать мне об этом, я буду ждать здесь,— попросил Люк.
А новости были плохие. Королю стало хуже.
Но вернувшись на террасу, Энни не застала там Люка.
Как только она ушла, его зоркие глаза заметили вдалеке едва различимую повозку,двигающуюся по направлению к замку.
Рискуя сломать себе шею, перемахивая через ступеньки, Люк скатился вниз. Там его ждал оседланный конь.

14. Возвращение Искателя

Покинув монастырь, Жиль почти не разговаривал с Барбарой. Теперь он обрадовался, заведя Люка. Значит, пришел конец трудному и опасному путешествию. Однако это возвращение не было похоже на прежние. Когда юноша возвращался из поездок, флюгеры, выполненные в виде фигурок воинов, вымпелы на фоне неба, королевские гербы да и сам вид дворца, напоминавший о древности и могуществе Королевства, вызывали приятное волнение. Жиль уже сросся со всем этим, как сросся с холмом сам Королевский замок. Но еще никогда при виде дворца Жиль не чувствовал себя таким усталым и разбитым. Однако что-то подсказывало, спать этой ночью ему не придется. Да Жиль и сам не помышлял об отдыхе под этой крышей. Как только он доставит Барбару, его миссия будет окончена, можно просить отпуск. Тогда и отдохнет по дороге из замка.

Когда к нему присоединился Люк и поскакал рядом, Жиль поделился с ним этими планами.

— Жиль, ты не сделаешь этого,— прошептал Люк, когда тот закончил.— Конечно, Король отпустит тебя, как только ты пожелаешь. Он ведь всегда был для нас обоих скорее другом, чем повелителем. Однако, согласишься, Его Величество сочтет это очень странным, узнав, что ты хочешь покинуть его в тот момент, когда он опасно болен. Король упал и после этого слег.

— Ты хочешь сказать,— начал Жиль и осекся, пытаясь поймать ускользающую мысль.— Ты хочешь сказать, Король может умереть?

— Никто не может этого сказать,— ответил Люк,— но остаешься этой ночью в замке, умоляю тебя, ради Королевы-Матери.

Жиль не ответил. Люк тоже больше ничего не добавил. Так и скакали молча к замку.

Ни один звук ни приветствовал Жилья, когда он проскакал по Королевскому мосту. Казалось, целый дворец погрузился в напряженную тишину, беспокойно ожидая грядущих событий. Люк направил карету к входу в Королевскую башню. Здесь Жиль помог Барбаре спуститься из экипажа и повел ее по ступенькам башни. Люк следовал за ними.

В приемном покое перед спальней Короля они застали Королеву-Мать, доктора Сеймура и Энни. Их лица были сумрачны. Первым нарушил молчание доктор Сеймур.

— Все плохо, очень плохо. Я едва прощупываю пульс. Но моя печальная обязанность состоит в том, чтобы сказать Ее Величеству,— тут он повернулся к Королеве-Матери,— конец может наступить очень скоро, через несколько часов и даже минут.

Жиль подошел к несчастной Матери, ссутулившейся в кресле.

— Ваше Величество позволит мне войти к нему? — шепотом спросил он.

Королева кивнула, не подняв глаз. Жиль мягко тронул дверную ручку и вошел в спальню.

Смутный свет проникал сквозь прикрытые занавеси. На возвышении стояла кровать с Королем, который не подавал никаких признаков жизни. Подойдя ближе, Жиль увидел, что лицо Короля свела судорога, как от внезапной боли, но грудь не вздымалась. Казалось, Его Величество уже перестал дышать.

Жиль подошел и мягко заговорил в самое ухо несчастного. Ответа не последовало.

На глаза юноши навернулись слезы. Он развернулся и вышел.

Тишина печального ожидания нарушалась только бормотанием придворных священников. Но Жиль не слышал их. Он стоял на пороге между двумя комнатами, как оглушенный. Казалось, все его чувства угасли. В голове билась лишь одна мысль: его друг, лучший и величайший из всех его друзей, умирает.

Тихий стук раздался со стороны двери, ведущей на лестницу. Люк на цыпочках пересек комнату и открыл ее.

В дверном проеме стояла старая женщина, у ее ног замерли два черных кота.

— Могу я увидеть Короля? — только и сказала она.

— Агнесса! — бросилась вперед Энни.

Королева перестала молиться и подняла голову.

— Ваше Величество,— воскликнул доктор Сеймур,— не пускайте эту женщину к Королю, умоляю вас! Это же ведьма Шрагга!

Черные коты тут же подняли хвосты и вздыбили шерсть.

— Она ужасная колдунья, не пускайте ее, не пускайте! — вопил доктор Сеймур.— Я ее знаю, она из моего города!

— Да,— сказала Агнесса, глядя на него пристально и недобро.—

Ты знаешь меня. А я — тебя. Это ты четыре года назад натравил на меня городской Совет и гонял меня с места на место, заставляя прятаться, как крысу. Если бы тебе только удалось, ты бы сжег меня. А почему? Да потому, что ты знал, я лучше тебя лечу людей! Ты никогда толком не знал, как устроено тело человека, и не мог прекратить колики у ребенка. А сейчас, невежда, ты пытаешься не пустить меня к больному Королю! Но мы еще посмотрим!

Она повернулась к Королеве-Матери.

— Он назвал меня ведьмой, Ваше Величество, — ее палец поднялся и показал на собравшихся в комнате. — Хорошо, спросите их, кто я такая!

Но Люк уже стоял на коленях у кресла Королевы.

— Я умоляю, Ваше Величество, позвольте ей взглянуть на Вашего сына. Она величайший лекарь. Я был калекой, едва ковылял на костылях, она меня вылечила. Пожалуйста, пожалуйста, позвольте ей пройти к Королю! — заклинал он.

Королева перевела взгляд с него на Жилья.

— Это правда, — загорелся надеждой Жиль. — Каждое слово — правда. Поверьте, Ваше Величество, и позвольте ей делать все, что она сочтет нужным. Сейчас дорого каждое мгновение.

Доктор Сеймур рванулся вперед, открыв рот, чтобы выплеснуть новую пакость. Но Королева остановила его, сделав с кресла знак рукой, чтобы он молчал.

— Этого достаточно, — сказала она, — пусть женщина войдет.

Агнесса в одиночестве последовала в спальню Короля и притворила за собой дверь. А доктор Сеймур схватил со стола бумажник и скользнул по ступенькам вниз.

15. Король возвращает долги

Прошел час или около того, как показалось дежурившим перед спальней Короля. Королева-Мать да и все остальные старались за внешней сдержанностью спрятать жгучий вопрос: не опоздала ли Агнесса и сумеет ли она спасти Короля?

Энни, сидевшая у самой двери, первая нарушила тишину. Она подбежала к Королеве.

— Ваше Величество, я слышу голоса. Должно быть, Король проснулся!

— Благодаренье всем святым и этой женщине! — воскликнула Королева.

В это время дверь приотворилась и высунулась голова Агнессы.

— Его Величество желает видеть виконтессу, — сказала она.

Барбара вскочила и поспешила внутрь. Она стремительно пере-

секла комнату и опустилась на колени подле Короля. Агнесса тихонько притворила дверь.

Король протянул руку и опустил ее на золотистые волосы девушки.

— Да-да,— прошептал он,— я все знаю.

— О, я не хотела причинить вам зло! — вскричала Барбара.— Благодаренье небесам, вам стало лучше. Я бы убила себя, если бы вы умерли! Но... но, поверьте, я не могла иначе. Ведь когда вы спросили меня об этом, все было по-другому. Я вас любила, вы это знаете. Мой отец, да и все вокруг говорили, мой долг стать Королевой, если вы того пожелаете, чтобы вы были счастливы. И мне тогда казалось, что я смогу.

— Я все знаю,— повторил Король.— Я все понял, когда Люк сказал мне, что вы не похищены. Я понял тогда: вы уехали по собственному желанию и, более того, вы любите кого-то сильнее, чем меня.

— Я так глупо поступила,— покаялась Барбара.— Мне следовало прийти к вам и все рассказать, вместо того, чтобы малодушно убегать. Но, поверьте, я поняла свои чувства уже после помолвки, в тот день, когда мы были на озере и он помогал мне набрать цветы для Королевы-Матери. Я думаю, это и называется влюбиться. Но после того с каждым днем я все яснее понимала: будет нехорошо, если я выйду замуж за вас, а любить буду сэра Жилия. Хотя уже начались приготовления к свадьбе, были разосланы гонцы и стали съезжаться высокие гости. Я не могла унижить вас и просить на глазах у всех освободить меня от данного обещания. Поэтому я, как последняя дура, позволяла событиям развиваться дальше, и лишь в ночь перед свадьбой я до конца осознала: впереди у нас могут быть только годы несчастий, если я выйду замуж за вас. Несчастья для нас обоих. Потому я и убежала. Я думала, если уйти в монастырь и стать монахиней, это разрешит все вопросы. Никто тогда не скажет, что Король брошен. Это бы уберегло вас от унижения. Скажите, скажите же, что вы простили меня!

Король улыбнулся.

— Не проклиняйте себя. Это была и моя ошибка. С самого начала я понял, что вы не любите меня так, как я вас. Я пытался закрыть на это глаза и сам себя морочил. К сожалению, понимание этого приходило слишком медленно. Я чувствую себя сейчас лучше, благодаря этой старой женщине. Скоро я совсем поправлюсь и смогу заняться делами. Попросите ее позвать Жилия.

Через мгновение Жиль был рядом.

— Ваше Величество, Агнесса предостерегает, чтобы вы меньше говорили,— одним духом выпалил он.— Вам надо спать.

— Мне осталось сказать немного,— прошептал Король.— Она любит тебя. Я рад, что именно тебя, а никого другого, кто заберет ее от меня. Ты спас мою жизнь однажды, Жиль, и я обещал, что не забуду этого. Я сейчас плачу свои долги и плачу сполна. Иди

с ним, Барбара. Но после того, как вы поженитесь, пусть он останется у меня на службе, я прошу об этом. Я не могу потерять сразу двух лучших друзей. Счастья вам и прощайте до завтра!

Когда они оставили Короля, туда вошла Королева-Мать.

Жиль и Барбара молча вышли на ступеньки башни. Тут они стояли, без слов глядя друг на друга глазами полными любви. И тогда, наконец, они в первый раз поцеловались.

Весь мир для них как бы перестал существовать. Очнулись они, когда в окне завозился Люк. А тут бросилась к ним Энни:

— Где Агнесса?

Продавщицы яблок в комнате не было. Видели только, как она выходила от Короля.

Жиль, слегка ошалевший от счастья, схватил Барбару за руку и потащил вниз по ступенькам искать спасительницу. Люк и Энни поспешили за ними. Они хотели задать ей тысячи вопросов: где она была все это время, как узнала о болезни Короля, как попал в покои виконтессы кот, как Раковина очутилась в кармане камзола?.. Словом, вопросов хватало.

Они сбежали по ступенькам, как дети, вырвавшиеся из школы после уроков.

Но во дворе было пусто, и только холодные звезды мерцали высоко в небе.

Агнесса ушла.

Содержание

<i>В. Белоусов. Прикосновение к чуду</i>	5
--	---

КНИГА I

1. Жиль и Энни	7
2. Ведьма Шрагга	9
3. Люк	10
4. Хижина у реки	12
5. В саду моря	17
6. Говорящая Раковина	22
7. Слепой Михаэль	25
8. Философ Иоганн	26
9. Химия и магия	32
10. Человек, который знал всех	35
11. Дом с привидениями	40
12. Ужин в «Золотом Колпаке»	45
13. План Люка	47
14. Прибытие Его Величества	53
15. Король слушает Раковину	56
16. Вороная кобыла Полночь	61
17. В столицу и обратно	66
18. Мальчик-рыцарь	70

КНИГА II

1. Королевский Искатель	76
2. Дружба, которую нельзя предать	82
3. Цыган Жоффри	86
4. На Нижнем озере	90
5. Дворец в суматохе	93
6. Канун свадьбы	96
7. Великие поиски	98
8. Чудесная страна	101
9. Седельная сумка	104
10. Карман в камзоле	108
11. Отлив	110
12. Настоятельница монастыря	114
13. Наблюдатели на террасе	119
14. Возвращение Искателя	121
15. Король возвращает долги	123

**В серии «Волшебная лампа» издательства «Ириус»
вышли и готовятся к печати:**

Э. Несбит. Чудозавр. Сказки о драконах.

А. Хоуп. Забытые рассказы певца, шута и странника.

Ф. Браун. Сказки бабушкиного кресла.

Х. Лофтинг. На закате волшебства.

Тел. для оптовых покупателей: (095) 274-37-81

Хью Лофтинг НА ЗАКАТЕ ВОЛШЕБСТВА

**Редактор В. Н. Белоусов
Художеств.-техн. редактор М. В. Баранов**

Подписано в печать с оригинала-макета 01.04.94. Формат
84×108¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура «Скулбук». Печать
офсетная. Усл. печ. л. 13,44. Усл. кр.-отг. 53,76. Уч.-изд.
л. 10,6. Тираж 35 000 экз. Изд. № 11. Зак. № 4324.
«С»-11.

Издательство «Ириус»
115533, Москва, Нагатинская наб., 16.
Издательская лицензия ЛР № 050020, выдана 29.07.91 г.

Оригинал-макет подготовлен фирмой «Златоцвет»
101462, Москва, Бумажный пр-д, 14.

Смоленский полиграфический комбинат Комитета Россий-
ской Федерации по печати. 214020, г. Смоленск, ул. Смолья-
нинова, 1.

Издательство
"Ириус"